Казахский национальный университет имени Аль-Фараби

УДК 94 (5) «2011/22»

На правах рукописи

АМИРБЕКОВА САГЫНЫШ КОПЕНОВНА

«Арабская весна» в освещении мировой и отечественной ориенталистики: сравнительный анализ

6D020900 – Востоковедение

Диссертация на соискание степени
доктора философии PhD

Отечественный научный
руководитель:
ассоцированный профессор
к.филос.н. Е.У. Байдаров

Зарубежный научный
консультант:
PhD Байрам Балчи

Республика Казахстан
Алматы, 2025

СОДЕРЖАНИЕ

ОБОЗНАЧЕНИЯ И СОКРАЩЕНИЯ.....3
ВВЕДЕНИЕ.....4

1 «АРАБСКАЯ ВЕСНА» И ЕЕ ТЕОРЕТИКО-КОНЦЕПТУАЛЬНОЕ ОТРАЖЕНИЕ В ТРУДАХ ЗАРУБЕЖНЫХ И ОТЕЧЕСТВЕННЫХ ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ.....13
1.1 Теоретико-концептуальное отражение «Арабской весны» в исследованиях ученых стран БВСА и Запада.....13
1.2 Восприятие «Арабской весны» в научном и экспертном сообществе России и Казахстана.....51
1.3 Анализ интерпретаций арабского кризиса в зарубежных и отечественных исследованиях 68

2 БЛИЖНИЙ ВОСТОК И ВЫЗОВЫ XXI ВЕКА: ВЗГЛЯД НА РЕВОЛЮЦИИ И ПРИЧИНЫ «АРАБСКОЙ ВЕСНЫ».....78
2.1 Протестные движения как триггеры революции в странах Арабского Востока: анализ переменной стабильности и нестабильности политических режимов 78
2.2 Социально-экономические концепт изучения процессов «Арабской весны».....94
2.3 Роль внешних факторов в «ante et post» арабских революций 2010-х гг....103

3 КАЗАХСТАН В КОНТЕКСТЕ «АРАБСКОЙ ВЕСНЫ».....139
3.1 Влияние «Арабской весны» на дерадикализацию и профилактику терроризма и религиозного экстремизма в Казахстане: выводы и рекомендации 139
3.2 Казахстанская молодежь и проблемы религиозного экстремизма РК 143
3.3 «Трагический январь» 2022 г. в Казахстане и «Арабская весна»: сравнительный анализ.....159
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....167
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ.....176

ОБОЗНАЧЕНИЯ И СОКРАЩЕНИЯ

БВСА	–	Ближний Восток и Северная Африка
ЦА	–	Центральная Азия
ООН	–	Организация Объединенных Наций
НАТО	–	Организа́ция Североатланти́ческого догово́ра
ССАПГЗ	–	Совет сотрудничества арабских государств Персидского Залива
БМ	–	Братья мусульмане
ИГИЛ	–	Исламское государство Ирака и Леванта
ИГ	–	Исламское государство
ПСР	–	Партия справедливости и развития
ЕС	–	Европейский союз
ШОС	–	Шанхайская организация сотрудничества
ОДКБ	–	Организация договора о коллективной безопасности
ЛАГ	–	Лига арабских государств
ИРИ	–	Исламская Республика Иран
ЧВК	–	Частная военная компания
МВФ	–	Международный Валютный Фонд
ВБ	–	Всемирный банк

ВВЕДЕНИЕ

Общая характеристика работы. В диссертации осуществлен анализ всех доступных на сегодняшний день точек зрения, как западных, арабских, российских, так и казахстанских ученых-востоковедов, а также экспертов, представляющих самый широкий спектр социально-гуманитарных дисциплин, в которых так или иначе рассмотрены вопросы, посвященные событиям «Арабской весны», прокатившейся в регионе Ближнего Востока и Северной Африки (БВСА) в конце 2010 года. Такой анализ позволяет исследовать «Арабскую весну» многоаспектно, что дает возможность рассмотреть социальные протесты в арабском мире через призму взаимосвязанных между собой процессов: политических, экономических, социальных проблем и сложной этно-конфессиональной ситуации в большинстве стран БВСА.

Актуальность темы исследования. Во-первых, актуальность темы диссертационного исследования обусловлена тем, что с момента «запуска» революционных процессов, мощной волной прошедшей по арабским странам Магриба и Машрика, мы можем наблюдать, что те события, которые имели место в конце 2010 г., не закончились, а приобрели перманентный характер. Сценарий «Арабской весны» повторился в других регионах мира, включая независимые государства Центральной Азии (ЦА). Пример «Трагического января» 2022 года в Казахстане, яркое тому свидетельство, что придает теме диссертационного исследования еще более актуальный характер.

Во-вторых, регион БВСА на протяжении веков играл ключевую роль в мировой политике, экономике, культуре и религии. Как один из важнейших центров мировой цивилизации регион оказывал огромное влияние на развитие человечества. Его историческое значение как политического, экономического, религиозного и культурного центра сохраняется и в XXI веке. В условиях современной глобализации, затрагивающей и восточные страны, это роль лишь возрастает и приковывает к ней пристальное внимание мировых и региональных держав, затрагивая в том числе и их интересы.

Мировая ориенталистика с большим интересом наблюдает за всеми процессами в БВСА, где особенно огромное внимание было уделено «Арабской весне». За прошедшее время был накоплен большой массив материалов, который позволяет рассмотреть причины арабских революций с разных точек зрений, тем самым позволяя выявить сущность многих политических, экономических, социальных процессов, происходящие сегодня внутри арабских сообществ БВСА. Анализ данных процессов добавляет исследованию дополнительную ценность, способствуя вкладу в развитие отечественного, «современного востоковедения».

В-третьих, «Арабская весна» и дальнейший ход революции в регионе БВСА «реанимировал» и возродил «дух» находившихся в спячке политических режимов исламских политических партий («Ан-Нахда» в Тунисе, «Братья-мусульмане» в Египте и Ливии), а также вывел на новый уровень деятельность радикальных исламистских террористических организаций («Аль-Каида»,

ИГИЛ, Джебхат ан-Нусра и др.), что вылилось в гражданское противостояние в Ираке и Сирии, воскресив идею создания всемирного мусульманского государства, включив в зону своего идеологического влияния страны Центральной Азии (концепт «Хорасан»), включая Казахстан.

Эти и другие вопросы требуют своего тщательного изучения событий «Арабской весны», что даст возможность оценить степень влияния подобных революций на страны Центральной Азии и выработать стратегии по предотвращению распространения данных диструктивных последствий.

Степень разработанности проблемы. О проблеме изучения «Арабской весны» и арабских революций 2010-х гг. в рамках «Modern Oriental Studies» написано множество трудов в мировой и отечественной литературе. Необходимо отметить, что различные геополитические, социально-экономические, религиозные и другие аспекты, связанные с причинами, ходом и особенностями массовых выступлений населения в странах Арабского Востока, получили некоторое освещение и в современной востоковедческой науке Казахстана. При этом куда большее внимание «Арабской весне» уделяется в публикациях западных, российских востоковедов, политологов и историков, а также исследователей из арабских стран.

С началом «Arab Spring» многие западные исследователи уделили свое внимание различным аспектам причин арабских революций. Так, эндогенный фактор «Арабской весны» отмечает Мошен Хан (Mohsin Khan) [1]; экономический крах арабских государств выделяет Бесма Момани (Bessma Momani) [2]; Паул Ривлин (Paul Rivlin) [3], Элиас Папайоанну и Грегориос Сиоронис (Elias Papaioannou, Gregorios Siourounis*)* [4] полагают, что на арабские революции больше всего повлияли социальные проблемы; Шедмер Мехди (Shadmehr, Mehdi) [5] исследует роль, сущность и доходы гражданского общества в формировании государств БВСА; Славой Жижек [6] и Питер Холлуорд (Peter Hallward) [7] винят деспотический режим, коррупцию и бедность арабских стран.

В свою очередь, Николя Тенез (Nicolas Tenez) [8], считает Францию ответственной за судьбу арабских стран; Синан Элджин, Натан Дж. Браун, Марина Оттавей и Пол Салем (Sinan Elgin, Nathan J. Brown, Marina Ottaway and Paul Salem) [9] ищут способы преодоления последствий революций. Инкен Бартелс (Inken Bartels) [10], Бачир Хамдуш и Жаклин Ванба (Bachir Hamdouch and Jackline Wahba) [11] анализируют изменения в миграционной политике Ближнего Востока. Майкл Хардт, Антонио Негри (Michael Hardt and Antonio Negri) [12] главной причиной революций указывают проблему безработицы, Вай Мун Хон (Wai Mun Hong) [13] исследует трудности трудоустройства арабской молодежи. Филипп Говард и Музамел Хусейн (Philip N. Howard & Muzammil M. Hussain) [14] отмечают роль социальных сетей в трасформации политического ислама. Американские ученые Эрик Чейни (Eric Chaney) [15] и Ларри Даймонд (Larry Diamond) [16] изучают роль «демократического дефицита» в протестах. Если, Асеф Баят (Asef Bayat) [17] сравнивает «Арабскую весну» с революциями 1970-х годов на БВСА и иранской

революцией, то французский философ Ален Бадью (Alain Badiou) [18] в ближневосточных событиях увидел определенный оптимизм.

В конспирологическом аспекте события «Арабской весны» рассматривает Генри Киссинджер (Henry Kissinger) [19] и Раймонд Хиннебуч (Raymond Hinnebusch) [20]: по их мнению, вмешательство мировых держав привело к конфронтации баланс региональных сил. Хиллари Клинтон (Hillary Clinton) [21] говорит о попытке сохранить у власти союзника в лице Х. Мубарака. Роль молодежи как «первопроходцев» в свержении политических режимов рассматривает Эдгар Морин (Edgar Morin) [22].

Роли политического ислама посвящены работы Оливье Руа (Olivier Roy) [23], росту терроризма и преступлениям со стороны ИГИЛ посвятили свои исследования Джона Чипмана (John Chipman) [24], Кон Кафлин (Con Coughlin) [25], Джон Бредли (John R. Bradley) [26], Кай Хафиз (Kai Hafiz) [27]. О суровых законах шариата рассуждает Матье Гудье (Mathieu Goudier) [28]. Пессимистические и безуспешные результаты в революциях видят Иммануил Валлерстайн (Immanuel Wallerstein) [29], Марсель Пот (Marcel Pott) [30], Пол Госселин (Paul Gosselin) [31], Ота Шеффер (Ota Schafer) [32], Эльдад Бек (Eldad Beck) [33]. Гюнтер Орт (Günther Orth) [34] поднимает вопрос о безнаказанности арабских правителей, Софи Зомборани (Sophie Zomborani) [35] пишет о насущных жизненных проблемах арабского мира. Израильский ученый Шломо Авинери (Shlomo Avineri) [36] вопрошает, «что случилось с высшим революционным обществом», проводя параллели с революциями прошлого. В свою очередь, немецкие исследователи Клаус Галлас, Ясир Айдын и Мюриэль Ассибург, Йохен Беттнер (Klaus Gallas, Yasser Aydin und Muriel Assiburg, Jochen Bettner) [37], исследуют причины «Арабской весны» в контексте демократических процессов. Михаил Гройс (Mihail Groys) [38], Джонатан Кук (Jonathan Cook) [39] дискутируют об «Арабской весне» с точки зрения безопасности Израиля. Фолькер Бертис (Volker Perthes) [40], Кэтрин Далакура (Katerina Dalacoura) [41], Иммануил Валлерстайн (Wallerstein) [42] беспокоятся о геополитических последствиях прошедших революций для политики европейских стран.

Среди ученых арабских стран следует выделить Мухаммеда аль-Шанкаити [43], который основательно изучил проблемы реформирования арабских стран. Тауфика Буахрина [44] и Сатиф Крауши [45] изучивших контрреволюционный период «Арабской весны». Махди Мабрук [46], исследовал внутренние проблемы стран Ближнего Востока. Абдель Салам [47] рассуждает о политике Муаммара Каддафи в Ливии и его влиянии на арабский мир.

Не мало работ арабских ученых, посвящены внешнему вмешательству США и стран Запада в события «Арабской весны»: Рафик Абдессалем [48], Джордж Сабр [50], Саиф Абдель Фаттах [51], Азиз ал-Хадади [52]. О роли России в сирийском кризисе пишет Радвана Зиаде [53], о тяжелом политическом и военном расколе Ливии рассуждает Ауад Ибрахим [54] и Малик Харраса [55], о политическом исламе в Египте говорит Иман Хусни [56].

Немало ученых уделили внимание арабо-израильскому конфликту – Абд Рахман [56], Хасан Хидр [58], Ахмед аль-Туейджри [59], Аднан Хайаджне [60], Ибрагим Аллуш [61]. Среди арабских ученых, есть и те, которые считают внешнее вмешательство главной причиной арабских революций, среди них – Махмуд аль Джари [62], Фарис Тантави [63]. Роли Ирана в прошедших событиях уделили внимание – Закрия Сулейман [64], Аль-Шаммари [65]; кризису в Йемене посвятили свои труды – Мустафы Хамида [66], Набиль Али аш-Шарджаби [67], Хасан Нафаа [68]. Стоит отметить также и Адиб Наама [69], который предложил для всех стран, где вспыхнули революции – Дорожную карту (Road Map), т.е. конкретные шаги, способствующие мирному переходу власти и началу реальных реформ.

Большой вклад в исследование причин и дальнейшего развития «Арабской весны» внесли востоковеды России. Так, например, В. Мутузов [71], Л.Л. Фитуни [72] проанализировал разносторонние аспекты в событиях «Арабской весны». О. Павлов [73], В. Наумкин [74] осуждают политику США и стран Запада. Востоковед Ю.И. Успенский[75] раскрывает роль внешних держав (через катарско-саудовско-турецкие взаимосвязи), И.Д. Звягельская [76], Е.М. Примаков [77] и Д.Б. Малышева[78] исследуют внешний фактор в делах Ливии и Сирии. Обширную работу провели по сирийскому кризису Б.В. Долгов [78] и А. Степанова [80].

На эндогенные факторы обращает внимание Г.И. Мирский [81] и С.В. Филатов [82], разносторонние аспекты в событиях «Арабской весны» проанализированы в работах Е.Я. Сатановского [83], о последствиях революций говорит П.М. Колесников [84], об авторитарных лидерах арабских стран пишут И.В. Рыжов и М.Ю. Бородина [85], политику США на Ближнем Востоке разносторонне изучает А.И. Шумилин [86], маштабный анализ по всем факторам, в том числе межконфессиональные проблемы в арабском мире проводит А.Б. Поцераб [87].

Среди отечественных ученых особое внимание уделили социально-экономическим факторам «Арабской весны» и ее последствиям отечественные ученые М.Т. Лаумулин [88] и Р. Жумалы [89]. Необходимо упомянуть также монографию А.А. Мусина [90], посвященная анализу международных конфликтов в мире и изменений, происходящих в арабском регионе. Радикальные течения и движения на территории Центральной Азии исследует З.Г. Джалилов [91]. Е. Карин [92] представил систематизированный анализ угроз и безопасности центральноазиатских стран в контексте «Арабской весны».

Среди работ посвященных анализу возможного повторения сценариев, подобной «Арабской весне», где основой социальных протестов может выступить казахстанская молодежь, следует выделить коллективный труд «Коктейль Молотова. Анатомия казахстанской молодежи» [93], авторами которой выступили Д. Сатпаев, Т. Умбеталиева, А. Чеботарев, Е. Алияров, А. Жусупова, М. Абишева, Р. Жумалы, Д. Косназаров и Н. Султанмуратов. Ж. Кулекеев [94] пишет о радикальных группировок в Казахстане. Е.А.Пастухов

[95] дает обширный анализ событиям с аналитическими выводами. А. Нурша [96] поднимает вопрос о военной мощи Каспийской флотилии и в целом ВМФ России в операциях в Сирии. Б. Абдуллин [97] изучает сирийский кризис. А.К. Бисенбаев [98] провел тщательный научно обоснованный анализ вероятности «цветных революций» в России и странах Центральной Азии. Немало трудов посвятил протестным движениям, происходившем в арабском мире С. Акимбеков [99].

Объектом исследования выступает феномен «Арабской весны» в регионе Ближнего Востока и Северной Африке (БВСА).

Предметом исследования являются теоретико-концептуальные мнения западных, арабских, российских и отечественных ученых на основные факторы возникновения революций «Арабской весны» и их последствий на региональном и глобальном уровнях.

Целью диссертационного исследованияя является исследование революций «Арабской весны» в освещении мировой и отечественной ориенталистики, сравнительный анализ внутренних и внешних факторов приведших к арабским революциям 2010-х гг., а также роли и места Республики Казахстан в геополитических раскладах внешних акторов в контексте прошедших событий.

Реализация поставленной цели исследования предполагает решение следующих задач:

– выявить позиции западных, арабских, российских и отечественных экспертов относительно политической ситуации на БВСА;

– проанализировать основные направления интерпретаций «Арабской весны» в теоретическо-концептуальных представлениях мировой и отечественной ориенталистики;

– дать характеристику «Арабской весны» как современного феномена в контексте теории международных отношений;

– изучить основные эндогенные факторы событий «Арабской весны» как основных триггеров и факторов в начале революций в регионе БВСА;

– рассмотреть внешние факторы, оказавшие влияние на ход изучаемых событий «*ante et post*», в частности, влияние со стороны США, Турции, Ирана и России;

– проанализировать риски и угрозы со стороны радикальных исламистских движений на политическую стабильность в странах Центральной Азии;

– осуществить мониторинг предпосылок для распространения религиозного экстремизма в Казахстане среди молодежи;

– выделить комплекс мер, направленных на противодействие угрозе распространения религиозного эксремизма и религиозно мотивированного терроризма в Казахстане в свете «Арабской весны»;

– провести анализ событий «Трагического января» 2022 года в Казахстане в контексте их сравнения со сценарием арабских революций 2010-х гг.

Теоретико-методологической основой диссертационного исследования послужили труды отечественных и зарубежных авторов по исследуемой проблеме. Особое место среди них занимают теоретические работы затрагивающие исторически обусловленные, политические, экономические, социокультурные аспекты жизни арабских сообществ как в прошлую, так и в современную эпоху. В работе использованы как общенаучные – анализ, синтез, индукция, дедукция, так и специальные методы – текстологический метод, метод факторного анализа, диахронный метод, синхронный анализ, позволившие наиболее полно и объективно исследовать проблематику процессов, вызванных событиями «Арабской весны».

Эмпирическая и источниковая база диссертационной работы состоит из исследований зарубежных и отечественных ученых (книги, научные монографии, статьи), опубликованные за последние время; официальные документы и Законы арабско-мусульманских стран; выступления, заявления, интервью политических деятелей; материалы зарубежных и отечественных государственных новостных агентств; международные и статистические данные арабских государств; данные социологического опроса, проведенного диссертантом в ходе исследования для выяснения о реальных предпосылках распространения экстремизма в Казахстане, а также отчет о реализации Государственной программы по противодействию религиозному экстремизму и терроризму в Республике Казахстан на 2018-2022 годы.

Хронологические рамки исследования определяются 2011-2022 гг.

Научная новизна исследования заключается:

1. в диссертационном исследовании проведен комплексный анализ исследований как западных, так и арабских авторов, посвященных историческим, социальным и экономическим причинам крупнейшего в первой четверти XXI в. политического кризиса, который охватил ряд арабских государств БВСА. При этом следует отметить, что труды исследователей из стран, по которой прокатилась «Арабская весна», прежде в отечественной научной литературе не получили какого либо должного освещения. В связи с этим, заполнение данного вакуума в историографии процессов, охвативших регион БВСА имеет определённую новизну;

2. в работе систематизирована историографическая база, прямо или косвенно затрагивающая различные аспекты предлагаемого исследования, а также создана база для дальнейших исследований в данном направлении;

3. в рамках представленного диссертационного исследования разработаны и теоретически обоснованы методологические основы решения проблем политического кризиса, религиозно мотивированного терроризма и экстремизма;

4. в диссертации впервые проведен сравнительный анализ особенностей позиций западных и российских экспертов, относительно внешнего фактора массовых выступлений в странах Арабского Востока. При этом установки российских исследователей коррелируют с позицией военно-политического руководства Российской Федерации;

5. в научный оборот введен значительный круг источников на арабском, английском и других языках, что позволяет использовать их для разработки теоретических и сравнительно-исторических концепций, противостоящих негативным явлениям политического и социально- экономического развития в странах арабского мира;

6. в диссертационной работе проведена типологизация теоретико-методологических взглядов исследователей на сущность и истоки перманентных политических кризисов в странах Арабского мира, что позволяет прийти к выводу, что прошедшие события имеют сложный характер, где тесно переплетены различные явления (политические, социальные, экономические, этнические, религиозные, демографические и др.) в жизни арабских сообществ;

7. изучены группы внутренних и внешних факторов, выступающих катализаторами социально-политических кризисов и внутриполитической нестабильности Арабского Востока в диахронном (историческом) и синхронном аспектах;

8. проведен анализ исследований казахстанского научно-экспертного сообщества в контексте событий «Арабской весны» как в теоретическом, так и в практическом аспекте;

9. определены особенности протестных выступлений, присущих отдельным арабским странах БВСА, а также общие черты, характерные для арабских стран в целом. Это создаёт методологическую основу для экстраполяции созданной матрицы на другие регионы мусульманского мира, в том числе стран Центральной Азии.

Основные положения, выносимые на защиту:

1. «Арабская весна» – это серия антиправительственных протестов, восстаний и вооруженных мятежей в 2011-2013 гг., вызванная социально-экономическими проблемами и стремлением к политическим свободам. Итогами «Арабской весны» стали свержение ряда авторитарных режимов, однако регион столкнулся с политической нестабильностью, гражданскими войнами, миграцией в сторону стран Западной Европы и активизацией радикальных эктремистско-террористических движений;

2. Анализ детерминат «Арабской весны» доказывает центральную роль эндогенного фактора. В российском, западном, арабском и казахстанском научном сообществе оказались достаточно объективно и подробно освещены очень многие факторы эндогенного характера. Факторы, накапившиеся десятилетиями включали в себя: социально-экономические проблемы – безработица, неравенство доходов, бедность, коррупция в государственных органах, отсутствие социальных лифтов и неэффективность экономики и реформ, также политические проблемы – авторитаризм, отсутствие демократических институтов, коррупция, фальсификация выборов и передача власти по наследству;

3. «Арабская весна» имела разрушительные последствия на геополитику в регионе. Турция, Иран и Саудовская Аравия активизировали борьбу за доминирование в регионе, кроме того региональное лидерство стало предметом

ожесточенной борьбы между США и стран Запада и России, имеющих дифференцированное значение для той или иной страны арабского мира, усилились этноконфессиональные противоречия, которые усугубили и без того хрупкий мир в регионе на фоне геополитического противостояния;

4. Анализ событий «Арабской весны» проводится через призму мнений как отечественных, так и зарубежных исследователей. Комплексный обзор всех существующих на сегодняшний день взглядов (востоковедов, политологов, философов, экономистов и др.) позволяет рассмотреть «Арабскую весну» с разных сторон, выявляя взаимосвязь социально-экономических проблем и геополитических факторов на БВСА;

5. Предлагается интерпретация «Арабской весны» сквозь призму мнения ученых сгруппированные в пять дискурсивных категорий, где каждая из этих категорий, способствует более глубокому пониманию сложности и многогранности революционных процессов, прокатившихся в арабском мире в 2010 гг.;

6. Вопрос влияния событий в ближневосточном регионе на национальную безопасность Казахстана требует тщательного исследования, поскольку нестабильность и безвластие создают идеальное условия для процветания преступности и терроризма в регионе, а процессы исламизации и радикализации экспортируются и напрямую угрожают безопасности стран Центральной Азии;

7. Уровень религиозности современной молодежи Республики Казахстан в целом не выходит за рамки общих для всей Центральной Азии тенденций, а имеющиеся, пусть и весьма скромные, эмпирические данные позволяют сделать вполне определенные выводы, согласно которым молодое поколение стран Центральной Азии довольно индифферентно к идеям религиозного экстремизма и терроризма. Эти выводы видны по проделанному социальному мониторингу среди молодежи Казахстана, посвященных предпосылкам распространения экстремизма и терроризма;

8. События «Трагического января» 2022 года в Казахстане, в богатом ресурсами и с социально-экономическими проблемами государстве, дают повод провести параллели с «Арабской весной» 2010-х гг. Уроки этих двух событий, произошедшие в разных географических регионах мира имеют три общих фактора: социальный, внутриполитический и геополитический.

Научно-теоретическая и практическая значимость работы. Положения диссертационной работы могут быть использованы при дальнейших исследованиях проблематики «Арабской весны». Представленные в диссертационном исследовании материалы и выводы могут быть использованы в ходе прогнозирования социально-политических процессов как в регионе БВСА, так и других регионов мира (например, в конфликтогенных регионах Юго-Восточной Азии, Африке южнее Сахары и т д.). С восточными странами Казахстан связывают тесные политические, экономические и культурные связи вызванные близостью как историко-культурной, так и религиозной общностью. Результаты диссертационного исследования могут

быть использованы в лекционных курсах и спецкурсах по востоковедным дисциплинам («Фундаментальные проблемы и концепции современного востоковедения»), теории международных отношений и мировой геополитике, политологии и др.; для разработки учебных пособий по зарубежному регионоведению, подготовки справочной литературы посвященных политическим процессам в арабских странах Ближнего Востока и Северной Африки, а также в противодействии религиозному экстремизму и терроризму в Республике Казахстан и стран Центральной Азии в целом.

Теоретическая значимость исследования заключается, прежде всего, в проведении сравнительного анализа концептульных мнений ученых России, Запада, стран БВСА и Казахстана. Исследован комплексный анализ факторов, процессов и последствий революционных событий на Ближнем Востоке. Представленное диссертационное исследование, посвященное комплексному анализу детерминат возникновения протестных движений в регионе БВСА и оценке воздействия «Арабской весны» на национальную безопасность Республики Казахстан, обладает высокой значимостью для получения объективного знания о происходящих в регионе процессах и разработке механизмов и эффективных стратегий противодействия их деструктивным последствиям и нейтрализации потенциальных угроз.

Апробация результатов исследования. Диссертационная работа обсуждена и рекомендована к защите на совместном заседании кафедры Ближнего Востока и Южной Азии факультета востоковедения Казахского национального университета им. Аль-Фараби и Отдела стран Ближнего и Среднего Востока Института востоковедения им. Р.Б. Сулейменова Комитета науки МНВО РК.

Основные научно-теоретические результаты, материалы и выводы диссертационного исследования были изложены в 16 публикациях (из них: семь статей в изданиях, рекомендованных КОКСНВО МНВО РК, две научные статьи индексируемом в базе данных Scopus; две статьи в журналах стран ближнего зарубежья («Молодой исследователь: вызовы и перспективы», Россия, 2018-2019) и четыре в сборниках международных и республиканских научно-практических конференций).

Существенные положения диссертации были апробированы в докладах и выступлениях международных и республиканских научно-практических конференциях, форумах, круглых столах и семинарах.

Структура диссертационной работы обусловлена логикой раскрытия темы исследования, особенностями поставленной цели и решаемых задач. Диссертация состоит из введения, трех разделов, заключения и списка использованных источников.

Объем диссертации составляет 187 страниц. Список используемых источников включает 211 наименований.

1 «АРАБСКАЯ ВЕСНА» И ЕЕ ТЕОРЕТИКО-КОНЦЕПТУАЛЬНОЕ ОТРАЖЕНИЕ В ТРУДАХ ЗАРУБЕЖНЫХ И ОТЕЧЕСТВЕННЫХ ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ

1.1 Теоретико-концептуальное отражение «Арабской весны» в исследованиях ученых стран Запада и БВСА

С конца 2010 года начиная с событий в городе Сиди-Бузид в Тунисе и до настоящего времени научно-исследовательские центры, институты, аналитические центры, периодические научные издании, телевизионные и радиоканалы, а также социальные сети и веб-сайты всего мира стали широко освещать и подробно изучать массовые протесты в Египте, Тунисе, Ливии, Йемене, Сирии и Бахрейне. Многочисленные исследования, проведённые западными, арабскими, российскими и отечественными экспертами, политиками и аналитиками, были посвящены детерминатам и факторам революций, хронологии событий, последствиям и даже прогнозам относительно будущего стран Арабского мира. В последние годы было опубликовано большое количество материалов в виде статей, книг, монографий, сборников и т.д., содержащих ценные научные и документальные данные о событиях, которые потрясли Ближний Восток и привлекли внимание мировой общественности.

***

Мнения западных ученых относительно революций «Арабской весны»

Вспышка арабских освободительных движений оказала глубокое влияние как на арабское, так и на западное сознание. Атмосфера оптимизма и проблески демократии и свободы слова, царившие в первые месяцы, оказали глубокое влияние на западную общественность, которая поначалу отреагировала одобрительно с надеждой на позитивные изменения. Бурные события арабского мира взволновали также и западных ученых-востоковедов. Поэтому статей и других работ, посвященных событиям «Арабской весны» на западных языках было написано неизмеримо больше, чем даже на арабском языке. Публикации, посвященные арабским революциям, концентрировались вокруг таких тематических направлений, как исламский фундаментализм, подъем политического ислама, экстремизм, терроризм, ИГИЛ, Аль-Каида, политические конфликты, стратегии международных и региональных держав, а также последние события палестино-израильского и ирано-израильского конфликтов.

Одна из самых главных тем – это угроза безопасности и стабильности государств Европы. Кроме того западный научный истеблишмент большое внимание уделяет настощему и будущему Арабского региона, экономике, социальным проблемам, роли молодежи как отдельных элементов общества, особым структурным и институциональным особенностям стран БВСА, в том числе вопросам и проблемам добычи нефти, иностранного вмешательства, типам политических режимов, передаче и наследственности власти, лидеров в

высших эшелонах власти, которые играют ключевую роль в определении направленности событий и др. В итоге значительное количество исследований западных ученых-востоковедов, исследователей, политиков и аналитиков стали наиболее существенным материалом со структурными анализом и конкретными фактами в изучении «Арабской весны».

Эндогенный фактор

Среди тем, которые были исследованы и проанализированы западными учеными, мы хотим подробно остановиться на тех, которые получили наиболее широкое обсуждение в западном научном сообществе.

Спонтанная популярность арабских революций, и те события, которые транслировали спутниковые телеканалы напрямую во всем мире, дали сильный стимул цифровому популизму, приведшего к серьезным изменениям на политической карте региона и поднявшему среди западных востоковедов основную проблему роли эндогенного фактора.

В исследованиях западных ученых достаточно много внимания уделено решению первостепенных проблем, в том числе и пересмотру экономических реформ. Так, в Центре Атлантического совета по Ближнему Востоку имени Рафика Харири под заголовком «Экономические последствия «Арабской весны», опубликовано исследование экономиста Мохсена Хана, бывшего директора Международного валютного фонда Атлантического совета в Вашингтоне. В своем статистическом исследовании он объясняет последствия экономического краха в арабских странах в переходный период. В частности, он выражает уверенность в том, что этого провала было достаточно, чтобы спровоцировать «новый виток политической нестабильности и народных волнений» [1, с. 1–2]. Его исследование показало, что шесть арабских государств находятся в критическом состоянии и кризисной фазе. Речь идет о таких странах, как Египет, Иордания, Йемен, Ливия, Марокко и Тунис (2011–2012 гг.). В своем исследовании Мохсен Хан уверен, что краткосрочные популистские меры, предпринятые политически мотивированной властью, оказывают влияние на устойчивость экономику в долгосрочный период. Он делает вывод, что обещания демократии, политические репрессии и экономический спад, коррупция в правительстве, безработица и отсутствие социальной лифтов стали взрывоопасной смесью революций.

Профессор Бессма Момани Из университета Ватерлоу [2, с. 20] в своем анализе прошедших событий утверждает, что, структурные аргументы хотя и понятны во многих аспектах политики и истории Ближнего Востока, но они не подходят для интерпретации «Арабской весны», поскольку эти революции произошли именно из-за социально-экономических проблем, ответственными за которые были правительства этих стран. Маштабность протестов, охвативший весь регион, не имели аналогов в истории региона. Некоторые исследователи обсуждают и размышляют о взаимодействии экономических и политических факторов, которые сыграли решающую роль в политических выступлениях в арабских странах. К примеру, ученый из Колубийского

университета Пол Ривлин исследует экономическую составляющую «Арабской весны» и анализирует сочетание таких факторов, как накопление демографического давления, экономические неудачи, растущее неравенство в распределении доходов и различные политические последствия таких событий [3, с. 71-74]. Профессор Элиас Папайоанну и Грегориос Сиоронис считают, что экономическое развитие и образование являются наиболее важными факторами для успешного перехода к демократии [4, с. 79]. Другой исследователь Мехди Шадмер утверждает, что соотношение между величиной дохода, класса общества (социального положения) и репрессии со стороны режима – это взаимодействие, которое может предсказать, произойдут ли протесты в этой стране с попыткой свержения режима [5, с.25].

В своей работе «Почему боятся арабского революционного духа?» Славой Жижек утверждает, что в протестах в Тунисе и Египте отсутствуют задатки исламского фундаментализма, так как население восстало против деспотического режима, коррупции и бедности с требованием свободы и экономических гарантий. Тем самым оказалась опровергнута циничная мысль западных либералов, по мнению которых подлинное демократическое сознание в арабских странах присутствует только у немногочисленной либеральной элиты, а подавляющее большинство населения может быть мобилизовано только с помощью религиозного фундаментализма или национализма» [6, с.17].

Западный политический философ, профессор Кингстонского университета Питер Холлуорд подчеркивает явные внутренние проблемы арабских государств: «Действительно, последние тридцать лет эти элиты беспощадно эксплуатировали большую часть общества, профсоюзы были закрыты, уровень реальной заработной платы оказался низким, социальная сфера приватизирована, общественные богатства разграблены. Долгие годы, пока «альтернативы не было», в большинстве стран силы сопротивления были либо маргинальны, либо играли чисто символическую роль» [7, с. 55]. Говоря о внешнем влиянии Запада, исследователь в первую очередь обвиняет Запад в экономическом кризисе 2008 года, который нанес тяжелый удар по всем отраслям экономики.

Французский историк, профессор политологии Тулузского университета Николя Тенез, считает Францию ответственной за арабские страны, которые являлись колониями Франции [8, с. 34]. Франция, в которой живут большое число лиц арабского происхождения, имеет историческое влияние в арабском мире гораздо более широкое, чем другие колониальные государства. Франция колонизировала страны Магриба со времен оккупации Алжира (1830) и считала их своей неотъемлемой частью. Французская колонизация в арабских странах характеризуется культурным и урбанистическим влиянием от Бейрута до Алжира.

Определенный интерес вызывает исследование «Формирующаяся система на Ближнем Востоке», авторами которой стали эксперты Института международной политики Карнеги в Вашингтоне Синан К.Л. Элджин, Натан Дж. Браун, Марина Оттавей и Пол Салем. Ища способы преодоления

последствий революций, они в первую очередь делают акцент на экономические реформы и социальные проблемы, а также поддержке демократии в арабском мире. По их мнению, формирующаяся политическая система на Ближнем Востоке далека от идеала, а новые политические лидеры, занимающие прочные позиции вызывают много споров. В итоге ученые ставят ряд задач для принятия экономических и политических мер, которые США должны предпринять, чтобы отреагировать на смену власти и выстроить отношения с новыми властями [9, с. 121].

Учеными Запада большое внимание уделяется социально-экономическому измерению, с точки зрения миграции и безработицы. Так, Инкен Бартелс [10, с. 58] анализирует изменения в миграционной политике Туниса после «Жасминовой революции». По его мнению, эмиграция является своего рода выходом из трудного положения для многих молодых людей, которые не видят перспектив в своих странах и мечтают о лучшей жизни в Европе. Параллельно с растущей эмиграцией из Туниса с 2011 года Запад столкнулся с продолжающейся транзитной эмиграцией из Ливии, Алжира, Египта и т.д. Бачир Хамдуш и Жаклин Ванба исследует недавние изменения в эмиграции Марокко и анализирует три основные тенденции, а именно: уменьшение эмиграции марокканцев в Европу, увеличение обратной миграции в Марокко (особенно высококвалифицированных молодых выпускников) и увеличение иммиграции в Марокко из Африки к югу от Сахары [11, с. 20]. Эти изменения также повлияли на изменение профиля марокканских эмигрантов, включая увеличение доли молодых женщин-мигрантов и уровень высшего образования. Эмиграция остается важным экономическим и социальным альтернативным вариантом для молодежи арабских стран.

«Арабская весна» оказалась в определенном политическом кризисе. Кроме того обострились проблемы в экономике, безработице, миграции наряду с кризисом накопления социальных проблем. Утверждения об «Арабской весне» как региональном движении во главе с молодыми, образованными революционерами, стремящимися к укреплению прав человека, привлекло внимание всего мира. В частности, Майкл Хардт, Антонио Негри в исследовании «Арабы – пионеры новой демократии» главной причиной революций указывают на проблему безработицы, отмечая, что: «В центре этих событий находилась молодежь с высшим образованием и неудовлетворенными амбициями; это люди, имеющие много общего с протестующими студентами Лондона и Рима. И хотя основные требования Арабского мира связаны со свержением тираний и авторитарных режимов, за ними также стоит целый ряд социальных требований, касающихся условий жизни и труда, требований не просто покончить с зависимостью и нищетой, но и дать власть и автономию образованной, деятельной части населения» [12]. Вай Мун Хон [13, с. 95] рассказывает о трудностях, с которыми сталкиваются молодые люди при входе в трудовой рынок стран БВСА. Ее статистический анализ безработицы среди молодежи, демографии, развития человеческого потенциала и систем

образования ставит под вопрос существующие проблемы и препятствия для молодого поколения, в частности молодых образованных выпускников.

Возможно, самыми выдающимися исследованиями и методами анализа, опубликованными на Западе, были работы исследовательских, научных, интеллектуальных центров, ученые которых предоставили различные интерпретации о событиях в арабском мире. Один из лучших немецких исследовательских центров «Немецкое общество международного сотрудничества» разместил на своем сайте материал об арабских революциях с хронологией событий «Арабской весны». В этом обширном материале содержится длинный список наиболее важных научных, политических и социальных работ, выпущенных в период 2011–2023 гг. с пояснениями и разъяснениями характера их содержания. В свою очередь «Федеральный центр политического образования» опубликовал в соавторстве нескольких ученых «Хронологию арабской весны» [100], где исследуется каждая страна отдельно с графиками об эволюции событий в зависимости от фактора времени. Этот труд представляет собой системную хронологию событий с обзором основных действий в регионах (Египет, Бахрейн, Йемен, Иордания, Кувейт, Ливия, Марокко, Арабское королевство Саудовская Аравия, Сирия, Тунис), охваченные протестами и забастовками (с середины декабря 2010 года и начало 2011 года). Хронология сравнивает события в разных арабских странах, проводит параллели между действиями объекта или группами субъектов: правительства, демонстрантов и субъектов регионального и международного сообщества. Последовательность основана на оценке большого количества статей в прессе, отчетов и агентств, рассмотренных экспертами. В целом ученые описывают роль современных технологий, помощь смартфонов и социальных сетей в интифаде и ее перехода в соседний Египет и Ливию. В докладе также не забывают о роли спутникового TV, канала «Аль-Джазира» в распространении новостей и призыве людей к протестам. Дальше в докладе исследуется переход протестов в соседние страны, выход на региональный уровень. В заключении доклада делается акцент на эндогенные причины революций: «Протестующие стремились улучшить свои жилищные условия и желали роста и развития социальных формаций» [100].

Под заголовком «Беспорядки в арабском мире» веб-сайт Информационного портала политического образования опубликовал исследование о трансформации Арабского региона, в котором приняли участие многие эксперты и исследователи, интересующиеся арабскими протестами на Ближнем Востоке. Все эксперты выступают за социально-экономические причины восстаний: «Ситуация в арабских государствах – это реакция, которая гарантирует, что люди протестовали против политической тирании, нарушений прав человека, коррупции, высокой безработицы и высоких цен на продовольствия в своих странах» [101]. Данное исследование является продолжением мониторинга последствий арабских революций эндогенного характера.

Как показала «Арабская весна», цифровые СМИ обладают потенциалом для продвижения и организации гражданского протеста на пути к демократии. Одной из наиболее важных исследований на эту тему была академическая работа, опубликованная профессором Оксфордского университета Филиппа Говарда в соавторстве с Музамелем Хусейном «Цифровые СМИ и Арабская весна и Четвертая волна демократии» [14, с. 8], в котором авторы предприняли попытку исследовать события «Арабской весны» посредством объективного анализа роли Интернета в трасформации политичиского ислама. Ученые провели глубокие анализы о методах использования СМИ за последние года. Исследователи уверены в том, что инструменты и инфраструктура социальных сетей послужили организации и мобилизации молодежи, активистов для поддержки демонстрантов и информирования общественнности. Они считают, что реакция власти была очевидна, поскольку они сразу же начали разрабатывать новые способы мониторинга сообщений и звонков, чтобы подавить эти стихийные массовые движения. С этим тезисом согласны эксперты Института гуманитарных исследований «Аль-Варфа» в Вашингтоне, обративших внимание на сравнительно быстрое распространение революций посредством социальных сетей. В частности, «массовые лозунги в Facebook и Twitter способствовали организации демонстраций, став стимулом для перемен на Ближнем Востоке» [102].

Профессор Гарвардского университета Эрик Чейни в своем эмпирическом исследовании арабских восстаний, приходит к выводу, о том, что «демократический дефицит» накануне «Арабской весны» имеет глубокие исторические корни. Согласно его исследованию, дефицит демократии в регионе является результатом долговременного влияния структур контроля, созданных в эпоху мусульманских империй в дореволюционную эпохуа, а «структурные изменения, которые произошли в регионе за последние 60 лет, сделали арабский мир более благоприятной почвой для демократических перемен сегодня, чем когда-либо в прошлом» [15, с. 378]. На словах автократные режимы говорили о демократии, но на деле фактически не использовали демократию и ее основные элементы, прежде всего выборы, в качестве средства управления политической системой. Американский ученый Ларри Даймонд [16] также утверждает, что существование формально демократических политических институтов (к примеру, многопартийной избирательной системы), маскирует реальность авторитарного господства. У всех таких режимов отсутствует открытая свободная и справедливая оппозиция, чтобы правящую партию можно было легко отстранить от власти. Поэтому риторика о демократии и ее проявление фактически служили прикрытием государственного контроля над своими гражданами.

Попытка представить новую перспективу власти в арабских странах, предпринята в исследовании Барбары Кадис, Джозефа Райт и Эрики Франц «Падение авторитаризма и переход власти: новый взгляд» [103]. Их оригинальное исследование даёт информацию о передаче власти в более чем 280 авторитарных режимах с 1946 по 2010 гг. (в 110 странах с населением

более одного миллиона). Эти материалы показывают систему и структуру авторитарных режимов, авторитарность предыдущих и последующих режимов, способы передачи власти и методы тирании, насилия при передаче власти. В исследовании также объясняется структура авторитаризма, которые отражает традиционное понимания концепции порядка и передачи полномочий власти. Исследователи убеждены, что арабские режимы сохранили свою власть за счет изменения гражданских прав, включая свободы слова, нарушения прав человека фальсификация выборов и т.д. – все это в течение десятилетий было широко распространено и даже укоренилось. Политические активисты и противники режима, стремящиеся добиться хоть каких то перемен в политической системе тут же подвергались арестам.

В «Революции без революционеров» Асеф Баят [17, с. 315] критически анализирует детерминаты «Арабской весны», сравнивая ее с революциями 1970-х годов на БВСА и иранской революцией. Прожив в Иране до иранской революции 1979 года и в Египте вплоть до египетской революции 2011 года, Асеф Баят анализирует историю, процесс и последствия бунтов, с точки зрения способов их мобилизации. Он исследует «революционные эпизоды» не только Ирана и Египта, а также Никарагуа, Гренады и социалистические мятежи в Йемене. В итоге приходит к выводу, что зарубежные протесты имели четкую идеологию и революционный стратегический план, а революциям «Арабской весны» не хватило антиимпериалистической и антикапиталистической идеологии. Требования демократии и стремление к социальной справедливости были без инициативны, протесты больше напоминали хаотичный беспорядок и беспредел. Это приводит Баята к выводу, что «Арабская весна» была революцией без революционеров, и это в конечном итоге объясняет, почему она не привела к радикальным структурным изменениям. Большая часть исследований посвящена объяснению сдвигов, которые привеи к де-радикализации политики в течение последних трех десятилетий. Асеф Баят опирается на социалистические и марксистские интеллектуальные традиции, которые послужили руководством для революционных представлений 1970-х годов. Он также подчеркивает, как они образовали фундамент для постреволюционных радикальных идей. Более того, он показывает де-радикализацию политического ислама и его отход от политики антиимпериализма и социальной справедливости. Он связывает эти процессы с «неолиберальным эффектом», который, как он утверждает, структурировал различные формы, ведущие к уничтожению любого контргегемонического процесса за последние десятилетия. Неолиберальные элементы по-разному повлияли на политический класс, следовательно, радикальные взгляды были отброшены и заменены реформистской политикой. Вот почему героям «Арабской весны» не хватало трансформирующего видения. И они сосредоточились на таких тактиках мобилизации, как социальные сети. Тем не менее, Асеф Баят считает, что «радикальные притязания широких масс дали революционный импульс этим нерадикальным революциям» [17, с. 318]. В заключении Асеф Баят рассматривает перспективы возрождения

революционного духа в регионе. Тема «Революция без революционеров» входит в число немногих научных трудов, охватывающий систематический и целостный анализ этих восстаний. Сравнительный анализ революционных эпизодов в течение 30 лет предлагает глубокий анализ, объясняющий провала власти и уступки контрреволюционным силам. Эта книга не только убедительно описывает «Арабскую весну» и ее последствия, но и демонстрирует траекторию социальных движений и активизма в условиях неолиберальной гегемонии в глобальном масштабе.

За последние 30 лет неолиберальную экономическую реформу пытались интегрировать и на Ближний Восток. Это должно быть связано с тем, что экономические перемены должны были исходить сверху от власти и правительств или, при необходимости, от международных финансовых организаций. Там, где существует модернизация, дерегулирование, коммерциализация и приватизация, местные режимы и их внешние покровители видели бессмысленность, нерациональность и в конечном итоге, проявляли пассивность. Французский философ Ален Бадью [18] считает, что восстание в Тунисе и Египте является *историческим* событием. «Арабская весна» разбудила мир и пробудила идею революций и их роли в возрождении наций. Бадью был одним из первых, кто увидел именно оптимизм в «арабской весне». Ален Бадью видел, что эти две революции являются новым рубежом для всего мира на пути к желаемым переменам. Затем он развил эту идею в книге «Бдительность истории» для углубленного изучения арабских обществ на современном этапе и их прошлого. Он размышляет над существующими противоречиями между «светским Западом» и «религиозными традициями» Ближнего Востока и пути решения международных, экономических, географических и геополитических препятствий. Чтобы понять арабские революции, как отмечает Ален Бадью, надо проанализировать и выявить причины «*исторического события*», которые были как он считает, на самом деле настоящими арабскими революциями, поскольку народное движение объединилось вокруг свержения режима, а создание новой политической системы требует утверждения своих принципов и требований. Поэтому протесты «Арабской весны» не смогли радикально воспользоваться возможностью и отдали победу в руки старого политического истеблишмента.

Конспирологический вектор

Советник по национальной безопасности, бывший госсекретарь США и американский политический мыслитель Генри Киссинджер (1923-2023) в статье «Представление роли Америки в «Арабской весне», опубликованной в газете «International Herald Tribune» [19] затронул многие вопросы событий «Арабской весны». Вопросы касались принципов демократизации и национальных интересов в современной модели ближневосточной политики и возможности демократизации «Арабской весны», внешней политике США и ее будущих планов на Ближнем Востоке. Г. Киссинджер считает, что Соединенные Штаты, наконец, обязаны поддержать революционные движения

на Ближнем Востоке в качестве своеобразной компенсации за свою политику времена «холодной войны» (описанную им как «ошибочной»). Поддержка США авторитарных правительств в условиях международной стабильности, привело к ближневосточной нестабильности в долгосрочной перспективе. Киссинджер указывает, что «Арабская весна» широко рассматривается как молодежная революция, несущая ценности свободы и демократии. По его мнению, война в Сирии была связана с историческим конфликтом между шиитами и Лигой Арабских государств несогласных с политической ситуацией в этой стране. Попытка восстановить гегемонию шиитского меньшинства вызвала озабоченность у многих меньшинств, таких как друзы, курды и христиане. Г. Киссинджер указывает, что взаимные обвинения, которыми обмениваются стороны конфликта в государствах «Арабской весны» не предполагают приближения к демократии, а наоборот, разрушают статус-кво, не найдя альтернатив и политических движущих сил. Вместо этого, им скорее всего, навяжут глобальную идеологию, которая еще глубже разорвет общество.

Г. Киссинджер отмечает, что на протяжении более полувека политика США на Ближнем Востоке была сосредоточена на основных целях безопасности: предотвращении появления региональной державы и превращении ее в доминирующую державу, обеспечении свободного потока энергетических ресурсов, которые по-прежнему жизненно важны для функционирования мировой экономики. В том числе речь идет о попытках урегулировать постоянную кризисную ситуацию с палестинскими арабами, включая урегулирование проблем между Израилем и соседними странами. В последнее десятилетие Иран стал главным претендентом в достижении этих целей, поскольку интересы США после событий «Арабской весны» стали более насущными. Патриарх американской дипломатии считает, что американское вмешательство в этот регион приведет к созданию либо очень слабых правительств, либо антиамериканских правительств, где присутствие американских компаний больше не будет ощущаться. Это должно вызвать стратегические опасения Америки, независимо от избирательного механизма, который приведет эти правительства к власти. В целом Г. Киссинджер считает, что США должны направить все силы на региональный и глобальный мир.

Профессор Раймонд Хиннебуч рассматривается внешний фактор сирийского конфликта как борьбу за власть в регионе. По его мнению, вмешательство мировых держав привело к конфронтации баланс региональных сил [20, с. 65]. Активация ИГИЛ, особенно захват Мосула в 2014 году ускорили интервенцию Запада в Ирак, затем в Сирию и России в Сирию в 2015 году. Эти интервенции развернули бомбардировку в огромных масштабах, значительно повысив уровень насилия.

Американский журнал «Foreign policy» опубликовал обширное исследование Международного центра имени Вудворда Уилсона, выполненный проф. Аароном Дэвидом Миллером под заголовком: «Почему Обама парализован на Ближнем Востоке?» [104]. По словам А.Д. Миллера, парадокс в том, что интересы президента Обамы на Ближнем Востоке – это интересы для

многих других лидеров, участвующих в сирийском конфликте начиная с президента Владимира Путина, Верховного лидера Ирана Али Хаменеи, премьер-министра Израиля Биньямина Нетаньяху и др. В целом, по мнению многих американских ученых, ситуация на Ближнем Востоке очень сложная, восстановление Сирии, проблемы иранской ядерной программы и нынешние конфликты между Израилем и Палестиной, заключение мирного соглашения не в силах одного президента. Обама планировал, что его президентство не принесет бед и неприятностей на Ближний Восток, однако в период его каденции весь Арабский регион оказался еще в худшем и неспокойном положении чем когда-либо.

«Арабская весна» затрагивается в книге Хиллари Клинтон «Трудный выбор» [21], пятая часть которой была посвящена ее позиции по революционным событиям в Тунисе, Египте, Ливии, Йемене и Сирии, по боевым действиям в Сирии, секретам иранской политики, палестинско-израильскому конфликту и тому, как было достигнуто перемирие между двумя сторонами. Х. Клинтон говорит, что во время революции 25 января 2011 года она стремилась сохранить сильного союзника в лице Х. Мубарака, но по ходу разгара революции она обратилась к нему с просьбой начать процесс передачи власти, отметив, что к этому обращению добавился приказ Обамы немедленно покинуть пост. В своей книге Х. Клинтон отмечает хаос, который администрация США наблюдала во время протестов населения в 2011 году и долгий путь, пройденный Египтом после свержения Мубарака и правления «Братьев-мусульман» до революции 30 июня 2013 года. Она ставит себя в один ряд со старой гвардией в лице вице-президента Джо Байдена, советника по национальной безопасности Томаса Э. Донилона и министра обороны Роберта Гейтса. Она добавляет, что всегда призывала администрацию проявлять осторожность, подчеркивая, что Обаму не устраивали масштабы насилия. Х. Клинтон отмечает, что одной из наиболее важных причин ее усилий по поддержки прочных связей с бывшим президентом Египта является необходимость изоляции иранского режима, поддержки водных путей на Суэцком канале, защиты Израиля, борьбы с терроризмом в регионе, в том числе отказа «Аль-Каиды» от организации новых террористических операций. Что касается сирийского кризиса, то президент США Барак Обама исключил возможность использования американских сухопутных сил в Сирии, заявив, что проблемы этой страны невозможно решить только лишь военными методами [105].

Французский философ и социолог Эдгар Морен обращается к философско-аналитическому направлению арабских революций. По его мнению, уникальность арабских революций заключается в арабской молодежи, поднявшей лозунги свободы и демократии. Он видет сходство западных революций с арабскими: «Арабы похожи на нас, и мы похожи на арабов, хотя нужно принимать во внимание исторические и культурные различия» [22]. Его поразили протесты в Тунисе и Египте, привлекшие различные социальные группы с целью построить демократию. Эдгар Морен возлагает

ответственность за события «Арабской весны» на Запад: «Запад несет ответственность за долгую тиранию, навязанной им французским и британским колониализмом» [22]. Э. Морен утверждает, что после «Арабской весны» Европа впала в состояния хаоса, раскола и страха перед исламизмом. В этом случае Западу стоит взять новый курс – выйти за рамки идеи вмешательства, впитать лучшее из того, что есть на Западе, в том числе ценность западной демократии, включая права человека и права женщин, сохраняя при этом арабскую культуру с ее ценностями. «Страх арабских мигрантов и страх перед исламистским государством невозможно преодолеть, доведя до крайности риски демократии», – добавляет он [22].

Политический ислам

Изначально «Арабская весна» была против монополистической и олигополистической экономики, роста цен на продукты питания и жилье, снижения заработной платы, уровня жизни с ослабленными программами общественного благосостояния, усиливающегося ограничения прав и свобод человека, прав рабочих и фермеров и т.д. Как только появились результаты выборов, ясно свидетельствующие о высоких результатах деятельности исламистских партий в Тунисе и в Египте, энтузиазм в западном сообществе начал угасать. Заголовки статей, посвященные «Арабской весне», агитирующие за демократию, сменились на обширные дискуссии о политическом исламе.

Профессор политологии и психологии религии в Европейском университетском институте, директор Национального центра научных исследований (CNRS) Оливье Руа изучил препятствия между политикой и религией в исламе. В своей книге «Святое невежество: когда религия и культура расходятся» он отмечает, что волна исламского фундаментализма является результатом разрыва между религией и культурой. И протесты мусульман будут результативны, если они будут сбалансированы между религией и политикой: «Протестуйте против злоупотреблений религией, таких как карикатуры и сатанинские стихи... Речь идет не только об исламе, речь идет обо всех религиозных группах» [23, с. 20]. Между тем, в действительности, западные журналисты неоднократно подвергали оскорблениям ислам, после которых начинались протесты и возмущения мусульман против публичных оскорблений, нанесенные их вере. К примеру, когда Салман Рушди написал роман «Сатанинские стихи», Запад защитил его, аргументируя «правом на литературное выражение»; затем, когда датская газета опубликовала карикатуры на пророка Мухаммада, Запад защитил его сказав, что это «свобода выражения мнений в прессе». Антисемитские заявления Роберта Редекера, Запад твердо обосновал как его «право на ошибку».

Например, когда в 1988 году был снят фильм Мартина Скорсезе «La Dernière Tentation du Christ» («Последнее искушение Христа») и церковь провела несколько мирных протестов против нападений на христианскую веру, западные власти восприняли это как право на свободу выражения их мнений, но когда вышел антиисламский фильм «Невинность мусульман» («Innocence of

Muslims») верующих мусульман вышедших по той же причине, жестко разогнали. Это говорит о том, что имеет место раскол между группами религиозной веры. Мусульмане не желают молчать за оскорбления, наносимые их вере, но при этом их права ущемляет та же Европа, которая выступает за демократические ценности.

Веб-сайт Немецкого института внешней политики опубликовал серию исследований, в которых «Арабская весна» рассматривалась как исторически поворотный момент в регионе БВСА с далеко идущими политическими, экономическими и геостратегическими последствиями. Так, в статье, озаглавленной «Это не революция» [107], говорится о проблемах экстремизма, распадающихся союзах, конфесссиональных вопросах, выборах, исламистах у власти, лозунгах «Исламского права» и др. В той же серии под заголовком «Исламисты захватывают демократическую власть» отмечается, что прошедшие революции никаких результатов не принесли [108]. И в конце концов, многие наблюдатели и политики признали, что «Арабская весна» превратилась в «Исламскую зиму». Ряд исследователей из Международного института стратегических исследований в Лондоне выражают уверенность в том, что реакция на акты насилия в отношении американцев были спровоцированы фильмом исламофобского контекста, что стало серьезным испытанием доверия к новым режимам, возникшим в результате революций «Арабской весны Вспышки стихийных протестов против фильма «Невинность мусульман» произошли в Египте, Тунисе, Йемене и других странах. По словам Эмиля Хокаема, эксперта по Ближнему Востоку Международного института стратегических исследований в Лондоне: «Нападения были шокирующими, но со стратегической точки зрения это была реакция правительств и народа Ливии и Египта на то, что произошло, что стало настоящим испытанием». Вашингтон понял, что «сейчас не время обострять ситуацию». Братья мусульмане осудили фильм, но в то же время призвали отказаться от насилия и не сталкиваться с дипломатами, хотя время от времени происходили столкновения с протестующими вокруг посольства США в Каире.

Согласно отчету, опубликованному Британским международным институтом стратегических исследований в марте 2013 года в Лондоне, «геополитический кризис Арабской весны привел к эскалации кризиса на Ближнем Востоке и в Северной Африке, в то же время революционные действия сместились в Сирию и другие соседние страны. Генеральный директор международного института стратегических исследований Джон Чипман [24] говорит о сложном положение арабских стран. В частности, ситуация стала более сложной в регионе, благодаря росту кровавого терроризма, за которым следовали преступления ИГИЛ. Известно, что британские мусульмане побывали в Сирии, в том числе люди, которые присоединились к экстремистским группировкам, такие как «ИГИЛ» и «Джабхат ан-Нусра», в районах, контролируемых ИГ в Сирии. Бывший директор британской разведки Ричард Дерлав настаивает на том, что «ИГИЛ» и

«Джабхат ан-Нусра» представляют серьезную угрозу для Великобритании и Запада в целом.

После «сирийской весны» британский публицист Кон Кафлин написал в «Daily Telegraph» об угрозе «западных джихадистов», воюющих с группировками, связанными с «Аль-Каидой» в Сирии. По мнению К. Кафлина, «самая серьезная проблема безопасности у руководителей западных разведок сейчас заключается в том, что может произойти, когда эти молодые «экстремисты» вернутся домой и будут искать новые средства для продвижения своей идеологии» [25]. Джон Брэдли в труде «После арабской весны. Как исламисты захватили ближневосточные революции?» [26, с. 22] считает, что для Запада оказалось сюрпризом не сама революция, а власть в руках исламистов. Согласно Дж. Брэдли «история существования умеренных исламистов – это «сказки», они все едины, исламисты, похожи на фашистов» [26, с. 58]. Говоря о бессилии Запада перед новыми режимами Дж. Брэдли резюмирует следующее: «Запад повторяет ошибки, совершенные в 1989 году в Афганистане, а до этого в Иране в 1979 году. Если Запад будет поддерживать новых исламистов, то будет страдать от них в будущем» [26, с. 65].

Ученый и писатель Кай Хафиз аль-Сама обратился к закономерностям в исламе и роли арабских революций в своей книге «Арабская весна и образ немецкого ислама: табу на образ посредством публичного мероприятия» [27, с. 32]. Автор указывает на появление в мире многочисленных исследований, посвященных образу ислама. В частности, он пишет, что западные СМИ часто типизируют этот образ в негативном стереотипе, который иногда выражает ненависть к исламу. Но демократические революции в Тунисе и Египте стали позитивным шоком, и многие стереотипы исчезли. Анализы, подготовленные исследовательской группой Университета Эрфурта, показывают, что такое крупномаштабное событие сможет сломать устоявшуюся бюрократию.

Федеральный парламент Германии (Бундестаг) провел 20 марта 2013 года заседание комитета по иностранным делам, посвященное развитию политического ландшафта в контексте «Арабской весны». Сессия была сосредоточена на многих ключевых вопросов, но самый главный вопрос касался роли исламистов. Многие эксперты уверены, что исламисты, особенно «Братья-мусульманы», не были главной движущей силой «Арабской весны», хотя и уверенно выиграли выборы. Эксперт Томас Бирингер из Фонда Конрада Аденауэра отмечает, что подъем политического ислама не является новым событием, однако беспорядки в арабском мире ясно дали понять, что такую власть как «Братья-мусульмане» недооценивают на Западе [109]. Свою политику они направили не к реализации номинальной программы, а скорее к защите сохранности своей власти. С другой стороны, исследователь Майкл Бреннинг [109] из Фонда Фридриха Эберта считает, что за успехом «Братьев-мусульман» стоят определенные факторы. В первую очередь это местная популярность и авторитет, организационные способности, превосходящая конкурирующие политические партии, за счет которого исламисты будут играть важную роль в стране даже после своего поражения.

Исламовед Матье Гудье [28] из Тулузского университета затрагивает вопрос об «исламской демократии», основанной на шариате. Гудьер осуждает применения суровых наказаний в виде отрубания рук и публичные наказания, но поддерживает шариат как систему, включающую помимо уголовного права, гражданское право, семейное право и трудовое право. По его мнению, «шариат всегда был основой Конституции в одной трети номинального мира, что определяет форму толкования и его применения» [28].

Иммануил Валлерстайн в своем труде «Ветер перемен – в арабском мире и за его пределами» [29] выражает пессимистические взгляды на события «Арабской весны». Он не приемлет тот факт, что люди, занимавшие ключевые посты при старом режиме, заняли новые посты в Египте и Тунисе: «И в обеих странах армия пытается сдерживать протестующих. В обеих странах мы видим, как бывшие изгнанники занимают государственные посты, при этом поддерживая и даже укрепляя связи со странами Западной Европы и Северной Америки, оказывавшими поддержку прежнему режиму. Разумеется, США и Западная Европа делают все от них зависящее, чтобы усмирить и перенаправить ветер перемен. Но их нынешняя власть уже не та, что была когда-то» [29]. Автор приходит к выводу, что неизвестно куда приведут «ветры перемен».

Многие ученые Запада на тему «Арабской весны» с самого начала смотрели с пессимизмом. Ученые и эксперты, которые писали, говорили и шаг за шагом освещали события в БВСА (включая анализы, научные исследования и интервью), были расстроены безуспешными результатами этих революций, особенно когда к власти пришли исламисты; многие делали пессимистические выводы. В работе немецкого ученого Марселя Потта «Битва за душу арабов: каменистый путь к номинальной демократии» [30, с. 98] отмечается, что революции были направлены на социальную справедливость, однако результаты рассматриваются пессимистично: «Египет находится в процессе политического восстановления, Ливия де-факто разделена на три воюющих региона; это затянувшая сирийская война, с конфликтами между двумя основными мусульманскими религиозными общинами – суннитами и шиитами». «Арабская весна» подняла на повестку дня много вопросов, а именно свержение власти, возможности для арабской идентичности, переопределение политической ориентации.

Французский исследователь, антрополог Пол Госселин всего через шесть месяцев после «Жасминовой революции» написал статью «Почему арабская весна не сработает?» [31, с. 3]. Он, как и другие западные ученые видет большую угрозу в смене старых режимов, особенно когда приходит новая власть с религиозной идеологией. История других стран доказывает, что легко свергнуть старое, но сложно построить новое. Если, например, посмотреть на историю Европы, то коммунисты свергли большое количество политических режимов из-за их тирании и коррупции. Однако далее, пришедшие к власти новые режимы, превращались в еще более жесткие режимы, чем предыдущие. Также исследователь проводит параллели между арабскими и западными

протестами/митингами. Когда происходят протесты на Западе, то это протест – акция, без каких-либо последствий для митингующих. Европейцам не понять, что стоит простому арабу выйти на площадь, насколько нужно набраться смелости, чтобы участвовать в акциях протеста против властей и насколько этим действием он рискует жизнью и своим положением, ведь неизвестно, как обернется для него этот выход, в то время как демонстрация на Западе является своего рода времяпровождением в выходные дни без каких-либо рисков для человека. Ученый надеется, что граждане арабских стран завоюют свободу, к которой они стремятся.

В работе, озаглавленной «Арабская весна и конфискация демократии» [32], Ота Шеффер задается вопросом успеха демократического процесса в Египте и Тунисе и параллельно растущего страха и расхождений между секуляристами и исламистами. По словам немецкого ученого, «революции препятствуют инвестициям и возвращению к нормальной жизни, хуже всего это сказывается на демократии. Надежда, зародившаяся в конце 2010 года, улетучилась, а для многих египтян демократия останется пустыми обещаниями, которые не принесли им лучшей жизни» [32].

Эльдад Бек в своей работе «Номинальная весна» [33] отмечает, что спустя пару месяцев после удивительных побед народов в Египте, Тунисе, Ливии и других государств региона «Арабская весна» превратилась в «тяжелую осень», где революции проиграли, по крайней мере, с точки зрения демократии. По его мнению, исламская революция 2013 года использовала демократические структуры для свержения «Братьев мусульман» из политики и общественной жизни, хотя они менее радикальны, по сравнению с другими группировками и салафитами. Эльдад Бек приходит к выводу, что «революции в Египте были символом надежды. Теперь это символ разочарования. «Арабская весна» стала весной исламистов» [33]. Гюнтер Орт в статье «Судьба еще не решена для арабских народов» поднимает вопрос о безнаказанности арабских правителей: «Аль-Каида» не причинила столько разрушений, сколько причинили правители арабских стран. Он приходит к выводу, что «арабские революции потерпели неудачу по многим причинам: отсутствия стратегических планов и антикризисных программ, в том числе из-за отсутсвия граммотного лидера у власти» [34].

В своей книге «Весенняя опасность» Софи Зомборани [35] говорит, что, когда «Арабская весна» пришла в арабские страны многие люди, надеялись на деморатические перемены и лучшую жизнь, но по истечении времени, страны погрузились в кризис, насилие и втянулись в конфликт политических интересов других стран. Ученый тщательно изучает насущные жизненные проблемы арабского населения. В своем обширном труде книге «Тиран Запада – арабская весна, Израиль и интересы Запада» [110] исследователи Георг Кронауэр, Вольфганг Шнайдер, Бернхард Шмид и Олаф Дилер исследуют произошедшие события и последствия, с которыми столкнулись Германия и другие страны Европы. В книге содержится информация об истории и перспективах массовых беспорядков в странах Северной Африки и Аравийского полуострова. Ученые

исследуют интересы Запада в революциях, роль Запада в организации событий, трудности и последствия, с которыми справляется Запад, особенно с «прогрессивным исламом», а также вопросы безопасности Израиля. Исследователи прогнозируют быстрый переход от «эйфории очень успешной революции» к разочарованию, которая возникла с вытекающими последствиями. Газета «De Welt» опубликовала статью бывшего генерального директора Министерства иностранных дел Израиля Шломо Авинери под названием «Арабская весна – почему так удивительно сходны революционные события?» [36]. Израильский политик проводит параллели с предыдущими революциями. Он считает, что самое беспрецедентное событие произошедшее в арабском мире это – падение автократических режимов в результате восстания народа, а не военных, как это было раньше. Шломо Авинери уверен, что арабы хотят демократии, но не по западной модели.

Арабские революции с точки зрения безопасности Израиля

Многие ученые исследовательских центров Запада рассматривали вопрос арабских революций с точки зрения безопасности Израиля. «Братская» приверженность Запада еврейскому государству и необходимости поддержания его безопасности на Ближнем Востоке – важный аспект многих западных ученых. Книга «Восток в переходный период: Арабская весна и ее последствия» [37], написаная в соавторстве немецко-израильскими учеными исследует возникновение «Арабской весны» и дисскутирует о международном признании Палестины. Исследователи с их осведомленностью о реалиях важных событий, утверждают, что Германия в мировой политике несет моральную ответственность за события арабского народа. Что касается арабо-израильского конфликта, то это всегда было актуальной проблемой в общественных, культурных и политических кругах Германии. В частности, они говорят, что «безопасность Израиля» является «моральным обязательством» немецкого народа, за геноцид евреев во времена Холокоста. В таком же контексте был опубликован труд Михаила Гройса «Арабская весна и Израиль: неиспользованный потенциал Нового на Ближнем Востоке» [38, с. 78], где исследователь раскрывает события «Арабской весны» с позиции высокопоставленных израильских чиновников, применяя новую теорию реализма в контексте своего видения событий, происходящии на территории оккупированной Палестины.

Книга «Израиль и конфликт цивилизаций» британского ученого Джонатана Кука [39, с. 47] предлагает весьма противоположные позиции. Ученый уверен, что Израиль играет главную роль в подстрекательствах, мятежах и призывах к разделению и фрагментации Арабского региона. Также Израиль осуществляет контроль над регионом через новую ближневосточную индустрию с национальной, культурной и исторической идентичностью под эгидой арабизма: «Открытые гражданские войны, их призывы к разделению являются главной целью вторжения в Ирак, тот, кто контролирует эту страну, стратегически может расположиться на арабском Востоке и на арабском

полуострове, а затем на побережье Северной Африки и в Атлантике и с 1980 года Израиль ведет политику «раздела власти», начав с Палестины с планом охвата и другие арабские государства». При этом он уверен, что США поддерживает Израиль в этой стратегии по упразднению роли ближневосточных государств. Также его беспокоит, что с начала восстаний «Арабской весны» наблюдается конфессиональные и племенные разногласия сперва в Ираке, затем в Сирии и Йемене, распространяющие хаос и наносящиеся удар арабскому обществу и производящие фрагментацию региона.

В работе «Арабская весна. Старая и новая гендерная политика в регионе с переходной экономикой» [111] Велтера Дагмара, Яны Райх и Евы Фукс рассматривается вопрос о политическом и социальном участии женщин и мужчин в арабских обществах вовремя и после «Арабской весны». Они отмечают важную роль гендерного равенства в смешанном обществе. В большинстве арабских стран женщины обречены на патриархат и шариат, которые ограничивают женщин в участии в политической жизни страны. Авторы данного исследования единогласно утверждают, что революционные процессы в этих обществах могли автоматически увенчаться успехом предоставив возможность преодолеть гендерный барьер, пересмотреть свои взгляды и измененить жизнь арабских женщин. Они убеждены, что революционеров сподвигла утопическая идея, поэтому между реальностью и вдохновляющей утопией в арабском мире произошла борьба за освобождение женщин и мужчин.

Немецкими учеными были изучены много других тем связанных с «Арабской весной». Возможно, одной из наиболее примечательных работ является «Интифада: арабская революция и ее последствия» Фолькера Пертиса. Это одна из первых книг, опубликованная в первые годы революций. «Именно молодое поколение сделало 2011 год годом революций. Каждое государство отличается своими политическими традициями, системой и экономическими ценностями, поэтому власти имеют широкий диапазон действий, начиная с попыток переформирования, ухода от власти, либо кровавого подавления мирных протестов, заканчивая гражданской войной» [40]. Пертис беспокоится о последствиях «интифад» для немецкой и европейской политики.

Проблемы «Арабской весны» стали объектом исследования многих британских ученых, политиков и публицистов. Так, ученый-востоковед, профессор Лондонской школы экономики Кэтрин Далакура одна из первых начала изучать «Арабскую весну». В своей работе «Арабские восстания 2011 года на Ближнем Востоке: политические изменения и геополитические последствия» [41, с. 70], изучив тему арабских революций, она приходит к выводу, что: «Арабские восстания не были спланированы существующими исламистскими группировками и их идеологией, потому что в Тунисе партия «Ан-Нахда», а в Египте «Братья мусульмане» присоединились к революциям довольно поздно. В Йемене сыграло совместное противостояние сторон сунитов и шиитов. В Ливии ситуация осложнилось фрагментацией

номинальных сообществ, участвующих в политическом процессе после падения Каддафи. Несмотря на неоднозначность интерпретаций, ситуация в Сирии имеет сильный антиасадовский исламистский элемент» [41, с. 71]. В целом Далакура констатирует установленный факт, что отсутствие идеологического фактора и номинально мотивированного движения не означает существования идеологической альтернативы, поскольку революционная эпоха находится в постидеологической фазе, так как это эпоха национального характера, озабоченная сосредоточением внимания на национальных и местных проблемах, даже если ее лозунги упустили приоритеты для внешних проблем. Далакура также критично характеризует политику США на Ближнем Востоке в 2011 году, столкнувшейся с дилеммой между внешней политикой и демократическими ценностями относительно арабских революций. В целом, в ее исследовании прослеживаются мысль, к каким геополитическим последствиям могут привести изменения баланса сил региональных держав.

Иммануил Валлерстайн в своей статье «Второе Арабское восстание: победители и проигравшие» [42] делит восстания на два периода: первый период охватывает восстание во главе Хусейн бен Али за независимость от Османской империи в 1916 году, а второй период – революции «Арабской весны» конца 2010 года. По мнению ученого, больше всего в шоке от происходящего были США, ведь американское правительство не изменяет своим принципам, для них важно – дружественность других режимов. Как утверждант Валлерстайн: «Вашингтон будет на стороне победителя при условии, что победитель к нему не будет враждебно настроен» [42]. И все же причины революций Иммануил Валлерстайн видит в эндогенных факторах: «Эта ситуация характеризуется тремя факторами: снижением уровня жизни по меньшей мере большинства населения, вопиющим ростом доходов верхушки власти и серьезным снижением эффективной мощности так называемой сверхдержавы – США» [42]. Иммануил Валлерстайн считает, что в этих революциях заинтересован Иран, так как к иранскому режиму относятся с большим недоверием, отчасти потому, что она шиитская, однако американцы сделали Ирану чудесный подарок сместив Саддама Хусейна, ведь Саддам был самым яростным и самым заядлым врагом Ирана. Благодаря этой внезапной удаче они сумели выстроить умную политику, выразив готовность поддерживать шиитское движение, которое выступает решительно против Израиля и вмешательства США во внутренние дела региона.

Таким образом, можно прийти к выводу, что западные ученые и эксперты имеют разные точки зрения, представляют собой очень профессионально ориентированное научное сообщество, которое четко понимает и осознаёт чаяния и нужды народов Ближнего Востока. Как бы то ни было, западные ученые не смогли проигнорировать события на Ближнем Востоке, ведь арабский регион «Запад веками рассматривал как источник дохода в достижении своих гегемонистских целей» (Эдвард Саид) [112]. Запад был заинтересован в успехе «Арабской весны».

Их беспокоило только то, чтобы события в арабских странах не коснулись Израиля, их союзника в регионе. Очевидно, что видения большинства западных ученых носило утилитарный характер по большей части в соответствии с интересами и выгодами Израиля. С точки зрения западных ученых, арабские страны менее демократичны. Но если процесс демократизации в арабском мире возьмет вверх, то он приведет к возрождению Ислама и нанесет ущерб интересам Израиля. В самом Израиле к своей безопасности всегда относились трепетно, их реакция на распространение демократии в арабских странах кажется им неискренней, поэтому им безразличны кризисы, возникающие у соседних арабских государств.

******

В проведенном нами анализе мнений западных ученых мы стремились оценить их видения на мотивирующие факторы революций; степень, в которой оказывалась поддержка Западом и США различным революциям и то, как они восприняли будущее этих стран. Что касается целей, которые двигали маховик революций, подавляющее большинство западных ученых полагает, что протестующие были мотивированы стремлением к демократии, свободе слова и правам человека. Исследователи подчеркивают, что такие ценности важны для арабского региона в целом. Действительно, многие западные исследователи и региональные эксперты, в том числе ученые-востоковеды в начале революций предполагали, что демократия в конечном итоге победит, распространится по всему арабскому региону и выведит их из состояния кризисов. Если одни западные ученые-ориенталисты считали, что падение Хосни Мубарака возродит «новый режим» с демократическим переходом без династической преемственности, то другие были уверены, что в регионе БВСА экономические и социальные проблемы вышли на первый план, и на тот момент народ не думал ни о какой демократии, как это понимают западные люди; подавляющее большинство населения вышли на улицы от безысходности, протестуя против нищеты и безработицы.

В интерпретации событий «Арабской весны» со стороны западных ученых прослеживается два направления: одна утверждает, что «Арабская весна» – это продукт внешнего фактора, в то время как вторая рассматривает ее как истинное выражение внутренних социально-экономических факторов. Эти два направления иногда объединяются в общую тенденцию и интерпретируются как комплексное событие. Общим знаменателем всех анализов и интерпретаций является то, что волна протеста, восстания и революции переместилась в соседние страны, приняв другой ход событий. Геополитическая картина представляет ядовитую смесь утраты государственной власти, нарастающую в сторону нестабильности, определяемой сектантством, экстремизмом, глобальным соперничеством и, в конечном счете, ирредентизмом во взаимозависимых субрегиональных образованиях. В настоящее время Европу с Арабским миром связывает широкомаштабная миграция угрожающая европейской идентичности. Рост и

присутствие деструктивных общин и радикальных группировок, террористических организаций создает угрозу безопасности западноевропейской цивилизации. Все это в совокупности превращается в бомбу замедленного действия, поскольку проблемы мигрантов-беженцев, радикализма и терроризма вышли за пределы регионального пространства, вызывая тревогу и угрозу безопасности не только не только европейских стран, но и всего мира.

Интерпретация революций «Арабской весны» со стороны ученых БВСА

С начала «Арабской весны» в самих странах арабского мира появились многочисленные научно-аналитические материалы, которые «родили» новое научно-интеллектуальное сознание в научном сообществе Магриба и Машрика. В течение всего времени, от начала революций до сегодняшнего дня, научным сообществом Arab World было проведено большое количество различных международных семинаров, конференций, встреч и круглых столов по изучению целей, задач, проблем и итогов «Арабской весны»: социально-экономические, внешний фактор, демократия, свобода слова и социальная справедливость, роль традиционных и нетрадиционных местных акторов, религиозная и этническая идентичность, перспективы и сценарии революций, контреволюционный период, новая власть и т.д. В интерпретациях различных контекстов принимали участие многочисленные политики, активисты и исследователи стран БВСА, что сделало актуальным изучение этих вопросов, объединив интерпретации как ученых-ориенталистов, так и других социальных наук с идеями религиозных деятелей, а также докладами аналитиков и политиков об эволюции и трансформации движений за политические, экономические и социальные перемены в регионе БВСА, решающих факторов в развитие революционных процессов, политизации религиозных движений и течений и т.д. Следует отметить, что большинство ученых затруднялись оценить этапы всех арабских революций за последние время, так как динамика революционных процессов, созданная «Арабской весной» долгое время продолжала свое развитие. Многие заголовки статей ученых и аналитиков посвященных трансформации социально-экономической и политической ситуации в рассматриваемых регионах арабского мира были переменными, различного и даже противоречивого характера. Отсюда и вся сложность для исследования феномена «Арабской весны».

Так, например, профессор Центра исламского законодательства и этики в Катаре Мухаммед Мухтар аль-Шанкаити [43. с. 25] сравнивая французскую и арабскую контрреволюции, участников и ее результаты, приходит к выводу, что структура и инструменты французской контрреволюции привели к «уничтожению умеренности» исламского государства и подобных организаций. Выход из ситуации только один – это реформы, предполагающие принятие превентивных мер и глубоких преобразований, решения задач, позволяющий

достичь свободы и достойной жизни народов без потери государствами своих возможностей и ресурсов.

Борьба между революцией и контрреволюцией сформировала новый политический ландшафт региона БВСА, поэтому многие арабские ученые задались фундаментальным вопросом о реформах и создания новых демократических систем, через которых будут достигнуты основные требования «Арабской весны». Так, Тауфик Буахрин [44], главный редактор марокканской газеты «Ахбар аль-яум» считает, что опыт политических преобразований в Марокко был открыт для двух сценариев: первый (после революций 20 февраля 2011 года), преобразования в социальных реформах, план на организацию развития экономики, справедливых выборов, которые привели бы к появлению нового политического класса, выступающего за демократию, справедливость, свободу слова и борьбы с коррупцией. Второй сценарий, заключался в том, что «Арабская весна» перешла в новую фазу «Арабской зимы» и на территориях БВСА распространился терроризм, борьба с которым стало приоритетом и задачей для всего мира. По его мнению, Запад поддерживал продвижения реальной демократии и видел, в первую очередь свои интересы в демократизации региона. Он считает, что если цивилизационное общество и политическая власть найдут компромисы, то можно решить любые идеологические конфликты и ускорить демократический переход в арабском мире.

Арабский ученый и писатель Сатиф Крауши [45, с. 48] осторожен относительно будущего арабских стран, по его мнению все революции обычно рецидируют и никакие гражданские силы не сумеют за такое короткое время восстановиться, а политические силы только начинают работать над осуществлением четкого плана отражающий национальный консенсус реализации будущего БВСА. Ведь отсутствие проекта привело к тому, что дала контрреволюции возможность свести счеты и добиться определеленных побед. К примеру некоторые страны Персидского залива приложили значительные усилия для укрепления контрреволюционных сил путем вынужденого снижения нефтяных доходов.

Директор Арабского центра политических исследований, бывший министр культуры Туниса Махди Мабрук [46] в интервью газете «Аль-Араби аль-Джадид» больше говорит о внутренних проблемах стран. Он отмечает, что у арабских революций есть несколько общих знаменателей, наиболее важные из них, это стремления людей, особенно молодежи и среднего класса к свободе слова и демократии. Режим авторитаризма, исторически укоренившийся, утвердился во многих арабских странах и продолжал существовать даже после обретения их независимости; молодое поколения с детства знала об иге колониализма, поэтому они жили нарративом национального освобождения и стремились к свободе и демократии. Кроме того по его мнению, колоссальную роль в арабских революциях сыграла социальная сеть, открывшая дверь «к политической независимости». Несмотря на важность этих общих черт, результаты революционного опыта в арабских странах были разными. Мабрук

отмечает, что в целом можно наблюдать три результата для арабских стран: во-первых, страны, которые предприняли важные шаги на пути к демократии, это Тунис, Алжир, Марокко, хоть было сложно и властям, и оппозиции. Во-вторых, страны, чьи революции превратились в гражданскую войну, такие как Ливия, Сирия и Йемен. В-третьих, он отмечает страну, которая сумела контрреволюцией более-менее привести страну в порядок. По его мнению, Египет является примером контрреволюции, поскольку правящая военная хунта смогла подавить любую форму оппозиции, будь то левая, панарабская или либеральная, включая «Братьев-мусульман». Мабрук объясняет такой исход четырьмя причинами, первый из них относится к наследию борьбы правозащитников, общественных элит и различных союзов (гражданских обществ) с их способностью приходить к консенсусу. Что касается второй причины, то это касается позиции лидеров, пришедших к власти и их способностью заключать деловые сделки, проявлять необходимую гибкость для ведения переговоров, особенно во время кризисов, с учетом важности фрагментации или сплоченности традиционных наследий (престол, племя). Третья причина связана с характером военных элит и доктриной армии, их ролями и авторитетом в политическом устройстве национального государства, а четвертая причина связана с качеством региональных и международных держав между правящими элитами и их союзниками либо врагами. В заключение он утверждает, что региональные державы прилагают все усилия, чтобы вывести революции на уровень гражданской войны с духом объединенного национального единства. По его мнению, продолжающаяся гражданская война в Йемене является наиболее ярким свидетельством несостоятельности любого возможного национального консенсуса.

Директор Центра стратегических и дипломатических исследований, бывший министр иностранных дел Туниса (2011-2013) Рафик Абдессалем [47] в интервью для журнала «The New Arab» о революциях в Тунисе говорит, что еще не время судить и делать выводы по «Арабской весне». По его мнению, тунисская революция смогла превратиться в проект институционального и конституционного строительства в рамках, сохраняющих приобретенных индивидуальных и политических свобод, но социально-экономические достижения все еще остаются слабыми, учитывая высокий уровень амбиций и уровень социальной жизненной потребности, особенно в неблагополучных районах среди социально уязвимого населения. Абдессалем считает, что все трудности, с которыми Тунис в настоящее время сталкивается являются естественная динамика постреволюционной фазе, ведь первая волна арабских революций отличается, с точки зрения специфики внутренней ситуации и размера внешнего влияния. Тунис – страна, которая социально однородна, практически без сектантских и религиозных разногласий, где военные нейтральны, кроме того географически находится ближе к Европе. Абдессалем объясняет, чем отличаются революции Туниса и Египта: в Египте в протесты 25 января 2011 года произошло вмешательство со стороны стран Персидского залива, с помощью их денег и каналами «аль-Джазира» и «аль-Арабия» в

значительной степени способствовали саботажу революций и разжиганию внутренних конфликтов, поэтому не было возможосности прийти к какому-либо соглашению, заключить прочные союзы или рациональные договоренности, так как преобладали идеологические интересы над политическими. С этой точки зрения, все это дало возможность армии атаковать сначала исламистов, а затем и остальные политические силы и вернуть Египет в эпоху свергнутого президента Хосни Мубарака. Что касается Ливии, то Абдессалем говорит о том, что Муаммар Каддафи умел управлять гражданской, политической и военной частью жизни в Ливии, хотя сектантские, религиозные и племенные разделения, наряду с военным и индивидуальным характером правления в Сирии и Йемене сыграли важную роль в срыве хода революции и это сопровождалось региональным и международным вмешательством, причем широкомасштабным, где свою роль сырали страны Персидского залива. По его мнению контрреволюция оказала большое влияние на политическую сцену в странах «Арабской весны», хотя были трудности во время трансформации в политических и социальных проблемах. Что касается региональных держав, то они реорганизовали свои ряды, выступая против революций, были полны решимости саботировать эти революции. По его мнению, наиболее важные стратегии, которые использовали акторы контрреволюции – это действия и процессы для углубления внутренних разногласий и превращения их в состояние острой поляризации с использованием силы власти, денег и оружия, как это было в Египте и в некоторой степени в Тунисе, а также те случаи, когда конфликт превратился в государственный военный переворот, как это произошло в Йемене, Сирии и Ливии. Кроме того, активное использование СМИ для разжигания розни против революции и новых сил, которые вышли на политическую сцену после свержения режимов. По словам Абдессалема основная идея контрреволюционных сил заключалась в идеи восхваления старых режимов, то есть арабские народы прожили свой золотой век в эпоху Хосни Мубарака, Зен аль-Абидин Бен Али, Муаммара Каддафи и Али Абдуллы Салеха и причиной разрушения стран стал их уход с власти. Он обвиняет действия контрреволюции, которая наколила политическую атмосферу и спровоцировала конфликты. Тем не менее он считает, что вспышка революций, по-прежнему является проблемой номер один для властей стран, которые пережили «Арабскую весну», поскольку они понимают, что «стабильность», которую они установили с помощью репрессий и насилия хрупка и может рухнуть. Власть хорошо осознает, что есть потребность в реформах, в системе управления, в глобальных переменах, в конце концов проблемы коррупции и бедности все еще существуют.

Конспирологический вектор интерпретаций

Многие арабские ученые задаются вопросом основных факторов этих революций: были ли протесты результатом внешних и региональных факторов, направленная на перекройку геополитической карты арабского региона или это

была последовательная цепная реакция народа, уставшая от нищеты и маргинализации внутренних социально-экономических проблем. Необходимо подчеркнуть, что большинство арабских аналитиков считают, что внешние факторы были самой главной причиной для дисстабилизации стран БВСА. Это мнения они основывают на исторической данности региона. Ученые считают, что колониальный проект заложил основу на территориях арабских земель, и даже после того, как арабские страны приобрели независимость, все равно остались западные структуры и их союзники в этих регионах. Многие убеждены, что эти революции являются лишь попыткой заменить старую традиционную колониальную систему на новую, используя механизмы революций, войн и хаоса, этим Запад обеспечивает контроль над волью народа и властью государств через правящий класс, который является союзником Запада в той или иной форме.

Экс-министр иностранных дел Туниса, ныне директор тунисского Центра стратегических и дипломатических исследований Рафик Абдессалем в своих наблюдениях за реакцией мировых держав на арабские революции, отмечает, что произошедшее удивило международные державы своей спонтанностью. Европе пришлось в той или иной степени адаптироваться к происходящему: «Франция, например, сначала столкнулась с трудностями, а Соединенные Штаты пытались идти в ногу с волной перемен» [48]. Рафик Абдессалем уверен, что Европа была наиболее географически близкой и в экономических отношениях влиятельной к БВСА державой. Политика Европейских стран стремилась сохранить безопасность и стабильность Туниса, Египта и других стран.

В целом, роль региональных и международных держав в ходе арабских революций со временем возросла, а в некоторых странах ход событий развернулся так, что из внутренного фактора превратился в определенный внешний фактор. Сирийская война стала ареной сложных конфликтов, где внутренние проблемы стали лишь второстепенным элементом. Профессор политической социологии и директор Центра современных исследований Ближнего Востока Сорбоннского университета в Париже, бывший президент Сирийского национального совета, доктор Бурхан Галиун [49] подчеркнул, что сирийская революция превратилась из мирной революции с законными требованиями простого народа в жестокую, кровавую региональную войну с участием ополченцев, религиозного сектантства и химического оружия. Ученый ссылается на четыре державы в регионе, ведущих свою игру: США со своими интересами; Иран, который стремится превратить Тегеран в доминирующую силу в регионе, используя шиизм в политических целях; Израиль, который настроен уничтожить всех, кто может представлять угрозу его будущего; Россия, которая видит в военной интервенции в Сирию возможность отомстить Западу после их вторжению в Ирак и Ливию.

Председатель Сирийского национального совета Джордж Сабр [50] признает региональный и международный конфликт вокруг Сирии: «Сирийская война почти вышла из-под контроля самих сирийцев, а российская оккупация

еще больше осложнила эту ситуацию» [50]. Сирия стала ареной борьбы между американцами, русскими и иранцами. По словам Сабры, российское вторжение произошло для того, чтобы очертить границы своего влияния в регионе, на том этапе риски разгрома страны казались более незначительными, по сравнению с внешними факторами Сирии.

В этом контексте Саиф Абдель Фаттах [51], профессор политологии Катарского университета, отметил, что революции были подвержены как региональными, так и международными интервенциями, некоторые перешли в гражданскую войну и даже геноцид против целого народа. Д-р Саиф Абдель Фаттах обвинил местные арабские элиты в том, что они допустили вмешательство внешних держав и позволили подвергнуть свои страны в страшные тяжбы.

После сирийских революций власть с силой принялась за милитаризацию страны, чтобы сохранить свою гегемонию, включая применение химического оружия против своего народа. По поводу оценки хода революций в Сирии доктор Азиз ал-Хадади считает, что еще рано делать выводы, поскольку революция является совокупностью последовательных исторических контекстов, а не событием с мгновенными результатами, он объясняет, что революция – это общественный акт, который направлен, прежде всего, на то, чтобы вызвать процесс радикальных и глубоких изменений в политической, социальной и экономической структурах государства [52, с. 123]. Критерием успеха или неудачи любой революции является способность осуществить какие-либо изменения в государстве. Что касается создания альтернативы, которая бы обеспечивала стабильность этих перемен и их преобразований в системе прав человека, то это не входит в задачи революции, а входит в задачи политических и интеллектуальных сил общества. Азиз уверен, что политические силы действовали с позиции политического оппонента, существующий противоречивой программы власти, что означает, что оппозиция не стремилась к свержению власти, а скорее работала над свержением режима власти. Ученый считает, что самая большая проблема, стоящая перед революцией это политические силы, превратившие революцию из простых протестов против власти в широкомаштабный акт медународного уровня. Поэтому он измеряет успех и неудачу революций, только по способности этих восстаний свергнуть власть. Он добавляет к этому международный фактор, который с одной стороны, поддерживал революции, с другой стороны, способствовал старым режимам удержаться у власти.

Политический исследователь Радвана Зиаде считает, что Россия и Иран, оказали большую военную поддержу сирийскому режиму, так как их региональные интересы имели больше приоритета чем простая поддержка революции. Он отметил, что США решили полностью выйти из сирийского досье, что сделало Россию единственной силой как в военном, так и в политическом отношении в регионе. Он считает, что сирийский режим не смог преодолеть свой политический кризис и остался относительно самым неудачным в международном масштабе, экономически обездоленным и

лишенным легитимности внутри страны, поэтому режим не победил, а оппозиция практически не потерпела поражения [53, с. 322].

Ливия, страна которая до сих пор ищет «дорожную карту», чтобы положить конец политическому и военному расколу, произошедшему после падения режима Муаммара Каддафи. Глава Ливийской организации по политике и стратегии, бывший заместитель премьер-министра Ливии Ауад Ибрахим считает, что смерть Каддафи обернулась тяжелым бременем для страны. Однако первым успехом революции, по словам Ауада, стало формирование Национального переходного совета, который на первом этапе оказывал услуги гражданам путем создания институциональных структур, а затем проводил многочисленные выборы, которые были более или менее успешными [54]. Последним достижением «революции 17 февраля» стало подписание Схиратского соглашения, открывший путь к примирению между структурами ливийской политической сцены.

Ливийский политик Малик Харраса наоборот, не согласен с провалом ливийской революции и видит проблеск надежды будущего страны, он объясняет неудачи революции отсутствием здорового политического климата в Ливии, смерть Каддафи привела к застою и ступору ливийской власти: «После падения режима Каддафи в стране не было ни партий, ни институтов, которые после революции смогли бы поглотить революционеров и сформулировать их цели» [55]. Несмотря на трудности, которые пережила страна, Харасса считает необходимым избавиться от наследия культуры тирании, правившей страной на протяжении десятилетий, «от любых политических компонентов параллельно с его нигилистической внешней политикой», которая «оставила страну с врагами, которые стали причиной долгого сопротивления на пути революции» [55].

Египетский исследователь Иман Хусни утверждает, что Запад всегда вмешивался в политическую жизнь страны, чтобы иметь, прежде всего экономическую выгоду для себя. Ученый не упускает из вида политический ислам, его позицию и отношения с США и Западом. Он указывает на финансировании администрацией Обамы группировки «Братья-мусульмане» и его кандидата на президентских выборах в Египте в 2012 году, подробно останавливается на взаимоотношениях «Братьев-мусульман» с Западом, Турцией, Ираном и другими странами. Ученый уверен, что «Арабская весна» есть не что иное, как «западный заговор», цель которого раскол арабского мира, поскольку Запад считает, что Ближний Восток представляет опасность для их целостности. Хусни тем не менее признает, что «Арабская весна» произошла из-за слишком долгого правления авторитарных режимов с маргинализацией населения и коррупцией. Ученый приходит к выводу, что «западный заговор» все еще существует, возможно, с некоторыми поправками, в соответствии развитию событий. Он видит выход из этого заговора в «сплоченности внутреннего фронта и его укрепления против любого вида проникновения Запада и укреплении страны, основывающаяся на свободной и сознательной власти, ставящей интересы народа в приоритет» [56, с. 178].

Второй вопрос, на который обращают внимание ближневосточные ученые это – интерес Запада к нефтяным ресурсам арабских стран. Многие ученые полагают, что интерес к нефтяным ресурсам является первостепенной причиной внешнего вмешательства. С давних времен нефтяные регионы были подвергнуты прямому колониальному контролю, в результате чего эти страны подвергались ряду экономических, социальных и политических изменений, за которыми стоят трансконтинентальные компании, защищающие свои интересы. Третья тема, которую обсуждают ученые это арабо-израильский конфликт, который внес наиболее заметный внешний фактор. Из-за арабо-израильской войны и ее негативных последствий пострадал весь арабский регион и опасность этого фактора заключается в характере функциональной роли Израиля и его союзников.

Абд Рахман утверждает: «Если Палестина эта – географическая база американского проекта, то арабский мир – это жизненно важный регион, где США будет исполнять свою «функциональную» роль против арабского единства и как можно дольше будет сохранять состояние раздробленности и отсталости арабских стран, контролируя всю политическую власть, безопасность, экономические и военные базы» [57, с. 91]. Кроме того, по мнению ученых, США также поддерживала центры контрреволюции, содействуя в разжигании пограничных споров, внутренних беспорядков, организацией шпионажа и подавления арабской уммы в попытке подчинить их.

Различные арабские партии превратили проблему палестинцев в материал для лозунгов и речей, для достижения своих личных целей и интересов. Позже появились представители политического ислама с лозунгом соблюдения канонов шариата, были и те, кто умудрился объединить две темы и ислам и палестинский вопрос. Палестинский ученый и писатель Хасан Хидр говорит: «Разговоры на тему Палестины и ислама были совершены фундаменталистами, политическими спекулянтами и авантюристами с нефтяных государств» [58, с. 33], которым не составило труда совместить исламистские лозунги с националистическими лозунгами, которые привели к гражданским, этноконфессиональным конфликтам, сопротивлениям ополченцев и джихаду террористов-смертников. Хасан Хидр считает, что за всеми этими сценами «стоял активный американский игрок, арабский народ был всего лишь инструментом, которым манипулировали и даже подавляли во время борьбы за власть» [58, с. 56]. В результате демократия оказалась между «молотом» режимов и фундаментализма, с одной стороным и «наковальней» Запада с другой стороны. Неудивительно, что лозунги арабских народных революций гласили: «Нет пожизненному правителю», «Нет наследственной власти», «Нет гегемонии правящей партии», «Нет чрезвычайному положению», «Нет коррупции и несправедливого распределения богатств страны», другими словами, эти лозунги несли демократический подтекст. Они не забыли палестинский вопрос, просто они хотели переставить свои приоритеты по-новому, с другим видением и подходом, возможно открывавший дверь для их светлого будущего. Хасан Хидр уверен в той роли, которую сыграла Америка с

их основными целями, упомянутые Обамой, а именно поддержка безопасности Израиля и продолжения притока нефти. По его словам, американцы стремились уничтожить государства, создать экстремизм и уничтожить арабское общество. Хасан Хидр обосновывает вмешательство США: во-первых, в Тунисе, когда к власти пришел президент Беджи Каид ас-Себси, во-вторых, когда НАТО уничтожило Ливию, в лице Муаммара Каддафи, дав ход соперничающим группировкам. В-третих, американская поддержка военной силы Египта, позволившая пасть Мубараку позже свергнуть Мурси и восстановить военное правление. В-четвертых, американская поддержка йеменской армии, которая передала власть хуситам, образовав хаос, приведший к разделу Йемена между Севером, Югом и «аль-Каидой». В-пятых, сирийская война, объединившая интересы нескольких держав. Также он обвиняет Катар за пособничество американцам, считая, что «Катар до сих пор спонсирует Сирию, для того чтобы продолжить войну» [58, с.69]. В итоге он заключает, что «Арабская весна» провалилась, потому что ее «не породило арабское общество, а оно зародилась в умах специалистов по Ближнему Востоку в исследовательских центров США» [58, с.372] и цель внешнего вмешательства состоит в том, чтобы уничтожить арабский народ вместе их надеждой на светлое будущее.

Профессор университета ас-Сауд д-р Ахмед аль-Туейджри [59] также считает, что Израиль является компасом, определяющим большинство реакций международных держав на «Арабскую весну». Он утверждает, что у Запада главная цель это – защита Израиля, поскольку была опасность того, что революции могли привести к серьезным глобальным переменам в регионе и уменьшению роли Израиля в регионе. Он призывает рассмотреть израильский проект во всех его военных, политических, культурных и религиозных аспектах. Что касается критики в адрес Саудовской Аравии, которая поддержала контрреволюции в Сирии, то он считает, что Королевство не стремилась вмешиваться, а только хотела оказать гуманитарную помощь, так как результаты и масштабы убийств и разрушений со стороны режима и его сектантских сторонников иранского режима и «Хезболлы» были колоссальны. Что касается революций в Египте, Ахмед аль-Туейджри говорит, что Саудовская Аравия сначала не занимала враждебной позиции по отношению к египетской революции, но наблюдала за событиями, а настоящий сдвиг произошел, когда начался государственный переворот.

Аднан Хайаджне и другие соавторы книги «Стратегическая позиция Америки и Израиля в отношении политических преобразований в арабском регионе» затронули тему американской позиции относительно развития ситуации в арабском регионе, где основной целью политики США считают не только безопасность Израиля, но и экспорт нефти из стран Персидского залива, а также ядерный потенциал Ирана в регионе [60, с. 27]. Это исследование указывает на то, что США не будут вмешиваться во внутренние дела стран, если это вмешательство не будет служить американским интересам.

Ибрагим Аллуш в своей книги «Популярные преобразования и революции в арабском мире: реальные указания и перспективы на будущее»

рассмотрел роль внешних политических сил в арабских народных революциях, предложил механизмы борьбы с ними и указал, что США проиграли в революциях. По его мнению, позиция США в отношении арабских революций создала очевидную путаницу в структуре администрации США [61, с. 93].

В исследовании Дауд Телами «Внешнее измерение арабских народных революций и восстаний» [113] рассматривается глобальное измерение, оказавшая большое влияние на революции и протесты, то есть наличие внешних сил, особенно США в контексте их стремления к ограничению последствий «Арабской весны», с целью смягчения их воздействия и обеспечения перестройки политических систем в соответствии с американскими интересами.

Ученый Махмуд аль Джари уверен в том, что бурные события, произошедшие в Тунисе, Египте, Ливии, Йемене и Сирии, еще ранее Ираке – это западный заговор, который заранее был подготовлен на «международной кухне» с систематизированым и структурным планом в виде «Арабской весны» [62, с. 46]. Д-р Фарис Тантави говорит, что заговор был связан с процессом смены режима в Тунисе, так как заговор против Туниса и его народа начался в 2007 году когда военную базу города Бизерт отказали передать Соединенным Штатам, после чего в 2008 году последовал официальный визит Кондолизы Райс в Тунис. М. Каддафи и глава МИДа Абдель Шальгам провели встречу, обсудив политические, экономическое сотрудничество двух стран и некоторые другие вопросы в сферах безопасности, культуры и образования. Кроме того она предложила создать в Тунисе Центр по правам человека, контролируемый США, цель которой была обучение молодежи концепциям и правилам прав человека. Абдель Шальгам предложил открыть этот центр в Израиле, это предложение не понравилось Кондолизе Райс и она незамедлительно покинула страну. Фарис Тантави уверен что именно эта беседа привела к началу заговора, приведший к событиям «Арабской весны». Он приходит к выводу, что Америка и Запад преуспели в своих планах по свержению арабских режимов, подавлению армий и демонтажу региона [63, с. 197].

В контексте конспирологической версии большой интерес представляют работы о роли Ирана в арабских революциях. К примеру, в исследовании Закрия Сулейман «Арабы между иранским влиянием и американской и сионистской схемой», исследователь вкратце рассмотрел историю движения хуситов, а также разницу и сходство между зайдизмом в Йемене и шиитами-двунадесятниками (иснаашариты) в Иране [64, с. 116]. Стоит отметить, что это исследование согласуется с текущим исследованием в прояснении отношений между хуситами и Ираном и интерпретации их общих интересов. В исследовании Мухаммада Саида [114] рассматривается позиция США в отношении хуситов, которая выражается в игнорировании их поведения в Йемене, где он подчеркивает наличие сближения между США и Ираном. В работе Аль-Шаммари «Стратегический взгляд на отношения между странами Совета сотрудничества стран Персидского залива и Ираном», подчеркивается необходимость разработки стратегии противодействия иранскому влиянию,

основанной на самообеспечении [65, с. 42]. Усам Абд аш-Шафи в своей работе «Отношения между странами Персидского залива и Ираном» [115] рассмотрел наиболее противоречивые вопросы между Ираном и странами Персидского залива, а именно проблема ОАЭ, безопасность Персидского залива и иранской ядерной программы. Он считает, что дисбаланс в регионе может быть исправлен, а курс взаимодействия в регионе может контролироваться путем поиска баланса в военном, экономическом и политическом отношении.

В исследовании Жамал ас-Сауди «Иран и Персидский залив» [116], разъясняется поддержка Ираном хуситов и «Аль-Каиды» с целью контроля над приграничными районами с Саудовской Аравией. По его словам иранское влияние возникло только как угроза распространения хаоса в регионе, который может повлиять на безопасность Королевства Саудовская Аравия. Это исследование схожа с другими исследованиями, касающихся Йемена и роли Ирана в нем. Статья Мустафы Хамида «Конфессиональный состав Йемена и его связь с управлением» направлено на прояснение роли сектантства в Йемене на протяжении многих десятилетий, в том числе политики президента Али Абдуллы Салеха и той выдающейся роли, которую он сыграл [66, с. 3]. В своем исследовании Мустафа Хамид пришел к выводу, что революция февраля 2011 г. была направлена на рационализацию национальной политической системы. Помимо конфессиональных вопросов, это исследование раскрывает проблемы Йемена, иранской интервенции. Он считает, что проблемы заключаются не только в конфессиональных вопросах, но и в том, что выходят за рамки политической системы, поскольку Йемен находится в русле региональных и международных изменений.

Приверженцы конспирологической теории считают, что неважно, о какой стране идет речь о Египте или Сирии, дело в том, что все эти революции сплетены вокруг одной теории «внешнего вмешательства». Долгое время были споры о поддержки мировых держав в виде поставки оружия, либо военной интервенции для поддержки сирийской власти или оппозиции. Интерпретации многих ученых имеют писсимистическую нотку. По их мнению даже если будут применены все усилия, чтобы положить конец конфликтам в арабских странах, то это все равно не приведет к мирной консолидации «сразу, раз и навсегда». Чтобы добиться мира и согласия в Сирии, Йемене и других конфликтогенных странах, необходимо прежде всего устранить историю и стереть теорию о «западном заговоре» в сердцах арабского народа.

Профессор политологии Йеменского университета Набиль Али аш-Шарджаби [67] считает, что разделение военного ведомства во время революции негативно сказалась на жизнеспособности революционеров, ибо «действия военного ведомства были неудачны, самой главной причиной является отсутствие реальных цель и задач с четким планом, не только у революционеров, но и у властей» [67]. Ходейды Набиль утверждает, что когда революционеры требовали ухода властей они не вникали в последствия экономического кризиса и проблем социальных и других структур, а правящий режим воспользовался отсутствием идеологических, политических планов у

революционеров и отдали предпочтение партийным интересам. Йеменский эксперт доктор Самир аль-Шибани [117] разясняет, что ситуация в Йемене частично отличается от ситуации в Сирии, Египте или Тунисе по причине тесных связей между соседствующими королевскими режимами. Ученые, выступающие за идею демократии, утверждают, что за всеми этими революциями во многих странах стоит не только США, но и региональные арабские страны, которые вооружали, финансировали и поддерживали массовые протесты.

В целом, чтобы понять теорию «западного вмешательства» арабских ученых, достаточно взглянуть на историю арабов. Недавно вышедшая книга на немецком языке Юджина Рогана под названием «Арабы. История. XVI – XXI вв.» [118] хорошо описывает историю арабских стран за последние 500 лет начиная с османского периода правления регионом. Он уделяет особое внимание на доминирующее влияние западных держав и трем основным проблемам: арабскому национализму, нефти и политическому исламу. История арабского мира Рогана заключается в том, что арабский регион на протяжении нескольких столетий контролировался иностранными державами. Сначала были османы, затем пришли англичане и французы, которые разделили регион по своему усмотрению, потом взялись американцы.

Интерпретации против «внешнего фактора» / Не американский заговор

Стоит отметить, что не все исследователи обвиняют США и Запад в революциях «Арабской весны», существуют группа ученых, которые не считают внешнее вмешательство главной причиной протестов. Такие мнения в политическом дискурсе заставляют многих ученых, аналитиков полагать, что произошедшие события являются спонтанными, а не заранее спланированными. Они утверждают, что причины, заставившие выйти на улицу людей, были вызваны физиологическими потребностями намного больше, чем требования демократии и свободы слова. По мнению этой группы ученых идея о внешнем вмешательстве зародилась по причине официальных речей политичиских элит, к примеру, высказывания бывшего президента Йемена Али Салеха и других чиновников, местных авторитетных имамов, религиозных деятелей, священнослужителей (особенно салафитского толка), которые преподносили эти бунты как «западный заговор», чтобы защитить себя.

Разговоры о проектирования Западом «Арабской весны» долгое временя не прекращались. За это время были опубликованы достаточно много научных трудов и исследований. Одним из наиболее важных трудов является книга исламского мыслителя Тарика Рамадана под названием «Ислам и пробуждение арабов» [119], в которой автор подчеркнул, что экономическая сторона играет ключевую роль в революциях, а амбиции Запада в регионе не новы. Главный аргумент Рамадана заключается в том, что в последние годы администрация США не обучала арабскую молодежь оппозиционным методам и не оказывала давление на военных в Египте и Тунисе во время революций. Он глубоко

уверен в том, что Запад не является создателем «Арабской весны» и не оказывал на события какого-либо влияния.

Существует фундаментальная разница между утверждением, что Запад «спроектировал» «Арабскую весну», и утверждением, что Запад или некоторые его институты сыграли «вспомогательную» роль. Ряд арабских ученых утверждает о второстепенной роли Запада. По словам доктора Файсал Дараджа «Запад, несомненно, хотел использовать революции в первую очередь в своих интересах, но реальная гражданская борьба была главным образом из глубиных внутренних причин арабского народа и роль гражданских объединений была сосредоточена в поддержке протестов» [120].

Многие другие ученые также склоняются к такому мнению. Так, доктор Мухаммад Саид Идрис [121] уверен, что несомненно, Запад хотел использовать революции в первую очередь в своих интересах, но реальная гражданская борьба была главным образом из-за глубиных внутренних причин арабского народа и роль гражданских объединений была сосредоточена в поддержке протестов. Действительно протесты в Египте в «День ярости» стали результатом десятилетних репрессий и авторитаризма. Пик этой ситуации пришелся на конец 2010 года, когда были сфальсифицированы выборы, появились народные собрания и участились случаи пыток. Экономика страны стала ключевой причиной революции, так как без экономической независимости нет политической свободы, простой народ должен абстрагироваться от гегемонии и экономической эксплуатации.

Мустафа Алауи [122] рассматривая влияние Запада на события «Арабской весны» отмечает, что тунисская и египетская армии получали инструкции от союзников США о воздержании от применения огнестрельного оружия против протестующих. По его мнению, хоть США и указывали на какие либо действия, все же военный истемблишмент Туниса и Египта в своих институциональных рамках принимал те или иные решение самостоятельно. Мустафа Алауи уверен, что утверждение о том, что Запад является «мозговым центром арабских революций это – сказка» [122, с. 6]. Объясняет он тем, что реакция Запада на протесты была очень медленной, если даже предположить, что Запад спланировал эти революции, то почему западные аналитические центры не смогли дать полные и ясные сведения об «Арабской весне», не смогли предсказать эти события и дать информацию, которая четко показала бы направление событий во время революций [122, с. 21]. Если бы Запад был организатором и лидером в весенних операциях, он мог бы проложить этот путь, придерживаясь своего курса, интереса и цели. Вдобавок он приводит в свое доказательство слова британского журналиста Дональда Макинтайра в статье «Как «Арабская весна» поймала Запад с поличным?» в журнале в «Independent» [123], где автор описывая события «Арабской весны» удтверждает, что арабские революции удивили и даже привели в замешательство Запад. Он задается вопросом, если Запад стоит за всеми этими событиями, то почему тогда он не предпринял меры, которые бы остановили эти революции.

Доктор Иса Даиш также скептически относится внешнему заговору: «Заговоры в некоторых случаях не считаются ложными разговорами, но вера в них ослабляет отдельных людей и целые народы, нужно остерегаться Запада и его амбиций, особенно колониализм, воплощенный в современном варианте западного патронажа, политики глобализации, свободного рынка и транснациональных корпораций, но нужно помнить, что простой народ не сможет противостоять внешним факторам без веры в свою силу и способность действовать» [124].

Попытки США сыграть большую в роль в революциях, как показывает практика египетской революции только удвоили проблемы. И все же факт об американской финансовой поддержки гражданским организациям недостаточен, чтобы утверждать, что «Арабская весна» – это чисто западный проект [125]. В целом, у простого народа после долгих десятилетий авторитаризма есть позитивный настрой на будущее. Если бы они надеялись на Запад, они были бы деморализованы и не смогли бы идти дальше.

Историческое или кризисно-системное направление мнений

Исторически сложилость так, что в определенные моменты истории под воздействием внешних факторов и каких либо внутренних проблем после определенных условий по мере необходимости начинают происходить решающие события, ведущие к формированию нового этапа исторической эры. Такие события можно рассматривать как исторический, эпохальный момент. События «Арабской весны» 2011 года по сути повторили революции прошлых лет, многие ученые называли их «третьей волной революций». Диктатуры в арабском мире были установлены в потоке социалистической мечты после Второй мировой войны: Гамаль Абдель Насер сверг египетского короля в 1952 году и установил военно-социалистический режим; в Ливии Муамар Каддафи последовав его примеру в 1969 году сверг сенуситскую монархию Идриса; в Сирии в 1970 году пришел к власти Хафез аль-Асад (отец сирийского президента Башара Асада, бежавшего из страны в декабре 2024 года) свергнув генерала Джадида и Садам Хусейн, ставший у власти в Ираке (1979), вдохновленный социалистической панарабской политической партией «БААС».

Египетский аналитик Гасан Салама называет период «Арабской весны» – стадией «постмодернизма», когда политические, экономические, социальные и культурные события в арабском мире раскрывают степень своего исторического влияния друг на друга не только на местном или региональном уровне, но и на общем – глобальном уровне [126]. Он говорит о возникновении новой фазы, называемой «глобализация», особенностями которых являются гегемония технологий, информаций и интернационализация проблем. Следовательно, по его мнению «войны и политические и экономические кризисы, которые переживают народы мира на данном этапе, являются результатом кризиса глобализации. Вследствие революций, которые совершают угнетенные народы, и происходящих во время глобальных перемен, нужно

правильно использовать и применять инструменты глобализации» [126, с. 87]. Гасан Салама считает, что сейчас арабский народ живет в «посткоммунистическое» время, как страны СНГ после распада Советской империи и окончания холодной войны.

Писатель Салим Арнуш описал состояние арабской нации в дореволюционную эпоху, как народ живущий в состоянии застоя и отчаяния, отреченный от цивилизации. Пессимисты привыкли видеть, что самое большее, что арабы могут предложить миру – это нефть, доходы от которых идут в карманы властвующих элит. Арабы не поняли тенденцию современной эпохи и остались за ее пределами, «они взяли у демократии ее форму и применили ее в искаженном виде, сильно отставая от шлейфа глобализации и технологий» [127].

Муслех Хадер аль-Джубури в своей трудоемкой работе «Корни тирании и арабская весна» [128] попытался отследить корни тирании с самого начала человеческой цивилизации: бог, религия, структура правления в древних цивилизациях, роль церкви в крестовых походах. Ученый отслеживает историю тоталитарных и авторитарных режимов Европы: итальянский фашизм, немецкий нацизм, распад СССР и тд. Говоря о перспективах демократии он указывает на проблемы, с которыми могут столкнуться арабские страны, а также проблемы сепаратизма и их влияния на демократию в стране. Поэтому он подчеркивает, что революции по своей природе связаны с авторитарным режимом, которые, по сути, представляют собой одну из самых важных проблем, связанные с видением изменений через действия этих революций и реальных препятствий, которые создает этот феномен. Возможно, недостаток исследований как побороть этот феномен связан с авторитарным климатом, который сам по себе узаконивает всю проводимую им политику с использованием всех тиранических инструментов и методов.

Например, профессор политологии Университета Святого Иосифа в Бейруте Ибрахим Карим отмечает, что: «В Сирии и Ливии было два влиятельных фактора: ностальгия по пятидесятым годам, как по годам относительно либерального арабизма до великого уклона к авторитаризму в шестидесятые, а также желание перевернуть страницу диктатур, изменив навязываемую ими символику» [129]. Он уверен, что эта предистория к текущим событиям имеет прямое влияние. В контексте данного вопроса, где арабские революции переплетены с множественными формами тирании авторитарных режимов и наследственностью с исторических времен, хорошей, иллюстрацией может быть книга «Eastern tyranny or tyranny in the East?» («Восточная тирания или тирания на Востоке?») [130].

Хусейн Али отмечает, что понятия тирания, деспотизм и диктатура присутствует в повседневной арабской жизни с ее политическими, социальными и культурными проявлениями. Он исследует авторитаризм через противоречия аристотелевского утверждения концепции азиатской тирании; восточной тирании, как «климатической неизбежности» Монтескье; как «человеческое безумие», согласно Буланже; деспотизм, как «судьба

Востока» Гегеля и «принуждение к восточному деспотизму» Маркса; деспотизм, как «расовая неполноценность и рабская власть для Ренана» [131]. Он считает, что восточный деспотизм в отличие от западного деспотизма более критичен и требует корректировки с научной точки зрения с методологией в рамках исторического контекста. В итоге, ученый приходит к выводу, что нет никакой разницы между восточной и западной тирании, а есть общая для всех тирания.

В статье профессора политологии Каирского университета Хасана Нафаа, опубликованной в исследовательском центре «Аль-Джазира», обсуждается политическая ситуация и внешние вызовы «Арабской весны». Автор уверен, что арабские власти оказались наиболее уязвимыми и неспособными противостоять следущим вызовам [68]. Во-первых, американский шантаж и пренебрежение прав арабов. Это было очевидно на конференции в Эр-Рияде, когда Дональд Трамп совершил свой первый визит в Эр-Рияд для заключения огромных сделок с Саудовской Аравией, сумма которых достигла почти полтриллиона долларов, что позволило ему добавить несколько сотен миллиардов в казначейство США. Во-вторых, усиление российского влияния, благодаря чему Россия преуспела в своих амбициях за счет сирийского кризиса, консолидировала свое постоянное военное присутствия (добавив к своей старой военной базе в Сирии новую базу), определили свои политические, экономические интересы, систематизировали безопасность и расширели сферу своего влияния в регионе в целом. В-третьих, тяжелое положение арабских стран: продолжающая война с ужасными гуманитарными катастрофами, «арабская коалиция» в Йемене, разногласия между странами Совета сотрудничества стран Персидского залива, «несостоятельность как государства» Ливии и в целом экстремизм и терроризм, который наносит жестокие удары по всем сферам жизнеобеспечения арабских стран[68].

В своей книге «Великий раскол: тяжелое положение политики, идеологии и власти в испытаниях Арабской весны» палестинский эксперт Маджид Каяли раскрывает и анализирует основные три причины протестов: первая, связана со слабой концепцией системы власти, вторая, связана с проблемами межконфессиональных и этнических разногласий, а третья, связана с конфликтом между религиозными и светскими элитами на политическом и государственном уровнях. Каяли считает, что «Арабская весна» не смогла бы изменить за короткое время то, что было установлено десятилетиями, поскольку «... революции – это вынужденный выбор, они сопряжены с болью, рисками и катастрофами и в них нет ничего определенного, они могут добиться победы и достичь каких-то результатов, но могут потерпеть поражения, подвергнуться краху и репрессии обществ» [132, с. 76]. Каяли говоря об источниках межконфессиональных и этнических конфликтов в арабских обществах подчеркивает, что они являются одной из важных и самых больших дилемм, препятствующих социальной интеграции, и их реальное существование связано, в первую очередь с политической борьбой за власть, а не с религиозным различием или неразвитостью социально-

экономических структур. Он обращает внимание на тот факт, что существущая мировая тенденция характеризовать арабские страны только с экстремизмом и радикализмом, ошибочна. Эта тенденция характерна для большинство стран, обществ, культур и религий, особенно на переходных этапах, как это было в свое время в России, США, странах Европы, Азии и Африки. В контексте своего исследования он пытается рассмотреть факторы, которые привели к труднопроходимости демократического процесса в арабском мире. К ним он относит слабые правовые законы и возможности государства, отсутствие социальных структур и демократии, присутствие внешнего вмешательства и оккупации. Он подчеркивает, что демократия является продуктом политических, экономических, социальных и культурных событий, а не просто политическим лозунгом. В целом, автор уверен, что хоть и революции не привели демократическим переменам, но все же сыграли большую роль в выявлении глубинных проблем арабских обществ и политических систем. Резюмируя, Каяли говорит о сложностей БВСА, где переплетаются социально – экономические проблемы, наследие колониализма и влияние внешних факторов, чтобы достичь подлинных перемен необходимо не только изменить политические режимы, но и преобразовать общества [133].

В попытки исследовать структурные и социальные причины революций, среди ученых исследователей появились основательные попытки объединить современные научные методологии социальных наук с «аутентичным» когнитивным видением событий Ближнего Востока, которые вытекают из социо-культурных ориентиров общества и имеет способность обеспечить комплексное прочтение реальности, отказавшись от упрощенных и редуктивных подходов внутреннего дискурса. Появилась группа арабских ученых, принадлежащие к исламской возрожденческой школе мысли, которая является многосторонней. В основном она опирается на столпах Ислама, почеркнутые из трудов ученых, мыслителей и интеллектуалов таких как Юсуф аль-Карадави, Рашид Ганнуши, Ахмед аль-Райсуни, Абдул Вахаб Аль-Миссери, Малик ибн Наби, Али Изетбегович, Али Шариати, Абу Аль-Касим аль-Хадж Хамад, Хасан аль-Тураби, а также анализы светских интеллектуалов, таких как: Мухаммед Абед аль-Джабри, Бурхан Галиун, Азми Бишара и других, которые более открыты и способны синтезировать идеи, выходить за рамки готовых постулатов, способны критиковать арабскую и исламскую мысль и предоставлять альтернативные интеллектуальные предложения.

В этом контексте выделяются работы исследователя Салмана Бунамана. Он раскрывает проблемы арабских революций в двух книгах, опубликованных в 2011 и 2012 годах. В первой работе он пытается разобрать структуру арабских революций [134], а вторая поднимает серьезные вопросы о структуре власти государств стран «Арабской весны», то есть отношения государства к обществу и народу, отношение государства к религии, вопросы свободы и демократии и т.д. Рассуждая и анализируя эти и другие темы, ученый строит проекции концепций и подходов на культурную и политическую реальность арабских стран. В своей книги «Философия арабских революций» [135] Салман Бунаман

попытался разобраться с революционным феноменом с точки зрения социальных наук, проясняет понятие «THAURA» и определения с их различными интерпретациями многих социальных и политических явлений, общих закономерностей этих изменений, характеризующихся своего рода релятивизмом и гибкостью. Также он предлагает модели для изучения революций придерживаясь когнитивной модели гуманитарных наук. Бунаман предлагает семь моделей интерпретаций революций: описательная модель, причинно-следственная модель, сравнительная модель, модель акторов, модель социальных движений, модель международного воздействия, модель многомерной действенности. Каждую модель с многочисленными подходами он попытался объяснить феноменом революций.

Доцент отдела политологии и международных отношений университета Дохи Халиль аль-Анани [136] отмечает, что арабские революции вернулись в прежнее русло по причине отсутствия плана, финансовых ресурсов и политического опыта. Политический ландшафт революционных стран не изменился, так как центральные власти не были ликвидированы до конца ни в Йемене, ни в Египте и даже в Тунисе.

Ливанский ученый Адиб Наама предлагает свое видение, которое должно послужить дорожной картой для всех стран, где вспыхнули массовые народные восстания. Главная идея состоит в «построении современного демократического государства». По мнению Адиб Наамы, его «дорожная карта» способствует мирному переходу и реальным реформам в любой стране, в которой требуется фрагментация, состоящая из трех этапов: переходный, конституционный, формирующий: 1) переходный этап заключается в незамедлительных действиях по решению проблем путем принятия срочных мер по восстановлению нормальной безопасной жизни, социально-экономической стабильности, достижению национальных и правовой справедливости, включая меры возмещения ущерба пострадавшим и восстановлению их прав; 2) процесс трансформации с политической и институциональной точки зрения требует конкретных шагов в связи политической и конституционный системой (рассмотрение проекта новой конституции, нового избирательного закона, законов регулирующих работу СМИ, партий, гражданских обществ, прав женщин и т.д.), что требует обновления правовых актов в центральных государственных институтах и местных органах власти, а также запуска процесса национального диалога по новым политическим, экономическим и социальным аспектам, которые необходимы, как во время переходного периода, так и на будущее; 3) формирующая фаза, является наболее серьезной и важной, то есть это исторический этап, в ходе которого закладываются приоритетные основы для возможного нового общественного проекта, выходящего за рамки простой смены власти, системы и законов, включающего формулирование нового общественного сдвига в сторону демократического преобразования [69]. Должен произойти радикальный сдвиг в структурах и системах власти и общества. Масштабы этой трансформации долгосрочны и требуют тщательного

рассмотрения и осуществления разработки соответствующих законов, конечной целью, которых должно стать построение современного демократического гражданского общества с социальной справедливостью, свободы слова и верховенства закона. Если все арабские страны зададутся этим целям, то эта дорожная карта может стать прямой дорогой для достижения достойной жизни, справедливости, равенства, свободы и демократии.

В целом, мнения арабских ученых может быть разделено на три основные оси, первая из которых касается структурного измерения внутренних причин революций, в то время, как вторая, касается стратегического измерения внешних и региональных факторов, а третья, стратегического измерения будущего арабского мира и других вопросов [137].

Первая ось исследований эндогенного характера, касаются социально-экономических проблем в регионе, приведшие к появлению большого количества протестных движений с политическим, религиозным или этническим подтекстами. Можно сказать, что окончательный результат этого анализа резюмируется в вступлении арабского мира в новую эру опасностей и вызовов, в том числе с географической, демографической, экономической и политической реструктуризацией арабского региона. Вторая ось мнений ученых рассматривает арабские революции в рамках конкурирующих между собой международных и региональных держав, которые вмешались в «Арабскую весну» и привели к расширению войн и увеличению проблем. Проявление этих опасностей, и общие характеристики внешнего вмешательства определили разные точки зрения ученых: (1) арабские революционеры вышли на протесты по инициативы Запада или США, (2) арабские народы восстали против репрессивных режимов, беззработицы, тирании и ущемления собственных прав, (3) взгляд на события с исторической точки зрения, (4) как неизбежное событие, поглащенная коллективным импульсом, ставшим отражением огромных накоплений структурных кризисов.

Исследование арабских революций учеными БВСА основаны на изучении системного характера революций и революционных элементов, особенностей революционных групп в дополнении к факторам детонации революций, событий предшествующей периоду революционного взрыва, действий разных факторов полные напряжений, взаимодействий и противоречий различных детерминатов.

Вопреки снижению воздействия политики США на страны БВСА, антиамериканизм среди арабского населения остается на исключительно высоком уровне и даже еще больше усиливается, особенно в таких странах, как Египет. Египетские ученые, политики, активисты и оппозиционеры критиковали США не только за вмешательство во внутренние дела, но и за то, что они недостаточно приложили усилий для поддержки арабских революций. Несмотря на то, что американские официальные лица считают, что они совершили серьезный политический сдвиг, отстранив от власти Хосни Мубарака, по факту своего давнего союзника, все же многие египетские ученые по-прежнему считают США своим врагом.

1.2 Восприятие «Арабской весны» в научном и экспертном сообществе России и Казахстана

По ходу различных политических изменений в арабских странах с самого начала революций российские ученые внимательно следили за событиями и сразу же начали не только обсуждать и писать об этом, но и проводить обширные исследования по всем направлениям, включая политику, экономику, социологию, теорию международных отношения и т.д. БВСА – один из самых конфликтогенных регионов мира, который всегда обращал к себе внимание сообщества востоковедов России. Арабский регион исторически всегда был и остается в сфере особых интересов России, поскольку страны Арабского Востока традиционно связаны с ней многочисленными социально-политическими и культурными отношениями. Эти отношения имеют исторические корни, которые только усиливаются за счет повышения численности мусульманского населения [138]. Благодаря широкому спектору исследований российских востоковедов можно понять направление и внешнюю политику России.

Исследованием и изучением БВСА задействованы многочисленные институты, научные и аналитические центры и факультеты, кафедры университетов: Институт Ближнего Востока, Институт востоковедения РАН, Институт стран Азии и Африки (МГУ), Институт Африки РАН и т.д. Российские востоковеды очень тщательно и скурпулезно проводят свои исследования, начиная с исторического периода, основываясь на источниках и документах официального характера, статистики, позиций властей и т.д., выявляя многочисленные факторы и указывая на предпосылки породившие бунты и протесты.

Среди российского академического сообщества, так же, как и среди западных, немало тех, кто придерживаясь конспирологической теории «управляемого хаоса» убеждены, что именно США являются организаторами революций «Арабской весны». Они также утверждают, что арабские революции было не спонтанным явлением, а спланированное в США «цветная революция», целью которых является установление американского господства в регионах БВСА [139], адаптированные под условия исламского общества [140].

Востоковед, президент Общества дружбы России с арабскими странами В. Мутузов говорит, что за народными революциями в арабском регионе стоит колоссальная подготовительная работа мощных, профессиональных центров политических технологий [70]. Востоковед, заместитель директора Института Африки РАН Л.Л. Фитуни утверждает, что без моральной и материальной поддержки извне «Арабская весна» не имела бы реальной перспективы, а внешние силы, а именно западные демократии, не только способствовали организации и консолидации оппозиционных сил, но и оказывали постоянное давление на арабские правительства с целью не допускать радикальных средств для прекращения беспорядков, при этом Запад отварачивается от своих протеже – авторитарных режимов [71, с. 5]. Л.Л. Фитуни считает, что Европа в

отличие от США, пытаясь помочь отсталым арабским странам преодолеть тоталитаризм постепенно вынашивает и претворяет в жизнь «демократический интернационализм», который превратился в один из детерминант современной внешней политики Запада и, как следствие, в ключевой фактор международных отношений XXI в. [71, с. 9]. Согласно российскому востоковеду-африкановеду, арабские революции для Запада была ожидаемой и даже желанным поворотом в регионе, поскольку регион БВСА географически близок к Европе и удален от США и при недостатки военной мощи ЕС активно использует договорные отношения. Ведь форма помощи Запада заключается как в нормативной, так и в территориальной, институциональной, идеологической форме.

По мнению О. Павлова, «Все происходящее на Ближнем Востоке за последние три года является результатом действия мировых финансово-политических элит, которые подталкивают Вашингтон, а вместе с ним Лондон и Париж к тому, чтобы довести до логического конца процессы глобализации; с помощью исламских радикалов завершить разгром национальных суверенных государств на просторах Евразии (тут цели совпадают с исламистскими), создать обстановку хаоса, в которой гораздо легче продлить жизнь умирающему доллару и предотвратить формирование действительно многополярного мира, основанием для которого могло бы стать создание крупных региональных блоков государств, обладающих собственными сильными региональными валютами, способными бросить вызов нынешней валютно-финансовой системе. Поэтому острие «арабских революций» нацелено не против арабских диктаторов, а против складывающегося на наших глазах Евразийского Союза и Китая» [72].

Многие ученые анализируя внешнее вмешательство, говорят о возросшем влияние именно военной силы, которая ведет к западному интервенционализму. Военный востоковед К. Сивков, первый вице-президент Академии геополитических проблем, акцентировал свое внимание на том, что Запад не может выйти из кризиса без установления контроля над мировыми ресурсами и поэтому он повсюду на Ближнем Востоке носит элементы дезинтеграции и раскола [73]. Научный руководитель ИВ РАН В. Наумкин считает, что масштабное военное противостояние, ставшее результатом борьбы мятежников с режимами в Ливии и Сирии, заострило вопрос о легитимности, допустимости и условиях вмешательства во внутренние конфликты внерегиональных сил, в том числе с декларированной гуманитарной целью защитить гражданское население [74, с. 24].

Итак, многие российские востоковеды и аналитики акцентрировали внимание на внешнее вмешательство, что именно за революциями, смене правящих режимов и революций стоят западные страны и их спецслужбы. По их мнению, Запад давно вынашивал план перестройки БВСА, включая их государственные границы, при этом внедряя западную систему демократии.

Востоковед Ю.И. Успенский в своей книге «Арабские хроники: суровый путь в Дамаск» [75] раскрывает роль внешних держав, например, тонкости катарско-саудовско-турецких взаимосвязей, самым явным образом

регулируемых участием этих стран в подпитке сирийского кризиса. Ю.И. Успенский дает вполне обоснованные оценки деятельности властей Саудовской Аравии и Катара, направленной на дестабилизацию неугодных им режимов в арабском мире и спонсирование любой оппозиции этим режимам – даже экстремистской. В своей другой книге «Дни арабов. Пора казней египетских» Ю.И. Успенский показал суть арабского кризиса, исходя из определенных историко-политических констант, стараясь избежать стереотипов, чтобы можно было экстраполировать полученные выводы [141].

Известный российский эксперт по БВСА В.Г. Хорос в своем анализе внешнеполитической стратегии США и стран Запада на Ближнем Востоке приводит следущие версии внешнего вмешательства:

1. США и Западные страны хотят поставить под контроль массовые движения в арабском регионе с помощью прихода к власти «новых прозападных лидеров»;

2. Страны Запада используя известный принцип «разделяй и властвуй» подогревают конфликты в арабских странах, преследуя и реализовывая собственные интересы, поэтому развитие концепции «оранжевых революций» – это создание в арабских странах «управляемого хаоса»;

3. У Запада не было никакой стратегии, «взрывы» в арабском мире застали их врасплох, но они придерживаются напалеоновского принципа «сначала ввяжемся в бой, а потом посмотрим, что из этого получится». В.Г. Хорос считает, что для того чтобы определить динамику и спрогнозировать ход дальнейшего развития затянувшего конфликта, требуется детальный анализ происходящего, особенно внешнего вмешательства [106, с. 142].

Если по словам И.Д. Звягельской «внешнее вмешательство в дела Ливии и Сирии... в очередной раз продемонстрировало готовность Запада играть не по правилам, поставив целью свержение режимов, а не декларируемое продвижение демократии» [76, с. 533], то А.Д. Саватеев считает, что западная политическая и правовая культура в наибольшей степени отвечает идеалам образованной арабской молодежи: «Непримеримость же Запада свидетельствует о его стремлении к новому геополитическому гегемонизму, в рамках которого наиболее твердоотстаивающим свои позиции народам, в том числе арабским, отказано в праве именовать себя «просвещенными», «современными», «цивилизованными» [138]. Академик Е.М. Примаков считает, что после первоначального оцепенения, вызванного началом «арабской весны», американцы попытались минимизировать свои потери, развив небывалую активность в регионе. Более того, в Ливии и Сирии они активно включились в события, стремясь использовать ситуацию в своих интересах [77, с. 29].

Сирийский кризис стал темой, пробудившей особую активность в научном сообществе России. Исследуя причины кризиса, многие авторы винят власть, провалившая реформы и экономику страны. Д.Б. Малышева, как нельзя точно описывает внешнее вмешательство во внутренние дела страны: «... начавшись в Тунисе и Египте, этот мощный политический подъем в арабском мире завершился потом в Ливии; отголоски его дошли до Йемена и Бахрейна, а

в Сирии он приобрел уже совсем немирный характер, трансформировавшись из протестного движения в гражданскую войну с вовлечением в нее внешних сил... Другая особенность этого конфликта – возросшее влияние военной силы» [78].

Старший научный сотрудник ИВ РАН, востоковед Б.В. Долгов, анализируя ситуацию в Сирии на момент 2012 г., приходит к выводу, что нарастание в стране серьезных внутренних экономических и политических проблем не породило острого общественного кризиса. Внешние силы (страны Запада и Израиль), видящие в Сирии союзника Ирана, стремясь сменить режим Б. Асада поддерживают сирийскую оппозицию, тем самым усугубляя ситуацию в стране. Суннитская Турция и государства Персидского залива, противостоящие шиитскому Ирану, занимают такую же позицию. Ученый настаивает на том, что не внутренние, а внешние факторы усугубили обстановку, так как сирийское руководство практически выполнило все требования оппозиции – приняло ряд законов, пересмотрело конституцию, но радикальная оппозиция продолжает вооруженное противостояние с силами правопорядка. Б. Долгов считает, что Сирия – глобальный игрок в регионе, поэтому есть определенные силы в Израиле, Ливане, Турции и на Западе, которые заинтересованы в том, чтобы сменить ее руководство и курс. Б.В. Долгов указывает на давление на Сирию со стороны стран Запада, а наложение Россией и Китаем вето на проект резолюции, фактически предлагавшей реализацию ливийского сценария в Сирии, расценивает как фактор спасения страны от бомбардировок НАТО [79].

По мнению Д.Р. Жантиева, США, Великобритания и Франция поддерживают расширение Совета сотрудничества арабских стран Персидского залива в обмен на то, что Саудовская Аравия, Катар, Иордания, а также Турция активизируют усилия по свержению сирийского правящего режима. Смена власти в Сирии компенсирует США утрату позиций в Ираке после вывода войск. Вашингтон, стремится не допустить формирования шиитского геополитического пояса (Иран – иракские шииты – Сирия – Ливан – «Хезболла» в Ливане). Поддерживая в регионе «управляемый хаос» США нацеливаются на главного оппонента – Иран [106, с. 144].

Дипломат, член Российской ассоциации международного права, доктор юридических наук В. Котлер полагает, что США, Франция, Великобритания и арабские монархии Персидского залива, исходя из собственных геополитических соображений, первоначально, до сентября 2013 г. были сторонниками «ливийской модели», отдавая приоритет не политическим переговорам, а смене режима Б. Асада военным путем и что вся политика Запада и его ближневосточных союзников в отношении Сирии построена на «зыбкой основе нарушений норм международного права» [106, с. 146].

А. Степанова описывает общую картину положении Сирии, указывая на то, что после унаследования власти отца, Башар Асад начал строить планы на новые реформы, однако реформам не было суждено реализоваться по причине коррупции верхушки партии БААС, спецслужб, госбюрократии, боявшиеся

потерять свои привилегии. Ситуации в стране также была осложенена пестрым этноконфессиональным составом, где религиозные меньшиства – алавиты, представляли основную часть сил безопасности, хотя армия была в основном образована суннитским большинством [80, с. 10].

Проблемы этноконфессионализма затрагивают многие российские ученые. Так, Т.К. Ибрагим отмечает, что ситуация на сирийской арене при наличии общих черт со странами уже охваченными «арабской весной» (кризис модернизации, резкое социальное расслоение, безработица, коррупция, автократические режимы и т. д.) имеет свои особенности. Это в первую очередь наличие межконфессионального, прежде всего суннитско-шиитского противостояния, которое имеет тенденцию милитаризоваться [106, с. 144]. Что касается Запада, то Т.К. Ибрагим выдвигает версию о скором рождении новой концепции: содействовать торжеству исламизма в мусульманском мире, где исламисты расходуют свою энергию на завоевание и удержание власти, отвлекаясь от внешней экспансии. Далее исламистское правление терпит крах, и создает условия для реколонизации мусульманского мира [106, с. 144].

Межконфессиональный конфликт во время революций стал явлением, характерным для арабских стран, поскольку революции «Арабской весны» закончились контрреволюциями сектантского характера. Западные СМИ назвав прокатившиеся революции «арабской весной», хотели возрождения «демократической весны» в арабском мире. К сожалению, «Арабская весна» превратилась в серию разрушений, войн и опустошения от рук участников контрреволюции, получавших подкрепление в виде материально-технических средств и военными от наиболее консервативных арабских режимов на Аравийском полуострове и их союзниками из западных держав во главе с США. Разрушения культовых сооружений является неотъемлемой частью межрелигиозного конфликта, который унес на своем пути культурные сокровища и наследие страны, возведшие в прошлые века подверглись грабежам и бомбардировкам от рук экстремистов. Феномен разрушения этих культовых сооружений не был известен арабскому миру до вторжения и оккупации Ирака под руководством США еще в 2001 году, который усугубился с американской кампанией по смене режима в Сирии. Это явление было результатом продуманной и заранее спланированной политики, которая представляет собой политику «разделяй и властвуй» в арабском мире.

Анализируя ход массовых выступлений в странах Арабского Востока в рассматриваемый нами период, следует обратить внимание на присущие им особенности. Так, известный российский исследователь Д.Б. Малышева на примере острого политического кризиса в Сирии отмечает быстрое изменение самой конфигурации конфликта. Речь идёт о том, что в течение короткого сравнительно времени он трансформировался из обычного выражения протеста против отдельных действий официальных властей в полноценную войну между различными военно-политическими группировками внутри. К этому стоит прибавить и то, что в условиях сложного этнического и религиозного состава населения Сирии актуализировались также и национальные требования

отдельных меньшинств (например, курдов). При этом прямое и косвенное вмешательство в нее стран Запада, России, Ирана и Турции ещё более обострило ситуацию, тем более, что отсутствие консенсуса по сирийскому вопросу в ООН сделало ситуацию патовой. Кроме того, неспособность, а в ряде случаев нежелание внутренних и внешних игроков повлиять на своих сторонников приводит к массовому нарушению прав человека [78].

Некоторые авторы, например, Г.И. Мирский, склонны прямо обвинять в эскалации внутриполитической ситуации руководство страны, которое по опыту прежних десятилетий правления Асадов стремится решать межконфессиональные и межэтнические противоречия в стране не путем выстраивания диалога, а через прямое государственное принуждение и насилие [81, с. 9]. Другие авторы решающее значение в крайнем обострении политической ситуации в Сирии придают действиям стран Запада, которые через поддержку радикально настроенных группировок, вроде «Аль-Каиды» фактически стремятся не допустить налаживания переговорного процесса на всем Арабском Востоке.

При анализе причин, хода и результатов «Арабской весны», по нашему мнению, следует исходить из комплекса, как внешних, так и внутренних ее причин, как отмечается в работе И. Звягельской [76, с. 531–532]. В противном случае существует опасность скатывания к поверхностным суждениям, вроде того, что лидеры народных выступлений обязательно являются чьими-то политическими марионетками, действующими в интересах других государств.

После конспирологической теории российских ученых, необходимо остановится на эндогенном факторе этих революций, поскольку нельзя отрицать тот факт, что арабская реальность была полностью в социально-экономическом низком уровне и была подготовлена к такому ходу событий, с чем согласен целый ряд российских востоковедов. Экономика и социальная несправедливость были главной движущей силой и причиной всех восстаний «Арабской весны». Несмотря на огромный экономический потенциал арабского мира, правящие режимы арабских стран не смогли построить развитую инфраструктуру и провести успешную промышленную или сельскохозяйственную политику. Кроме того, многие востоковеды согласны с тем, что режимы не смогли добиться надлежащего экономического развития, уровень безработицы распространялся тревожными темпами, разрыв между бедными и богатыми увеличивался, уровень бедности быстро рос, отсутствовали государственные услуги, а также имело место большая распространенность административной и финансовой коррупции среди трех органов власти – законодательной, исполнительной и судебной. Также научная общественность уделила большое внимание политическому и религиозно-культурному фактору.

Относительно решающего фактора дестабилизации политической обстановки в арабских странах Юго-Западной Азии и Северной Африки в экспертной среде сложилось несколько групп мнений. Одна группа политологов делает упор на социально-экономическом факторе. Другие

исследователи сходятся на важности учёта этнорелигиозного фактора. Ряд исследователей, например, С.Филатов [82] обращает внимание на совокупность факторов. Однако ж, как нетрудно убедиться, так или иначе эксперты отмечают внутренние факторы нестабильности (особенности политических режимов, социальное положение населения и др.), ставшие в последующем поводом для иностранного прямого или косвенного вмешательства.

Многие ученые повествуют об абсурдности сводить причины всех арабских революций и вмешательства третьих стран во внутренние дела стран БВСА к теории заговора только западной политики, особенно США. Эта часть ученых, которые включают не только конспирологические факторы, но и эндогенные факторы революций «Арабской весны» [142]. Российские ученые склоняются больше к тому, что как бы не был высок уровень внешнего фактора, все же арабские революции произошли больше по причине внутреннего кризиса стран. При мнению Е.Я. Сатановского, несмотря на вмешательство иностранных государств в события, происходившие внутри не только Сирии, но и других стран Арабского Востока, социально-политическая нестабильность в данном регионе в большей степени определяется отсутствием как горизонтальных, так и вертикальных социальных лифтов, которые давали бы возможность «низам» занимать официальные должности в органах государственной власти [83].

Научный сотрудник Института востоковедения РАН Б.В. Долгов, опираясь на научную метологию, документальные источники, научную литературу и личные впечатления от пребывания в Тунисе, Египте, Алжире и Сирии, сделал упор на исследование и анализ внутренних и внешних факторов каждой страны, чтобы объективно понять происходившие события. Он указывает, что глубинные причины кризисных явлений в Арабском мире связаны, прежде всего, с наличием таких острых социально-экономических проблем, как безработица, низкий уровень жизни и ее качество, отсутствие социальных лифтов и жизненных перспектив для значительной части молодежи [143, с. 7–8]. Кроме того, ученый добавляет, о важном факторе недовольства и социальной напряженности – «это – коррупция правящего режима, многолетнее авторитарное правление одного лидера, использование его кланом и окружением всех финансово-экономических преимуществ, связанных с обладанием политической властью, злоупотребления и всевластие полицейского аппарата, отсутствие реальных демократических свобод при формальном их провозглашении» [143, с. 11]. Также Б.В. Долгов, говоря о конспирологической причине отмечает сирийский кризис. В частности, по его мнению, хотя внутренние причины были вналичии в меньшей стпени, главными причиной являются внешние факторы. Ученый уверен в том, что из «сирийского опыта» стоит извлечь урок, чтобы не допустить его повторения, прежде всего, должны стать необходимостью решения внутренних проблем демократическим путем и недопустимость попыток внешнего вмешательства, под каким бы гуманистическими лозунгами оно не проводилось. По его мнению, ни одна «гуманитарная интервенция» не достигла поставленных перед

ней целей и, более того, приводила к гибели большого числа гражданского населения и усугубляла гуманитарную и социально-экономическую ситуацию в стране, где она проводилась. Далее, анализируя сирийский кризис в 2012 году, он указывает на напряженные отношения между Сирией и Иорданией, где проживает большое число сирийских эмигрантов, враждебно настроенных к Б. Асаду. Поэтому он приходит к выводу, что нарастание в стране серьезных внутренних социально-экономических проблем не породили острого общественного кризиса, но внешние силы Запада и Израиля, видели в Сирии союзника Ирана, поэтому нужно было свергнуть Б. Асада и поддержать сирийскую оппоцизию, тем самым усугубляя ситуацию в стране. Суннитская Турция и государства Персидского залива, противостоящие шиитскому Ирану, занимают такую же позицию. Тем не менее, Б.В. Долгов настаивает на том, что внешние факторы сыграли свою роль в большей степени, чем внутренние факторы, ведь сирийская власть выполнила все требования оппозиции: приняла ряд законов, пересмотрела конституцию, пошла навстречу требований курдов. Автор указывает на давление со стороны Запада, а наложение Россией и Китаем вето на проект резолюции, фактическики предлагавшей реализацию ливийского сценария в Сирии, расценивает как фактор спасения страны от бомбардировок НАТО [143, с. 112].

Политический аналитик П.М. Колесников делает большой обзор переплетений внутренних и внешних факторов в событиях «Арабской весны». Его волнуют последствия в виде «кровополитий, жестоких убийств, непрекращающихся террористических атак, межконфессиональных распрей и усиления влияния в регионе радикальных террористических группировок» [84].

Ученые Нижегородского университета И.В. Рыжов и М.Ю. Бородина в причинах арабских революций видят не только внутренние и внешние факторы, но и, главным образом сложности в урегулирование интересов соседних государств этого региона, в том числе соперничество региональных держав, межнациональные и межрелигиозные конфликты. Все это «создает глубоко укоренившееся взаимное недоверие арабских государств, что порожждает еще одну особенность арабского мира, а именно отсутствие четко определенной страны – лидера, играющей роль полюса в регионе» [85].

Книга А.И.Шумилина «Политика США на Ближнем Востоке» очень подробно и объемно описывает политику США, ее механизмы и главные цели, которым они преследуют. Ученый уверяет, что США не так всесильно, как они себя позиционируют. Хотя арабские страны заинтересованы в американсой военной и экономической помощи. А.И. Шумилин убеждает, что в событиях «Арабской весны» нет никакого американского заговора, так как революции застигли Вашингтон врасплох [86, с. 301].

На значимость внутренних факторов нестабильности в странах Арабского Востока указывает, например, А.Б. Подцероб [87], по оценке которого, несмотря на большую вероятность иностранного вмешательства (к примеру, западного, российского или турецкого), разведывательные и аналитические центры тех же стран Запада оказались неспособны выработать адекватные и

эффективные рекомендации своему военно-политическому руководству ввиду недостаточно обоснованной и верной оценки внутренней ситуации в странах Арабского Востока.

Итак, многие российские ученые в анализе событий «Арабской весны» руководствуются не только теорией «внешнего вмешательства», но и вынесением внутренних факторов на первый план в качестве основополагающих причин этих революций.

Российские ученые-востоковеды особенно глубоко и тщательно исследуют и делают широкомаштабные анализы по политическим и социально-экономическим вопросам арабского Востока. Трагическая реальность такова, что народ взбунтовался все таки, из-за низкого положения условий жизни, а другие факторы и обстоятельства привели к восстанию народа.

На наш взгляд, мнения российского академического сообщества имеют кроме корреляционного подхода, основанной на внутренними и внешними факторами в формировании политических событий, еще и главной политической роли самой России в событиях в БВСА, а также другие проблемы и вопросы в историко-востоковедческом контексте.

Мнение казахстанских ученых относительно революций «Арабской весны»

Массовые протесты БВСА также привлекли большое внимание у научно-экспертного сообщества Казахстана. Наиболее интересные исследования и анализы прошедших событий в арабском мире, были опубликованны сотрудниками Казахстанского института стратегических исследований при Президенте РК (КИСИ), Института востоковедения им. Р.Б. Сулейменова и других научно-исследовательских центров, которые попытались дать свои представления о том, что произошло и присходит на Ближнем Востоке и его возможных последствий как для Казахстана и стран Центральной Азии в целом. Исследования казахстанских ученых посвящены различным аспектам «Арабской весны»: социально-экономические факторы революций, сирийская война, роли внешних держав, роли НАТО и ЕС, а также роли политического ислама и радикальных группировок («ИГИЛ», «Аль-Каида», «Джаухат ан-Нусра» и др.) в описываемых событиях.

Анализ исследований казахстанских ученых в которых «Арабская весна» нашла свое теоретико-концептуальное отражение, мы начнем с работ КИСИ при Президенте РК, где динамика арабских революций начала 2010-х гг. сразу же после их начала стала объектом скрупулезного изучения. Так, одной из самых первых работ об арабском кризисе среди отечественных ученых стала монография «Арабская весна» 2011 года: социально-политические изменения на арабском Востоке и их международные последствия» Мурата Лаумулина. В своей книге ученый провел хронологию событий «Арабской весны» в котором рассказывается о каждой стране отдельно с графиками эволюции событий в зависимости от фактора времени. Данный научный труд предоставляет систематическую хронологию с обзором основных событий в районах,

затронутых протестами и забастовками, с акцентом на первую половину 2011 года (протесты и беспорядки в Тунисе, Египте, Йемен, Алжире, Ливии, Сирии, Катаре, Марокко, Саудовской Аравии). Хронология позволяет сравнить события в разных странах и провести параллели между различными факторами в зависимости от субъекта или группы субъектов: правительства, демонстрантов и субъектов регионального и международного сообщества, роль армии и исламизма.

М. Лаумулин рассматривает три основные причины революций: социально-психологическое состояние общества, мировой экономический кризис и иностранное влияние. К социальным причинам он, прежде всего относит безработицу, рост цен на продовольствие и условия получения займов от МВФ и Всемирного банка для осуществления радикальных реформ в экономике: уменьшение роли госсектора, снижение дефицита госбюджета за счет экономии на социальных расходах, отказ от регулирования внутренних цен, повышение роли частного бизнеса, корректировка «завышенных», то есть невыгодных мировым кредиторам курсов национальных валют [88, с. 17]. Что касается внешнего влияния, то автор обращает внимание на различия «цветных революций», поддерживаемых Западом с середины 2000-х гг и «Арабской весной». Согласно М. Лаумулину, ««Бархатные» революции проходили в разных государствах, но всюду возникали подозрения, что ими руководят из одной страны – из США. На события в ближневосточных странах активно воздействовали «вторые» и «третьи» государства. К примеру, шиитский Иран, активно действует в Бахрейне, где шиитское большинство управляется суннитским меньшинством. Активизация шиитских повстанцев в Йемене провоцирует волнения в соседнем Омане. Картина событий на Ближнем Востоке куда более пестрая и сложная, чем картина в регионах, где прошли «бархатные революции» [88, с. 97].

Изучив отправные точки и перспективы арабских революций, позицию Запада и то, в какой степени они были стабильны и устойчивы после «Арабской весны», М. Лаумуллин рассматривает возможные сценарии развития ситуации в регионе и отдельных странах арабского мира. Многие сценарии имеют оптимистический взгляд ученого, когда он пишет о более либеральной и самостоятельной национальной политики арабских государств в сочетании с экономической самодостаточностью и большей независимостью в сфере региональной политики [88, с. 204]. В целом, М. Лаумуллин видит природу причин революций во внутренних проблемах арабских стран: «Отсутствие легальных, принятых и одобренных обществом механизмов смены власти, экономический и политический застой, нищета (абсолютная или относительная) подавляющего большинства населения при огромных доходах, получаемых политической верхушкой, коррупция и безработица» [88, с. 209]. В то же время он признает, что «События 2011 года в арабском мире позволяют строить теории о том, что ливийская революция, как и прочие эпизоды «Арабской весны», это часть западного заговора, например, в соответствии с теорией «управляемого хаоса» или со схемой вытеснения Китая из Африки»

[88, с. 218]. В 2011 году (на момент выхода книги) автор был уверен в том, что исламисты не придут к власти. Но как показали последующие события, они пришли и ушли (как в Египте), и вновь пришли (в Сирии), тем самым показав, что результаты «Арабской весны» при всей своей противоречивости, еще далеки от завершения ... Тем не менее, данный труд М. Лаумулина позволил серьезно посмотреть на природу и сущность «Арабской весны» и сделать соответствующие выводы.

Одна из самых известных и популярных книг в казахстанской литературе про события «Арабской весны» – «Арабский пасьянс» (2016), автор которой востоковед и дипломат Расул Жумалы, ныне является Чрезвычайным и Полномочным Послом Республики Казахстан в Ливанской Республике. «Арабский пасьянс» включает в себя более широкий круг вопросов, касающихся движений в Арабском Машрике и Арабском Магрибе. Расул Жумалы рассматривает социальные и политические аспекты арабских революций с учетом тех особенностей, которые их характеризуют, в попытке понять, чем они отличаются от других революций. Безусловно, близкие к коррупции и деспотизму факторы существовавшие еще в начале XIX века и накопленные на протяжении всей истории Арабского Востока, привели в итоге к революции. Р. Жумалы рассматривает исторические причины революционных движений, которые имели место в арабских странах, чтобы проиллюстрировать сходства и различия между тем, что происходило в прошлом, и тем, что происходит в настоящее время. Востоковед освещает причины этих революций и говорит о риске, где растет разрыв между богатыми и бедными, о растущей проблеме безработицы, а также о слабой структуре власти и коррупции в государстве.

В монографии состоящей из десяти глав полностью проанализирована политическая история Арабского мира начиная с первой мировой войны, когда «начала складываться геополитическая архитектура Ближнего Востока, определившая ключевые процессы в жизни населяющих ее племен и народов» [89, с. 7]. Исторический экскурс занявший целое столетие от первой мировой войны до начала «Арабской весны» 2010-х гг позволяет понять, какие причины и противоречия послужили треггером для прокатившейся в регионе волны протестов и революций.

Рассказывая о произошедших в БВСА событиях, Р. Жумалы как и другие подчеркивает решающую роль в них внешних субъектов, но совершенно не согласен с мнениями о «западном заговоре». Он утверждает, что: «Безусловно, страны Запада несут свою долю ответственности за кризис, в том числе посредством неоднократного вмешательства в судьбы местных народов. Но серьезно говорить о намеренной эскалации протестных движений в странах Ближнего Востока и Северной Африки извне было бы ошибкой» [89, с. 56]. При этом дипломат-востоковед предлагает учитывать несколько важных моментов: «Протесты в Тунисе, Египте, Сирии Ливии и других странах Арабского мира изначально носили мирный характер, не ставили целью смены режима. В серьезные конфликты они перерастали лишь после чрезмерного проявления

насилия властями конкретной страны. Последствия «Арабской весны» в каждой отдельно взятой арабской стране являлись стихийными, непредсказуемыми и абсолютно неуправляемыми. «Арабская весна» затронула дружественные Западу страны региона, которые проводили угодную политику и сдерживали риски, связанные с религиозным экстремизмом. США, Великобритания, Франция, Италия и другие страны Запада не только не получили выгоды в контексте как общемировой, так и региональной политики, но и понесли заметные убытки в результате событий «Арабской весны». Сюда можно отнести неконтролируемые риски для безопасности, инвестиций и заключенных контрактов. Особенно сильный урон был нанесен Госдепартаменту США, когда в сентябре 2012 года в Бенгази были убиты несколько сотрудников американской дипломатической миссии в Ливии, включая посла Кристофера Стивенса. Иные популярные теории заговора, связанные уже с Сирией, строятся вокруг гипотетических газопроводов из Катара или Ирана, которые по пути на европейский рынок могли бы проходить по сирийской территории. Однако и указанные версии при ближайшем рассмотрении оказываются несостоятельными, так как противоречат соображениям любой экономической целесообразности и логике. На самом деле огромное влияние на обострение социально-экономических проблем в Арабском мире оказал мировой финансово-экономический кризис 2008-2009 годов» [89, с. 451].

Таким образом, причинами «Арабской весны» Р. Жумалы указывает структурный дисбаланс экономик стран, где непосредственно произошли революции, огромный разрыв между уровнем жизни населения, коррупцию органов власти (органов контроля и управления) и т.д. Все это в итоге привело к экономической и социальной катастрофе, которые власти арабских стран должны признать и преодолеть.

Другим казахстанским востоковедом-дипломатом и автором книги по теме данного исследования стал Аскар Мусинов, многие работавший Чрезвычайным и Полномочным Послом Республики Казахстан в в Египте, Тунисе, Алжире, Морокко, Саудовской Аравии, Бахрейне, Кувейте, Омане, Катаре, ОАЭ. В своей монографии «Ближний и Средний Восток в международных отношениях» [90], он постарался раскрыть панораму развития всех арабских стран, объединив свои знания международных отношений в контексте «Арабской весны», учитывая, как настоящее политические действия, так и вызовы будущего.

В данном научном труде, автор пытается тщательно и спокойно переосмыслить истории БВСА, начиная с зарождения древней арабской цивилизации, возникновения ислама, роли Омейядов и Аббасидов в распространении религии, захвата региона Османской Империей, о типах религиозных течений, о противоречиях между шиитами и суннитами до современной истории начала XX века: договор Сайкс-Пико, Исламской революции в Иране 1979 года, войны между Ираном и Ираком, Ирака и

Кувейта, палестино-израильский конфликт и многих других исторических событий.

Монография в целом, посвящена анализу международных конфликтов в мире и тех изменений, которые происходят в арабском регионе, в частности, в условиях, отсутствия свободы и демократии. Тунис, Египет и Ливия стали свидетелями событий широкого общественного недовольства, которые дестабилизировали их режимы во время «Арабской весны». Иссследователь скептически относится к экономическому коллапсу, который смог настолько повлиять на политический климат страны. А. Мусинов рассматривает предпосылки и последствия арабских революций и роли внешних факторов, анализирует общие причины, из-за которых эти события возникли в нескольких ключевых арабских и исламских странах региона с 1990-х годов: от Афганистана до Ирака, от Ливана до Сирии, от Ирана до Судана, затем от Арабского Магриба до Египта и Аравийского полуострова.

Рассматривая сущность «Арабской весны»», А. Мусинов, как востоковед-дипломат предлагает арабским обществам по-новому взглянуть на ситуацию, где внимание к арабской культуре, геополитики арабского мира, ее современной истории в условиях реальности, может помочь в достижении более глубокого понимания настоящего момента и вырваться из пут прошлого [90, с. 12].

Так, например, анализируя события египетской революции, А. Мусинов обращает внимание на противоречия глобализации, комплекс ненависти, вызванный международными санкциями, цивилизационными вызовами, идей революции и историческим конфликтом между политиками, религиозными деятелями и военными. Автор затрагивает наиболее важные этапы революции, ее мотивы, коннотации и анализ будущей демократии в Египте, где, по его мнению, наибольший риск для революции состоял в примирение с прошлым; чего следует избегать ради реальной будущей альтернативы, которая принесла бы пользу египетскому народу. По мнению А. Мусинова, арабские революции были исторической возможностью изменить регион, как с точки зрения народов, так и с точки зрения мировых держав. Но эти достижения не увенчались успехом, потому, что регион пошел в другом направлении, без защиты и безопасности арабских народов. За пределами Ближнего Востока, по мнению востоковеда, существует опасность превращения в главную арену конфликта между мировыми и региональными державами, в частности Израилем и растущего влияния Ирана, и стран Персидского залива.

Таким образом, затрагивая тему революции и требований протестующих, проблемы политической системы и органов власти, социальное неравенство, проблему гендера в исламском обществе, прав человека (особенно женщин), религиозную нетерпимость и многие другие аспекты жизни местных сообществ, автор приходит к выводу, что только переход к демократическим нормам жизнедеятельности (пусть даже наполовину) в условиях глобализации и экономических преобразований, искоренение коррупции в органах власти, реформирование социальных институтов и создание условий для укоренения в

обществе системы социальной справедливости, могут обеспечить подъем и рост экономики арабских стран и избежать в дальнейшем ужасных последствий «Арабской весны».

В монографии известного казахстанского востоковеда З.Г. Джалилова «Движение и течения в исламе: от прошлого к настоящему (историко-политический обзор)» большой интерес представляет глава «Исламские движения и течения в Центральной Азии», где он поднимает вопрос о социально-экономических и политических условиях активизации и распространения традиционных и нетрадиционных движений и течений в республиках региона [91, с. 22]. После Баткенских событий 1999-2000 гг., а теперь и в регионе БСВА, казахстанские ученые и эксперты начали рассматривать «Арабскую весну» как проблему, которая может повлиять на общественно-политическую ситуацию в регионе, поскольку она оказала сильное влияние на казахстанское общественное мнение. Казахстан, известный своей толерантностью, религиозной терпимостью, представляет собой «территорию мира и согласия», примером чему могут быть усилия Астаны по решению «сирийского вопроса».

Религиозные течения З.Г. Джалилов рассматривает через призму арабских революций, которые привели к усилению исламистских движений в Казахстане и странах Центральной Азии в целом. По его мнению, изучение «исламского» фундаментализма и радикализма в Египте или Сирии, необходимо для выработки «противоядия» от бацилл «Арабской весны» и сохранения, как политической и социальной стабильности, так и национальной безопасности страны [91, с. 42].

В контексте вопроса национальной безопасности от бацилл «Арабской весны» следует назвать исследования известного казахстанского эксперта Ерлана Карина – «Центральноазиатские боевики в сирийской войне» [92], «Солдаты Халифата: Мифы и реальность» [145] и «Жусан» [146], где автор провел серьезную аналитическую работу, основанной на строгой научной систематизации полученных данных. Е. Карин в своих трудах представил систематизированный анализ об угрозах безопасности стран Центральной Азии в контексте арабского кризиса на БВСА. Он отмечает, что гражданские войны в Сирии и Ираке как магнит притянула казахстанцев воевать на их землях. Автор акцентирует внимание на фактор риска в деятельности экстремистких организаций, их развитию, этапу институционализации, в результате которых образуются новые радикальные ячейки и их влияния на систему безопасности страны. Сотни казахстанских боевиков вместе женами и детьми выехали в Сирию. Для возвращения женщин и детей, потерявших на чужой войне своих мужей, власти Казахстана организовали одну из маштабную операций в истории спецслужб РК. Об этом советник Президента Казахстана подробно рассказал в своей книге «Жусан». Исследования Е. Карина раскрывают основные причины и факторы радикализации наших граждан и использования женщин и детей в пропаганде экстремизма.

Большую работу по изучению проблем «Арабской весны» провел зам.главного редактора журнала «Центр Азии» Е.А. Пастухов. По его мнению, одной из важных движущих сил политической трансформации на Ближнем Востоке стало недовольство населением своего социально-экономического положения в ряде арабских стран: «Тунисцы и египтяне, которые собственно и запустили процесс «арабская весна», в начале 2011 года вышли на улицу города с требованием решить проблемы безработицы, бедности, роста цен на товары первой необходимости, социального расслоения и коррупции. Это уже потом экономические требования уступили место политическим, когда арабские либералы и сторонники политического ислама выступили за проведения политических реформ и преобразований» [95, с.66].

В статье «Ближний Восток: Судный день» [152], он соглашается с мнением большинство ученых, что революции стали результатом стремления к свободе и демократии в странах, которые долгое время управлялись несправедливостью и тиранией. Однако, автор подходит к этим революциям с совершенно другой точки зрения. Е.А. Пастухов утверждает, что революции в арабских странах вспыхнули не только ради свободы и демократии, а по совершенно другим причинам, и доказательством этого является то, что верующие в свободу и демократию в конце концов не будут править этими странами. Тем самым была опасность того, что плодами революции воспользуются исламисты, так как за относительно небольшой отрезок времени боевики «ИГ» успешно расширили зону своего влияния, тесня иракские и сирийские правительственные войска. Так, по некоторым данные «ИГ» могла конролировать до 40 процентов территории Сирии и Ирака [152, с. 47]

В ряде своих работ Е.А. Пастухов, на примере Ирака, дает подробный анализ трудности арабских национальных государств в обретении легитимости. Сравнивая шиитскую доктрину и культура шиизма Е.А. Пастухов делает далеко не бесспорный вывод, что страны, которые придерживаются шиитской доктрины являются последними странами, которые возглавляют революции, в отличие от тех, которые обладают суннитской культурой. Кроме того, ученый поднимает проблемы курдской диаспоры [153] и проблемы хуситов в Йемене [154]. Эти и другие работы Е.А. Пастухова внесли значительный вклад в понимание ближневосточной картины и происходящих там событий.

В совместной работе «Религиозные аспекты сирийского кризиса и его отражения в социальных сетях» под руководством ведущего научного сотрудника Института востоковедения им. Р.Б. Сулейменова Еркина Байдарова [155] определены основные подходы религиозной пропаганды информационной борьбы против режима Башара Асада. Именно религиозный вопрос стал основным стержнем антиасадовской пропаганды у многих противников сирийского режима, в том числе террористических группировок, таких как «Аль-Каида», ИГИЛ и т.д., проявлявшееся в частности, в материалах на видеохостинговом сайте YouTube. Сирийская гражданская война попала в фокус внимания мирового сообщества не только из-за масштабов конфликта, но и по причине повышения уровня передачи информации, ее мобильности,

качества и объема, где важнейшую роль играет Интернет [155, с. 116]. На основе этого исследователи приходят к выводу, что в религиозной пропаганде против правительства Асада использовались три основных подхода: первый и самый распространенный метод – это передача мнения религиозного деятеля, зачастую авторитетного для определенной группы лиц или течения, так как современные исламские сообщества вообще весьма мобильны в передаче информации религиозного характера, и трансляция через Интернет является одним из важнейших методов распространения своих идей всеми течениями и группами исламистских движений; вторым методом можно считать апелляцию к истории и важнейшим историческим событиям, связанным с алавитами и третьим, распространение видеоматериалов, отражающих содержащее антиисламские действия поведение сторонников режима Асада, в первую очередь сирийских военных. В сумме эти подходы легли в основу формирования представлений об «антиисламской сущности» режима Башара Асада [155, с.123]. Кроме того исследователи описывают эволюцию шиитско-алавитского видения ситуации в Сирии и объясняют почему после гражданской войны сложно было найти в арабском мусульманском мире сторонников сирийского режима, за исключением шиитских кругов, в особенности сторонников шиитского активизма [155, с. 120].

В своей книге «Революция и контрреволюция в России и Центральной Азии XXI век» казахстанский ученый Асылбек Бисенбаев провел тщательный научно обоснованный анализ вероятности «цветных революций» в России и странах Центральной Азии. Исследуя современные революции в Европе, в странах БВСА и постсоветских стран ученый выявляет общие факторы и особенности этих революций: идеологическая борьба различных политических сил, внешнеполитический курс государств. Он приходит к выводу, что если XIX веке основной вопрос революции стоял в переходе к социализму, то XIX веке – это борьба против диктаторских режимов различных типов, за свободу и демократию, равенства и развития, права человека и гражданина. «Арабские революции стали новым этапом борьбы с постколониальным диктаторскими режимами, которые возникли и набирали силу в условиях противоборства двух мировых систем во главе с США и СССР [98, с. 6]

В главе «Арабские революции их влияние на Центральную Азию» ученый анализирует исламский фактор в арабском мире и странах Центральной Азии. Он делает различие между ними, поскольку в арабских странах исламские организации сформировали единственную реальную альтернативу правящим режимам, предлагая населению привлекательную политическую программу, сочетающую идеи справедливасти, равенства, уважения и собственности, взаимопомощи, честности и нравственности. Эти организации охватавают всю территорию региона, с координацией действий между организационными структурами. Это не только заслуга исламистов, но и результат активной борьбы режимов против светской оппозиции. Ученый согласен с утверждением, что фундаментальная исламская революция вовсе не предопределена для стран Центральной Азии, однако почва для такого развития

событий все таки есть. Свои рассуждения он основывает на примере двух прошедших революций в Кыргызстане, социальные волнения, которые подавлялись силой оружия в Казахстане, Узбекистане и Таджикастане. Он утверждает, что хотя все государства Центральной Азии отрицает такую возможность, но она существует, так как рост религиозных настроений в центральноазиатских странах очевиден. Это заметно, например, в стремительном росте численности мечетей и людей с религиозными взглядами. И хотя, по мнению А. Бисенбаева это не показатель роста политического ислама, но это создает определенную почву для прорастания разных религиозных течений, которых в недавнем прошлом еще не было в центральноазиатском регионе. Сейчас они находятся под контролем официальных органов и считаются ваххабитскими, что на официальном уровне является синонимом экстремистских [98, с. 177].

Историк-востоковед Султан Акимбеков автор большого количества работ посвященных событиям «Арабской весны». Среди них работы о проблемах Ближнего Востока, внутренних и внешних угрозах Европы после массовой миграции арабов из Сирии [99], Туниса и других стран [156], проблемы между сунитами и шиитами в Сирии и Ираке [157], позиции России в сирийском кризисе и сама гражданская война в Сирии с полным анализом ситуации [158]. Основные причины сирийского кризиса ученый видит в идеологическом характере конфликта: на одной стороне шиитское правительство Ирана, алавиты Сирии и шииты из ливанской «Хезболлы», на другой стороне – суннитские страны Персидского Залива, сунниты Сирии, Ирака, Палестины. Кроме того, по его мнению, немаловажную роль играют региональные державы, такие, как Турция, которая выступала против режима Асада не только из-за несогласия с его политикой, но и идеологической миссии Анкары – стать лидером исламского, а значит, в основногм суннитского мира [158].

С. Акимбеков, в целом отмечает, что в каждой стране – Тунисе, Ливии, Египте были свои внутренние причины для массовых протестов и последующего свержения правящих режимов, но тот факт, что среди этих стран оказались старые американские союзники Египта и Туниса, которые не поддерджали их, не могли не вызвать в правящих режимах в мусульманских странах чувство беспокойства. При этом С. Акимбеков оправдывает действия США с их идеологическими соображениями продвижения на Восток принципов демократии. У США могла быть своя логика: с одной стороны, «Арабская весна» соотвествовала идее демократизации Ближнего Востока, с другой – наряду с Тунисом и Египтом при прямой западной поддержке пал еще и режим Муамара Каддафи в Ливии, начались проблемы у режима Б. Асада в Сирии. Поэтому у США были вполне прозаические вопросы: если вместо сильного государства с концентрированной властью будет слабое, это теоретически может снизить уровень проблем с каким Запад сталкивался в своих отношения с Ливией, Сирией и Ираком. В целом ученый приходит к выводу, что «Арабская весна» не только привела к смене режимов в ряде стран, но и нарушила сложившийся баланс сил. Одним из главных результатов

произошедших событий стала активизация суннитских стран Залива, перешедшие к активной политике, уйдя от американского крыла [158]. С. Акимбеков хвалит сирийцев и военный аппарат, который не восстал против своей власти и отдает должное прочной системе, созданной когда-то прежним президентом Хафезом Асадом по образцу советской государственной машины.

Анализ материалов казахстанских ученых, несмотря на отсутствие фундаментальных исследований по теме «Арабской весны», показывает, что казахстанское научно-экспертное сообщество рассматривают «Арабскую весну» как пробуждение, которое произошло после долгого молчания и реальности, навязанной тоталитарными арабскими правительствами с их репрессивной политикой. Многие считают, что пришло время тщательно изучить приоритеты и определить их будущее. Арабы – это общества с мусульманским большинством, которые еще столкнутся с вызовами глобальной реальности, включая власть, экономическую справедливость, плюрализм, борьба с нищетой, коррупцией и кумовством, признанием прав свободы и т.д. Казахстан как член Организации Исламская Конференция (ОИС) с 1995 года придает важное внимание сотрудничеству со странами Арабского Востока, с которой его связывают историко-культурное наследие исламской цивилизации, внимательно следит за развитием событий в арабских странах. В данном контексте изучение региона БВСА должно стать одним из приоритетных направлений казахстанского востоковедения.

1.3 Анализ интерпретаций арабского кризиса в зарубежных и отечественных исследованиях

Изучение интерпретаций мнений и профессиональных взглядов ученых-востоковедов, аналитиков, политиков является критическим контекстуальным исследованием данной научной работы, представляющим интересную и важную область анализа политического дискурса. В последнее время появился повышенный интерес к политическому дискурсу, особенно к критическому исследованию дискурса, охватывающий когнитивные подходы, исследования событий, анализ мнений и визуальные риторики.

С начала «Арабской весны» появились аналитические материалы, которые пытались объяснить факторы, причины и процессы народных протестов, охватившие регионы. Вспышки этих восстаний стали неожиданностью не только для западных аналитиков, но и для исследователей и интеллектуалов в арабском мире.

Анализ арабской ситуации находится в плену двух интерпретационных моделей: *культурно-ориенталистского подхода и структурного подхода*.

Эти два подхода не в состоянии обеспечить точный анализ революционных восстаний в арабском мире из-за их отрыва от общества и неспособности реализовать потенциал перемен внутри него, с одной стороны, и потому, что большинство из них исходят из холодного прагматического видения, с другой стороны. Определенную трудность вызывают попытки предоставить объяснительную альтернативу существующим моделям,

основанным на идентичности общества и его самосознания, а также на осознании имеющихся возможностей и проблем, которые ему угрожают. Перед этими двумя моделями возник серьезный интеллектуальный тупик, в котором оказались вышеупомянутые подходы, и попытка представить новые интеллектуальные альтернативы, которые имеют разные интеллектуальные отправные точки, исходящие из арабо-исламского «*я*» и мыслей изнутри, но в критическом смысле, открытым к достижениям человеческой цивилизации и общечеловеческим ценностям, делают данные попытки оправданными.

Среди научного сообщества востоковедов-ученых, политологов, социологов и аналитиков заинтересованных в изучении факторов «Арабской весны» мы выделили основные пять типов интерпретации определения причин и мотивов событий потрясшие страны БВСА:

I. Оптимистическая критическая интерпретация

Суть этой теории состоит в том, что крупные политические и социальные революции являются, прежде всего, инструментом неизбежного продвижения человечества к демократии, свободе слова, социальной справедливости, гармонии и равенства. Эта группа ученых являются доминирующим большинством среди западных и арабских ученых, которые настроены в сторону движения к демократии. Их мнения видны по затрагивающим ими вопросам: поддержка протестов, мотивация демократией и свободой слова, в целом оптимистичным взглядом на светлое будущее арабских стран. В начале «Жасминовых» и «Тахрировых» революций существовал даже консенсус в отношении поддержки демонстрантов в Египте и Тунисе, который еще больше укрепился после свержения диктаторов. Ученые этой группы поддерживают арабский народ, выступают за демократическое будущее и считают, что все революции одинаково важны для каждого региона. По мнению ученых этой категории, критерии успеха революций состоят в том, чтобы направить нацию и народ на путь освобождения, продвижения, восстановления полного национального суверенитета, независимости принятия решений, создание государством гражданских и правовых институтов, которые работают над распространением гражданского сознания, чувства патриотизма, высоких устремлений и интересов, поощрения морали и нравственности, что в конце концов, приведет к справедливости, безопасности и процветанию, то есть к революции в умах, душах, сознаниях и поведениях народа. В этом заключается настоящая революция, в которой реформирование, свержение системы – это лишь средство достижения демократии. При этом, необязательно, чтобы исход постреволюционного периода пошел именно в этом направлении. Соответственно, приверженцы этой теории надеются на то, что новые власти смогут вывести свои страны из экономического, социального кризиса, поскольку арабский народ жаждет социальной справедливости, свободы, равенства и гражданства. Поэтому это теория является антикритическим по отношению к существующим социальным и политическим системам в стране.

Во время революций «Арабской весны» одними из первых, кто начал обсуждать эту теорию, стал группа ученых с Ближнего Востока, сторонников

исламисткого движения «Братья-мусульмане», известные своим требованием применения принципов и основ исламского права и шариата в управлении государственными делами. Кроме них существуют масса других организаций: Египетское движение за перемены «Кифая», движение «Свобода сейчас», движения «Судьи-реформаторы», «Народный фронт», «Мирное движение за спасение Египта», «Народное движение за сопротивление секуляризму» и другие. Время от времени эти общественные движения дают о себе знать, работают с существующими проблемами, борются и выступают против режима, и подвергаются преследованию со стороны властей.

На основе этой теории появились интерпретации ученых поддерживающие и верящие в оптимистическое будущее исламского правления государств. Они утверждают, что народ, представленный своими массами, национальными движениями и свободой слова, после стольких лет страданий наконец-то осуществили свое право на революцию, против диктатуры, несправедливости и угнетения. Сторонники такой теории, в своем большинстве, арабские ученые, считают, что события революций «Арабской весны» принесли свои существенные результаты и заметные перемены для всех арабских народов. И эти перемены несут в себе решения глобальных проблем, даже таких проблем, как освобождение Палестины.

Данные ученые считают, что арабские режимы должны оставить старые отстойные пережитки, уйти от созависимости, отсталости и коррупции к свободе, независимости, модернизации, прозрачности и развитию арабских обществ на основе подлинной демократии, социальной справедливости и равенства для всех слоев населения. Однако внезапные перемены в арабских обществах будут неуместны, ведь любая арабская страна, народ которой десятилетиями жил под гнетом тирании, угнетения и коррупции тоталитарного режима не сможет сразу воспринять внезапные и быстрые перемены. Поэтому они констатируют, что ситуация в арабских странах нуждается в реформировании социальной системы, поднятия экономики, построения общества на основе равенства, справедливости и социального обеспечения.

В этой группе ученых-востоковедов есть те, кто акцентирует внимание на положительных сторонах арабских революций и новых политических режимов, пришедших на смену старого. Есть те, кто признает существование революции и нового арабского режима, но критикует основы, на которых базируются эти режимы, поскольку они стремятся преследовать интересы определенных сил, к примеру военных, религиозных диаспор, молодежных, женских организаций, которые формируют свою внутреннюю и внешнюю политику. Важно учитывать в этой теории интерпретаций важное направление, а именно то, что у сторонников арабских революций есть национальные интересы, например отечественная промышленность, нефть и т.д., что не исключает возможности иностранной интервенции в контексте попытки сорвать или сдержать революцию.

II. Пессимистическая консервативная интерпретация

Эта группа ученых утверждает, что революции «Арабской весны» появились спонтанно, то есть были незапланированны арабским народом, были без лидера и без определенной цели и идеологии. Они уверены, что революции являются почти варварски неконтролируемыми взрывами и разрушительными массовыми вспышками группы людей с примитивным менталитетом, мородерами и хулиганами. Ученые-востоковеды, политики, аналитики придерживающие этой теории предупреждает об опасности таких революций, по их утверждению опасность заключается в том, что они направлены против национального суверенитета. Все то, что произошло в арабской мире в нынешнюю эпоху спровоцировано революцией, явно по причине существующих систем и сложившейся ситуации, что жизнь до революций была намного лучше, чем та, что происходит сейчас: войны, тысячей смертей, разрушения, экономические кризисы и тд. Эта группа ученых искренне считают, что трудно будет восстановить разрушенное, потребуются года, а то и десятилетия. Они утверждают, что существуют альтернативные способы решения существующих проблем: новый правитель и смена правительства не решат старые проблемы, а наоборот, сделает хуже прежнего. Ученые поддерживающие эту теорию объясняют, что проблема состоит именно в кризисе арабского религиозного сознания, а также застоя во всех сферах современного арабского общества: инновации, модернизации, подъема культуры, обновления и простого понимания прогресса. Критику любого новшества, любые мирные демонстрации, критикующие власть ученые рассматривают как «большую ошибку» простого народа. С самого начала революции тенденцию этой теории начали хорошо поддерживать и приветствовать так называемые «провластные» арабские ученые, аналитики, политики, религиозные имамы и тд.

Дело в том, что сторонники этой теории формируют эти мысли, идеи, видения, представления через критику революций «Арабской весны». Во-первых, это проект возрождения арабского региона в новых форматах, новые реформы. Во-вторых, после полувековых неудачных экспериментов с демократией со стороны революционеров и переворотов против прежних монархий многие народы надеялись на истинную демократию, социальную справедливость и свободу слова в новых режимах. В конечном итоге власть оказалась в руках коррумпированного и авторитарного правительства. Затем на короткое время к власти пришли правители религиозного толка. Представители данного типа интерпретации событий «Арабской весны» считают несправедливым то, что новым правителям религиозного толка не дали столько же время и возможностей сколько давали предыдущим правителям. Их удивляет, как многие негативно осуждают и пессимистически настроены против исламистов. Конечно, это были вполне обоснованные доводы от бывших защитников прежних военных режимов. Но произошло то, что произошло, революционное начало никогда не предвещает многообещающего конца, и первоначальные предвестники успеха не дают гарантии хорошей

жизни, экономического роста или демократии. По их мнению поведение новых правителей не дает надежду для оптимистического будущего.

Следует отметить, что в регионе БВСА всегда существовало большое количество исламских партий, многие из которых так или иначе связаны с террористическими организациями, вроде «Аль-Каиды». Например, во время революции в Египте наблюдалась активизация такой радикальные исламской партии, как партия «аль-Нур». Один из сценариев будущего региона подразумевал доминирование во власти радикальных сил. Поэтому международное сообщество, особенно западные страны стали опасаться этого сценария. Но по их мнению, не все религиозные общества на Ближнем Востоке являются экстремистскими, существуют группы умеренного толка, такие, как «Братья-мусульмане», представленные Партией свободы и справедливости в Египте, Партией исламского возрождения в Тунисе, Партией справедливости и развития в Марокко, Йеменским митингом реформ в Йемене и некоторыми другими партиями и движениями в арабском мире. Многие из этих умеренных исламистских организаций основывают свою политику не на ненависти к Западу или разделения мира на мусульман и иноверцев, а на основе прагматизма, сочетающий между собой ценности Ислама и принципы демократического государства, политического плюрализма, циркуляции власти, прав человека и тд.

Исходя из вышеизложенного, идеи пессимистически консервативной части можно сформулировать в следующие выводы: сторонники пессимистической консервативной интерпретации отрицают либо сомневаются в существовании революции «Арабской весны», как таковой и подчеркивают, что это не революции, а хаос, мятеж, беспредел приведший арабские страны к еще большим проблемам социального и экономического характера. Они задаются вопросом являются ли эти протесты революциями перемен, если его результаты привели к нищете, безработице, тирании и классовому неравенству. Возможно эти революции являются проектом внешних держав, или просто произошел конец авторитаризма, захвата госресурсов в собственность, наследственности и пожизненного правления. Также приверженцы этой концепции считают, что несмотря на произошедшее революции, происходящие арабские перемены не является что-то новым по своему содержанию и целям арабской системы, это ближе к порядкам, разработанным старыми арабскими режимами, с помощью которых они подтверждают свою роль в меняющихся обстоятельствах. Сторонники этой теории именно в соответствии с такой интерпретацией революции «Арабской весны» склонны думать, что революции это – результаты внешнего вмешательства.

III. Конспирологическая интерпретация

Группа ученых Запада, арабских стран, России и Казахстана, делают большой акцент на – роль внешнего вмешательства. Авторы отмечают, что арабские народные революции являются по сути работой внешних сил (американских, европейских или сионистских). Они уверены, что революции произошли не из-за провала коррумпированных и авторитарных режимов, а из-

за различных интересов Запада (экономические, политические или геостратегические), которые можно будеть реализовать только через революции и смену старых режимов. К примеру многие ученые этой теории говорят, что Египту стоит отказаться от установления дипломатических отношений с Израилем, нужно отменить действующий договор, отказаться от экспорта газа, не поддерживать неолиберальную экономическую политику безполезную для бедного населения, отвергнуть американскую гегемонию, поддержать политику независимости и отдать приоритет арабскому и исламскому экспансионизму. По их мнению, внешние державы пытаются воспользоваться революциями, используют протесты в своих целях, руководят ими. Свои рассуждения они основывают на примере выступлений властей. Например, президент Ливии Муаммар Каддафи, президент Сирии Башар Асад и президент Йемена Али Абдалла Салех обвиняли Израиль и Соединенные Штаты в организации серии массовых протестов, охвативший арабский мир. Салех говорил: «есть место операциям по дестабилизации арабского мира … <…> организационная комната находится в Тель-Авиве, которым управляет Белый дом». Салех обвинил протестующих в том, что «они бастуют приказом из-за границы», «и протесты оплачиваются сионистскими деньгами». В контексте происходящих социально-политических преобразований и выступлений лидеров существует опасность навязывания гомогенизирующих, редуктивных интерпретаций, которые возможно, говорят больше об интерпретаторе, чем о событиях «Арабской весны».

Сторонники этой теории уверены, что существует стратегия «управляемого хаоса» и прямого американского вмешательства в жизнь арабских народов. Основополагающая американская идея «управляемого» хаоса заключается в том, что хаос обладает не только разрушительной силой, но может стать источником порядка. В систему «управляемого» хаоса входит сложная цепочка механизмов, которые могут варьировать развитие событий, применяться следующие элементы: информационные войны, коррупционное правительство, разжигание межнациональных и межрелигиозных конфликтов, распространение ложных ценностей и размывание национальных и культурных основ народа [160].

Оценки восприятия внешнего вмешательства в события «Арабской весны», для сторонников этого типа интерпретаций, коррелирует с «управляемым хаосом нового арабского мира». Это может происходить до тех пор, пока не будут достигнуты договоренности с внешними державами, закрепленные международными установленными законами, которые приведут к миру, смягчат ситуации, завершат беспорядки, войны и урегулируют нестабильности в этих странах.

Политика «управляемого хаоса» поддерживает анархию и нестабильность, которые не всегда приводят к построению новой политической системы, обеспечивающей безопасность, процветание, и самое главное свободу и демократию. Однако надо понимать, что США и Западав целом, имеют свои интересы в регионе, поэтому они стремятся к быстрым переменам внутри

арабских режимов. По мнению данной группы экспертов, существует единая связь между революцией арабской молодежи против коррумпированных авторитарных режимов и теорией «управляемого хаоса». Как известно, в технологию «управляемого хаоса» активно вовлекаются молодое поколение, у которых большие амбиции, *stereoscopic thinking*, эмоциональное восприятие окружающего мира и динамизм, что становится благодатной почвой для формирования хаоса в обществе руками самой молодежи [160], что во многом возможно воздействием извне.

IV. Эндогенная или позитивная интерпретация

Интерпретация этой теории рассматривает вспышку революций через социальные факторы революций. Данные всех стран арабского мира за последние годы указывают на среднее увеличение их годового валового национального продукта всего на 0,5 %, сильный разрыв между богатыми и бедными, быстрый рост обездоленного населения, живущего менее чем на два доллара в день, неуклонно растущая безработица и т.д. Эту мрачную ситуацию сопровождают два главных аспекта, характерных почти для всех без исключения арабских стран: экономическо-социальные низкие показатели и коррумпированный режим [161].

Согласно сторонникам этой теории, любые внезапные, радикальные и вынужденные перемены в системе власти и общества представляет собой настоящую революцию до тех пор, пока можно доказать, что политические движения будут пользоваться поддержкой широких слоев населения, что было продемонстрировано на улицах и площадях Египта, Ливии, Туниса, Йемена за свободу и независимость не только во время революций 2011 года, но и в других различных событиях в целом. Лозунг «Народ хочет свергнуть режим» отражает общественное мнения разных сторон конфликта, касаясь прежде всего народа и власти, то есть правителя и населения, но не как конфликт между конфессиями, племенами или сектами, как пытались представить власти.

Силы контрреволюции удивили своими противоречиями внутри общества, они разрывали сеть союзов и групп, составлявших революционные силы, доказывая всем, что прежний режим, даже в виде анархии, деспотизма и коррупции по крайней мере защищал страну от хаоса. Кроме того, нужно было восстановить межплеменные отношения касательно Йемена и Ливии: с одной стороны, идеологические отношения между суннитами и шиитами, с другой стороны, их политическими партиями – йеменской группировкой реформистов, хуситов и салафитов, в итоге внесший раскол и разъединение страны на северный и южный Йемен.

Сторонники этой теории полагают, что с точки зрения народа арабские революции начались в общих рамках социально-политических конфликтов, но по мнению правящих режимов, это был бунт и хаос. Поскольку любой политический конфликт исходит из рациональной перспективы, то в первую очередь должны были решаться задачи, которые были первостепенно необходимы для решения социально-экономических проблем. Многие считают, что по прошествию более 10 лет с экстраординарного исторического опыта

арабских революций местные сообщества еще не достигли стадии основной и политической зрелости, ведь вопрос «идеологического господства» все еще существует, и многие политические системы продолжают действовать через репрессии и тиранию. В тоже время, существуют противостоящие им революционные и оппозиционные общества, которые не имеют определеных целей и структурных программ в укреплении своего национального политического положения, а являются лишь человеческим инстинктом личных интересов, преобладающий над интересами общества и родины, поэтому атмосфера в некоторых государствах «Арабской весны» сегодня окутана пылью индивидуального политического соперничества, безответсвенностью и социальными трудностями.

V. Исторический дискурс

Эта группа ученых представляют анализ реальной истории арабских стран до и после революции, подчеркивая, что арабские революции представляют собой серьезную трансформацию, которую можно рассматривать только в широком историческом контексте и ее результаты можно ожидать только после определенного периода времени. Приверженцы этой теории считают, что «Арабская весна» обрушившая на режимы в регионе БВСА является естественным течением событий новой истории, произошедшее, как очередной исторический виток, по аналогии с прошлым историческим развитием Арабского Востока. Для этой категории исследователей, «Арабская весна» это движение, способствующее фундаментальным изменениям в арабском обществе, которое изменит мировой порядок перестроив его, как это произошло в истории великих идеологических революций. Они убеждены, что социальные институты, такие как демократия, требуют инфраструктур макроуровня, поэтому восстания не должны рассматриваться как кратковременные переходы к демократии, более того, они упоминают внутриэлитные различия в исламском мире. Волна восстаний в арабском мире есть естественное, хотя и несколько запоздалое событие в борьбе граждан арабских государств за демократию, свободу прав и других общечеловеческих ценностей. свобод.

К общему анализу мнений данной группы ученых стоит добавить, что существует несколько мнений и подходов к процессам и результатам арабских революций, а именно к чему они приведут общества и весь регион. Среди интерпретаций и подходов есть те, которые озабочены настоящим моментом и его проблемами, а также главными и текущими последствиями постреволюционных результатов в каждой из арабских стран; есть те, кто рассматривают арабские революции, как серьезную трансформацию, которые могут быть помещены только в широкий исторический контекст, результаты которых будут ожидаться и восприниматься с последующем анализом через определенный период времени. В целом, мнения ученых этой группы можно поделить на краткосрочную и долгосрочную перспективу «Арабской весны», каждая из них имеет легитимность и предпосылки, которые не могут быть опровергнуты.

В краткосрочной перспективе ученых-востоковедов беспокоят страны и народы, которые пострадали от репрессий диктатур, чьи деструктивные политические действия: в виде растраты бюджета, раскола экономики, обострение бедности, рост уровня безработицы, укоренившей коррупции и абсолютной зависимости от внешнего мира нанесли огромный ущерб для общества и самой стране. Кроме того, ученые расматривающие революции «Арабской весны» в долгосрочной перспективе, в первую очередь отмечают их в контексте основных исторических преобразований определенной страны и его народа, которые проходят через исторические стадии от одной к другой, к примеру, как этап освобождения от колониализма и вступления в независимость, или этап объединения двух независимых стран в единое целое, или разделение целостных стран на две части, или изменение идеологии режима от правых в левых или наоборот и т.д. В каждой из этих радикальных трансформаций обществу требуется длительный период времени, чтобы ощутить последствия целостных изменений на уровне отдельных людей.

Выводы по 1-й главе

Исходя из изложенного в данной главе, можно сделать вывод, что в целом в научном и экспертном сообществе не сложился общий разделяемый всеми подход к оценке политических событий «Арабской весны». Различные исследователи по-разному представляют себе истоки указанных политических событий, а также место, роль и степень влияния других стран на внутриполитические процессы в странах «Арабского Востока». Однако общим знаменателем существующих подходов является восприятие угрозы безопасности. Речь идет о том, что проблемы угрозы безопасности стоит первостепенной задачей у всех: Казахстана, России, стран Запада, Турции и других стран мира. Восприятие угроз безопасности Запада определяет отношение к мусульманским странам. Высокий уровень опасности терроризма существует во всем мире, в последние годы многие западные страны, Россия и Казахстан были подвергнуты нападениям со стороны экстремистских групп, поэтому вопрос безопасности стран были главной темой ученых.

При этом, говоря о позициях ученых и политических аналитиков, следует указать на следующее обстоятельство. Дело в том, что западные и арабские ученые имеют совершенно разные противоположные мнения. Принимая во внимание, что арабские ученые имеют тенденцию устанавливать ограничения, ссылаясь на принципы, основанные на шариате, западные ученые имеют тенденцию апеллировать к здравому смыслу, человеческому разуму или философским теориям морали. Соответственно, происходит конфликт ценностей и убеждений, лежащих в основе разногласий. Даже несмотря на то, что вопрос исламизма может показаться более тяжелым с определенной точки зрения, неясно, каким образом могут быть решены кратковременные и долговременные исторические процессы, которые приведут к глобальным

переменам в убеждениях и способах рассуждений, но они должны быть намного аргументированы.

Будущее арабского регионального порядка после 2011 года определяется следующей интерпретацией взглядов ученых: во-первых, будущее арабских стран не будет связана с идеологическими тенденциями, а скорее будет зависеть от практических методов действий в новой реальности, которая будет включать реформы преобразования местных сообществ, создания условий для социальных лифтов и развития различных структур экономики. Во-вторых, экспертам, ученым или политикам трудно предсказать будущее арабских стран, так как арабский регион – нестабильный регион, полный неожиданностей. Его будущее, ход развития или характер взаимодействия невозможно предсказать, к примеру, окончание арабо-израильского конфликта. Мы приходим к выводу, что вышесказанные интерпретации мнений и теорий, объясняющие причины возникновения революции «Арабской весны» имели различные научные подходы и гипотезы, представив те или иные доводы, почему революции произошли в той или иной стране БВСА, в то или иное время...

2 БЛИЖНИЙ ВОСТОК И ВЫЗОВЫ XXI ВЕКА: ВЗГЛЯД НА РЕВОЛЮЦИИ И ПРИЧИНЫ «АРАБСКОЙ ВЕСНЫ»

2.1 Протестные движения как триггеры революции в странах Арабского Востока: анализ переменной стабильности и нестабильности политических режимов

Социополитические трансформации первого десятилетия XXI-го века, наряду с прогрессом инфорационно-коммуникационных технологий, усилением глобализационных тенденций и расширением межгосударственных и межнациональных связей в киберпространстве обусловили актуализацию представления о демократических ценностях, гражданских прав и эскалацию общественных потребностей в глубоких структурных изменениях в регионе Ближнего Востока. Если вначале «Арабской весны» чувствовался энтузиазм, дух демократии, надежда на перемены и фундаментальных изменений во всех сферах, то в дальнейшем, революции переросли в гражданское противостояние, которое до сих пор даёт о себе знать в ряде арабских стран (Ливия, Сирия, Ирак, Йемен). Этот период стал сложным испытанием для региона, продемонстрировав, что демократические преобразования требуют не только свержения авторитарных режимов, но и глубоких социальных, экономических и политических реформ. Что послужило триггером к арабским революциям и к чему оно привело, мы и постараемся разобрать в данной главе диссертации.

Отправной точкой серии протестов и митингов «Арабской весны» стал Тунис, где 17 декабря 2010 года вспыхнули первые протесты. Поводом послужил акт самосожжения в окрестностях Сиди-БуЗида[1] уличного торговца Мухаммеда Буазизи в знак протесты против несправедливости, коррупции и жестокости полиции. Протесты в Тунисе, вызвали аналогичные процессы за пределами региона (Алжир, Ливия, Египет, Сирия, Иордания, Йемен, Бахрейну и др.). Наиболее организованные марши протестов и столкновения часто происходил в так называемый «День гнева», после пятничной молитвы. Масштабные протесты, растущее насилие против протестующих, поразительная скорость событий и усиления нестабильности в регионе наряду с геополитическими эффектами, не оказал должного результата. Многие эксперты считают, что волна, захлестнувшая страны региона, не является чем-то новым, отчасти это результат многолетних усилий и действий недовольных активистов, оппозиции, политических правозащитников, а также членов различных общественных организаций и профсоюзов в Тунисе, Алжире, Египте и др. странах. Недовольство существующей системой объединило как студенческую молодежь и безработных, так и другие социальные группы, чем сподвигла формированию беспрецедентного движения, создав достаточно мощную силу, чтобы вызвать масштабные протесты. Большинство ученых, экспертов, аналитиков и журналистов считают, что эти события являются уникальным феноменом для арабских стран.

[1] Город в 265 км к югу от одноименной столицы Туниса, численностью населения. – около 40 тыс. чел. – *С.А.*

Протесты и беспорядки были названы «Арабской весной», однако в описании этих событий были использованы и другие термины, их называли «арабскими революциями» (الثورة العربية), «арабскими восстаниями» (الانتفاضات العربية), «арабским возрождением» (النهضة العربية) и даже «исламское возрождение» (النهضة الإسلامية), «арабским пробуждением» (الصحوة العربية), «протестными движениями» (حركات الاحتجاج), «демонстрациями, требующими демократии» (المظاهرات المطالبة بالديمقراطية), также называли датами протестных движений: в Египте «Революция 25 января» (ثورة ٢٥ يناوير), в Ливии – «Революция 17 февраля» (ثورة ١٧ فبراير), в Марокко – «Революция 20 февраля» (ثورة ٢٠ فبراير). Давались и другие название, например, тунисские протесты назывались – «Жасминовой революцией» (ثورة الياثمين), в Египте – «Тахрировой революцией» (ثورة التحرير), «Революцией цветения лотоса» (ثورة اللوتس). «День гнева» (يوم الغضب), так назывались протесты в Египте, Палестине, Бахрейне, Ливии, Иордании, Йемене и Саудовской Аравии. Однако справедливости ради, следует отметить, что ни одно из вышеперечисленных названий не может быть применено абсолютно ко всем событиям в арабских странах, поэтому обобщенно был выбран термин «А*рабская весна*»[2], применительно ко всем арабским государствам, где произошли вышеназванные события. «Арабская весна» символизировала оптимизм и надежду к перспективному будущему, предполагая начало новой эры в регионе под девизом «Жизнь, свобода и социальная справедливость», где арабские страны и народы смогут открыть новую страницу в своей политической истории.

Первым, кто события, произошедшие в арабских странах, обозначил термином «Арабская весна» стал Марк Линч (Marc Lynch), профессор политологии Университета Джорджа Вашингтона. В своей статье «Арабская весна» Обамы?» («Obama's Arab Spring?») опубликованной в американском журнале «Foreign Policy» [162], он сделал отсылку к событиям «Арабской весны» 2005 года в Ливане (т.н. «Кедровой революции», которые пришлись преимущественно на весенний период с февраля по июнь 2005 года – С.А.), тем самым закрепив за событиями конца 2010- начала 2011 гг. этот термин.

Однако Марк Линч далеко не первый, кто применил слово «весна» для подобного рода событий. Так, например, еще британский историк-марксист Эрик Хобсбаум в книге «Эпоха революций 1789-1848 годов», имея ввиду Великую французскую революцию, писал, что: «… в 1789 году возникло восстание единой нации, теперь, казалось, пришла весна для народов всего континента» [163]. Также в 1968 году в Чехославикии произошла реформаторское движение под названием «Пражская весна», целью которой было провести политические реформы против существующего коммунистического режима. Таким образом, та или иная «весна» в том или ином регионе мира может символизировать собой стремление народов к переменам. Однако слово «весна» при переводе на другие языки в прямом контексте, приобрел сегодня иное смысловое значение, поскольку весна

[2] «Арабская весна» – массовые движения социальных протестов против власти, охватившая БВСА начиная с декабря 2010 года. – *С.А.*

символизирует зелень, процветание и радость, что абсолютно не согласуется с событиями, которые несли в себе ярость, гнев и были наполнены злобой, кровью и слезами.

Глубокое развитие интеллектуального потенциала народа не может произойти без значительных преобразований языка. Язык как носитель мысли и ее инструменты должны быть точными и ясными, а его познание и анализ развивает мышление, коммуникации и передачи информации обществу. Термин «Арабская весна» переводится на другие языки в прямом контексте имея смысловое значение протестов и революций. Если же «покопаться» в толковых словарях арабского языка поисках значения слова «весна», то можно найти схожий смысловой оборот. Так, в словаре «Лисан аль-Араб» слово «весна» определяется как время цветения, плодородия и дождя, однако это же слово имеет несколько значений, одно из которых – [ربع] означает «внезапно подняться», а в словосочетание [الناس اربعان] переводиться как «поднять толпы, массы людей» [164]. Этот термин применяется для обозначения изменений в арабских политических системах через народные революции, направленные на свержение старых режимов и улучшение качества жизни народов. В этом смысле значение «весна» на арабском языке, не подвергаясь когнитивному изменению смысла, выражает значение революции и сопротивления, которые приведут к процветанию и безопасности при новом режиме.

В свое время Запад назвал Венгерское вооруженное восстание против правительства коммунистов 1956 года «Будапештской весной», а в 1968 году попытку построения «социализм с человеческим лицом» в Чехославакии «Пражской весной», поэтому, когда начались народные демонстрации в арабских странах, многие западные руководители (главным образом американские) надеялись, что эти протесты станут началом перемен в арабском регионе. Президент США Барак Обама назвал демонстрации «исторической возможностью», а государственный секретарь Хиллари Клинтон выразила уверенность в том, что эти демонстрации обеспечат безопасность, стабильность и демократию в регионе Ближнего Востока [165]. Такие заявления и политические дискурсы заставили многих аналитиков полагать, что произошедшие революции нацелены достичь демократии. На наш же взгляд, выход арабских народов региона на улицу был больше вызван физиологическими потребностями, чем требованиями демократии и свободы слова.

До событий «Арабской весны» произошли достаточно много революций и беспорядков во многих странах мира: протесты в Сербии в 2000 году, в Грузии в 2003 году, затем в Украине в 2004 году, затем протесты появились в Кыргызстане в 2005 году, все эти революции и народные восстания характеризовались как мирные шествия. Стоит учесть один факт, что такие же аналогичные события в других странах не назывались «весной», парадокс в том, что они были описаны как революции, окрашенные в цвета весны. Революция в Грузии описывалась как «революция роз», во время которой демонстранты несли красные розы, в Украине «оранжевая революция», в

Кыргыстане «революция тюльпан», в Ливане «кедровая революция». Ботанические описания также близки к восточно-европейским цветным революциям 2000-х и 2009 годов, например «революция гвоздик» в Португалии 1974 года. Революции в Мали 2012 года были названы как «Конфликт на севере Мали», а также «Революцией туарегов» – у всех этих революций причина и цель одна, направленная на свержение власти.

Многие ученые Ближнего Востока критиковали западные СМИ за сравнения арабских революций с революциями стран Запада XIX века. Если исследовать арабоязычные материалы, то можно обнаружить, что термин «Арабская весна» имеет начало с книги под аналогичным названием «Арабская весна», написанная французским журналистом Бенуа Мешену в 1950-х годах. Книга была написана об итогах поездок по странам Ближнего Востока. В книге включены диалоги с лидерами, в частности о их взглядов на арабский национализм. Главная мысль ученых арабских стран в описании характеристики событий «Арабской весны» – это идея националистической концепций, исторически сложившийся как известно, всегда была мотивом для реализации экспансионистских целей авторитарными правительствами.

Тем не менее, термин «Арабская весна» фундаментально утвердился среди научной общественности и СМИ во всем мире. Протесты привели к фундаментальным изменениям в политической системе в каждый из арабских стран и оказали значительное воздействие, которое привело к фундаментальной трансформации политических систем современных арабских государств.

События «Арабской весны»

Ближний Восток, вовсе неслучайно стал центром для революций с «арабским сценарием». БВСА – как регион известен систематическими кризисами, что является своеобразной особенностью, поскольку здесь международная геополитика пересекается с арабской политикой, сохранившей «силу» исторического движения и запасами интеллектуальных, культурных, политических и социальных факторов жизни с арабской спецификой. БВСА всегда был областью обширной человеческой деятельности, сложной комбинацией народов, религиозных конфессий, этнических групп, методов управления, внешних интересов и лояльности, которые применимы не только к каждому государству в регионе, но и к каждой провинции или городу. Исследования политической и социальной эволюции в регионе показывают реальную множественность и разнообразие локальных и региональных угроз безопасности. Драматические события, произошедшие за последние пятьдесят лет, проливают свет на хрупкие и слабые основы стабильности в арабском регионе, как разломанной и сложной географической политической линии в геосфере, а в последнее десятилетия регион претерпел значительные и глобальные трансформации, к которому присоединились крупные мировые державы [166, с. 9].

«Арабская весна» является сложной темой, в которой пересекаются различные факторы и обстоятельства, и многие подходы к анализу

сопровождаются попыткой понять причины, что именно произошло и почему ситуация превратилась в то, что сейчас происходит. Пока неясно, какой результат у этих политических сдвигов, но ясно одно, что эти революции, не просто революция против диктаторского правления, концентрирующей власть в руках одного индивида-правителя, а революция против социальной несправедливости, растраты государственных ресурсов, контроля военного истеблишмента и сил безопасности, крайней централизации партийной системы со стороны отдельных политических партий, а также маргинализации и разделения общества на враждебные друг другу группы, революция против внутренней отчужденности и неполноценности арабских стран, за ту модель независимого государства, идеи которых были провозглашены сразу же после освобождения от колониализма.

Несмотря ни на что, мы все же должны признать, что события «арабской весны» в более чем 20 странах БВСА, своей разносторонностью и динамикой внесли свой вклад в всемирную историю XXI века. Революции были мотивированны требованиями свободы слова, достойных социальных условий и конституционных прав, которыми они были ограничены. Хотя с тех пор ничего не изменилось, политическая, социальная и экономическая реальность такова, что народы стран БВСА и начале 2020-х гг. продолжают протестовать на улицах и площадах своих городов. Таким образом, «Арабская весна» превратилась в долгую и суровую зиму, оставив после себя сложное наследие, гражданские войны и разбитые мечты...

Как мы уже упомянули, политическая «весна» арабских стран БВСА началась в декабре 2010 г. с события, которое послужило «детонатором» социального взрыва, отголоски которого как эхо, отдаются до сих пор. Так, 17 декабря 2010 г. в небольшом провинциальном городке Сиди-Бу-Зид в Тунисе сотрудники местных правоохранительных органов, следуя общепринятой практике конфисковали товар у торговца овощами Мухаммеда Буазизи, поскольку у него не было лицензии на продажу. Последовавший затем акт самосожжения молодого продавца, положило начало массовым волнениям в Тунисе. Если в первые дни проводились спонтанные, ограниченные на местном уровне митинги солидарности, то затем общенациональные демонстрации и забастовки, переросли в революцию. Вначале полиция Туниса отреагировала согласно привычной практике, попытавшись силой подавить протесты, которые в итоге привели к первым смертельным исходам. Очень разнородные протестные группы были связаны трансграничной символикой, что позволило создать взаимно подтверждающую и усиливающую волну региональной мобилизации, единый призыв. Лозунги и песни создали общую протестную культуру. Социальные сети, такие как Facebook, Twitter и сотовые телефоны также сыграли роль в местном распространении информации и мобилизации общенациональных протестов. Спутниковые каналы, такие как «аль-Джазира» и «Аль-Арабия» транслировали репортажи в прямом эфире. Они также устанавливали связь с западными СМИ: плакаты на арабском и английском

языках, события, снятые на камеры сотовых телефонов размещались в Интернете.

В первые дни и недели «Арабской весны» недовольство и отсутствие перспектив, которые накапливались десятилетиями, превратились в открытый гнев против авторитарных режимов, который только усиливался рутинными государственными репрессиями. Все больше и больше людей присоединялись к протестам, всего за восемь недель были свергнуты два самых стабильных автократов Ближнего Востока: 14 января 2011 года – Зин аль-Абидин Бен Али (1987-2011) в Тунисе и 11 февраля – Хосни Мубарак (1981-2011) в Египте, беспорядки вспыхнули почти во всех арабских странах – Алжире, Марокко, Ливии, достигнув Иордании и Бахрейна, Джибути, Саудовской Аравии, Судана, Ирака, Омана, Палестины, Кувейта, Ливана, Морокко и Мавритания. При этом, сам Тунис – благодаря проведенной в свое время первым президентом страны Хабибом Бургиба (1957-1987) социальной модернизации, а также более ранней связью с западной культурой, где имелись независимые профсоюзные структуры, пережил «Арабскую весну» и последующий кровавый переходный период, относительно спокойно и безопасно.

В Египте, когда гнев народа распространился по улицам Каира и крупнейших городов страны, сотни тысяч людей вышли, чтобы выразить свое стремление к демократии и потребовать отставки Хосни Мубарака, который находился у власти без малого 30 лет. В первые дни революции египтяне вдохновлялились революционными идеями Гамаля Абдель Насера (президент Египта в 1956-1970 гг.) с его арабским национальным проектом. К удивлению восставших, 11 февраля 2011 года Хосни Мубарак сам подал в отставку, однако в последствии был заключен в тюрьму по обвинению в причастности к гибели демонстрантов в дни январской революции 2011 года, проведя в заключении шесть лет (до весны 2017 г.).

17 февраля 2011 года разразилась ливийская революция, которая быстро превратилась в вооруженное противостояние между между различными политическими группами, что привело к фрагментации страны, межконфессиональному разделению и внутренним конфликтам. В то же время этот кровавый конфликт подпитывался широкомасштабными западным вмешательством. После долгой борьбы революционеры смогли взять под свой контроль столицу страны – Триполи, а 20 октября того же года во время битвы за город Сирт убили Муаммара Каддафи (более 40 лет возглавлявшего страну), после чего к власти в стране пришел Национальный переходный совет. Внешнее вмешательство в Ливии сыграло решающию роль в том, что страна погрузилась в хаос. Борьба между множественными местными партиями стремившихся захватить власть, не позволило построить сбалансированный политический процесс после свержения режимы Каддафи. Ливийская революция превратила страну в «несостоятельное» государство с социальным разделением в обществе, существующего на основе «племенного» единства.

Казалось бы, что крах диктаторских режимов в регионе невозможно остановить. Однако очередь до сирийского автократора Башара Асада

(президент Сирии с 17 июля 2000 г.) так и не дошла, он выдержал штурм и стал единственным в «кирпичном домино», которое не рухнуло.

15 марта 2011 года в Сирии вспыхнуло крупномаштабное мирное протестное движение, которое привело к отмене 48-летнего Чрезвычайного положения и внесла поправки в Конституцию, однако это не остановило демонстрантов, которые на стене одного из домов сирийского города Дараа написали: «Ваша очередь, доктор». Требования сирийского народа об отставки президента, в дальнейшем переросли в гражданскую войну и втягиванию в нее как внешних сил, так и различных исламских террористических движений. Примерно те же процессы происходили в Йемене, где в конце февраля 2012 года президент Али Абдулла Салех объявил о своей отставке и страна погрузилась в гражданскую войну под влиянием внешних факторов.

В 2012 году египтяне-исламисты избрали Мухаммеда Мурси президентом, но его действия и платформа вызвали ожесточенное сопротивление, протесты возобновились, открыв путь для военного переворота со стороны армии во главе с министром обороны страны Абдель Фаттахом Сиси в 2013 году. Военный переворот можно считать моментом окончания периода «Арабской весны» в Египте и началом этапа контрреволюции. Сегодня Сиси по-прежнему остается у власти, и его правление считается более авторитарным, чем при Хосни Мубараке.

Если в Бахрейне, единственной стране Персидского залива, где народные протесты стали отголосками «Арабской весны», местные власти при поддержке Саудовской Аравии жестко их пресекли, тем самым предотвратив революцию в зародыше, распределив огромную денежную помощь среди жителей страны, то в Марокко протесты «20 февраля» 2011 года удалось сдержать социальными реформами.

Сегодня, спустя более десяти лет с момента начала «Арабской весны», на БВСА все еще продолжается различного рода вспышки народного негодования. В 2016 году тысячи людей протестовали на севере Марокко, в 2019 на улицах Бейрута (Ливан) и Ирака, в 2020 году массовые демонстрации прошли в Судане, Алжире, Ираке и Ливане, в ходе которых были озвучены те же лозунги, что и в 2011 году – «люди хотят падения режима». Прошедшие демонстрации, говорят о том, что запросы по трансформации и модернизации политической и социально-экономических систем все еще актуальны среди арабской молодежи. Так, например, в результате прошедших демонстраций и бунтов в Судане, после почти 26 лет диктаторского правления был свержен Омар аль-Башир (1993-2019), в Алжире после 20 лет правления был свержен Абдель Азиз Бутефлик (1999-2019). В 2019 году свержения не избежали и правительства Ирака и Ливана в результате отставки их президентов.

Одним из интересных аспектов арабских революций является как их общность, так и различие. Одновременно на одной плоскости существует общая тема, общий источник всех волнений, общие причины, общие проблемы в регионе. То есть мы можем наблюдать наличие схожих элементов, послуживших базой для «Дней гнева». Однако, несмотря на ярость, гнев и

разочарование, являющимися общими для всех арабских стран, их проявление в том или ином арабском государстве очень отличается. Если в одних, она затрагивает социальные противоречия, то в других – этнические, религиозные или даже географические. В тоже время, основной набор политических, экономических и социальных претензий был одинаковым во всех странах региона, что заставило большое количество городских, в основном светски образованных людей выйти на улицы и потребовать свержения режима и социальной справедливости.

Характер и течение восстаний также отличались в разных странах, в зависимости от реакций политических систем. Если где-то, политические лидеры просто уходили с постов, то некоторые режимы применяли насилие и репрессии против демонстрантов. Так, к примеру, призывы к реформам превратились в призывы к свержению, как в случае с Сирийской республикой, или, когда власти Бахрейна с помощью сильной внешней, региональной поддержке со стороны Саудовской Аравии объявили о реформах и снизили интенсивность социальных протестов. Следует отметить, что в пяти арабских странах (Ливия, Бахрейн, Сирия, Йемен, Тунис) региональное и международное вмешательство стало решающим фактором, приведшие в результате к войнам и внутренним вооруженным конфликтам, либо к оттеснению революционных идей «Арабской весны» от цели, ради которых они были подняты.

Например, в Тунисе внешний фактор заключался в том, что руководство старого режима при поддержке ОАЭ вернула из политической «опалы» партию «Ан-Нахда», которая после начала восстаний и отречения президента Бен Али от власти одержала победу на первых демократических выборах в стране, набрав 41% голосов избирателей [167]. Несмотря на то, что в октябре 2014 года в стране прошли выборы в Собрание народных представителей, на которых Ан-Нахда потерпела поражение, уступив светской партии «Нидаа Тунис», партия, несмотря на потерю лидирующих позиций, остается, тем не менее, одной из основных политических и идеологических сил в Тунисе [168, с. 152].

Египет и ОАЭ поддержали Ливийскую национальную армию во главе с генерал-майором Халифой Хафтаром против сил Совета Шура, которые по сути представляют политические исламские движения, поддерживаемые Турцией и Катаром.

В Сирии, страны Персидского залива пытались повторить ливийскую ситуацию, вмешиваясь в дела, противостоящие сирийскому режиму, используя возможность избавить Сирию от иранской гегемонии и восстановить региональный баланс в свою пользу. Однако они поняли, что ливийский сценарий в Сирии не так просто повторить, даже Совет Безопасности ООН не смог добиться военного вмешательства с целью свержения режима, что вызвало поддержку и вооружение антирежима теми, кто готов бороться и свергать режимы, которые им не по нраву. Иностранная интервенция в Сирии привела к гражданской войне, которая в свою очередь привела к гибели сотен тысяч человек и повсеместным разрушениям большинства сирийских городов,

превратив страны в арену открытого регионального и международного конфликта для сведения счетов, достижения выгод и консолидации влияния.

В Египте, который в какой-то степени избежал внутреннего вооруженного конфликта, внешняя поддержка, в первую очередь Саудовской Аравии и ОАЭ, а также поддержки со стороны некоторых европейских стран, был свергнут режим президента Мохамеда Мурси (2012-2013), представителя Ихван аль-Муслимин («Братья-мусульмане» (المسلمون الإخوان), поддерживаемого Катаром.

В Йемене, революция привела к обострению экономического и социального кризиса, наихудшему за последние десятилетия, в результате чего стране потребовалась срочная гуманитарная помощь, поскольку по меньшей мере 8 миллионов человек оказались в нищете и голоде. Ситуация в Йемене отличается тем, что в стране на протяжении долгого времени не происходит радикальных изменений политической системы, поскольку нестабильность государственного строя вследствие социальной, племенной и сектантской структуры государства, не дает возможности для проведения каких либо политических и социальных реформ. К тому же, Йемен превратился в арену саудовско-иранского противостояния, где каждая из них преследует свои интересы.

Если ситуацию в Тунисе и Египте можно рассматривать как реакцию светской власти (где доминирует армия) на деятельность политический ислама, то протестные движения 2011 в странах Персидского залива, дали понять местным режимам, что искра революций может в любой момент легко перекинуться на их страны. Опасения по поводу внутренней безопасности этих стран в виду протестного движения, в какой-то мере объясняют тенденцию к поддержке экономики, которые проявились, например, в Омане, получившей срочную экономическую помощь из Катара и Саудовской Аравии. Внутренние политические изменения, как в случае с Саудовской Аравией, где наследный принц Мухаммед бен Салман был назначен министром обороны и другие политические перестановки, позволили осуществить радикальные преобразования как в экономическом, так и социальных секторах, а также повысить авторитет и внешнюю роль страны в регионе.

Стоит отметить, что арабские монархии проявили более разумные действия, по сравнению с республиканскими режимами. Так, король Марокко Мухаммед VI инициировав конституционную реформу, тем самым стабилизировал свою монархию. Эмир Катара – Хамад бин Халифа Аль Тани также выступил пионером революционных преобразований, финансируя спутниковый канал «аль-Джазира», который предал гласности раннюю динамику протестов в регионе и таким образом, косвенно способствовал этим протестам. Кроме того, Катар принял участие в военной операции против режима Каддафи, а также сыграл ключевую роль в подготовке санкций против сирийского режима, став одним из основных финансовых источников для сирийской оппозиции.

Устойчивость всех арабских монархий (Саудовская Аравия, Кувейт, Бахрейн, Катар, Объединенные Арабские Эмираты, Оман, Марокко и

Иордания) – можно объяснить взаимодействием четырех факторов, которые отличают их от большинства арабских республик: их традиционное или религиозно узаконенное правление, эффективная интеграция элиты и семейного правления, щедрая политика распределения, а также западная и региональная поддержка. С другой стороны, насильственные репрессии, например, со стороны Бахрейна, представляют собой последнюю возможность стабилизации монархического правления. Здесь стоит упомянуть, что бахрейнская революция не успела развиться, так как ее быстро подавили. Шииты Бахрейна были главной причиной протестных движений в королевстве. Более того, военное вмешательство Саудовской Аравии способствовало завершению и подавлению этого протестного движения в зародыше.

Помимо вопроса о республиканском или монархическом правлении, этнический и конфессиональный состав общества также сыграл важную роль в ходе протестов и конфликтов во время «арабской весны». Если, термин «аль-Араби» (العرب), объединяет группу разных арабских стран и сообществ от атлантического побережья Марокко до берегов Персидского залива, то каждая арабская страна имеет свои особенности, отличающиеся от остальных стран. В дополнение к этому, наличие различных этнических и религиозных групп, свидетельствует, что многие граждане БВСА отказываются называться арабами, поскольку это ведет к дискриминации граждан, которые активно участвовали в революции против несправедливости, угнетения, господства и маргинализации. Данные факты практически не рассматриваются, когда описываются причины революции. Например, в однородных по сути суннитских обществах Магриба (Северной Африки) протесты в основном касались распределения власти в государстве, в то время, как в обществах Машрика (Бахрейн, Ирак, Саудовская Аравия, Сирия и Йемен) различные сообщества соревнуются за контроль и самооценку государства. Только в Ливане, в свое время удалось интегрировать все общины в государство со значительной степенью равными правами через договоренность о разделении власти.

Естественно, что нельзя игнорировать и роль национальных меньшинств в событиях «Арабской весны». Так, еврейское меньшинство в Тунисе, коптские христиане в Египте, коренные берберы в Ливии, неарабские меньшинства Дарфура в Судане и диаспоры курдов в Ираке и Сирии указали, что данные процессы не ограничиваются лишь арабским миром и касаются их, в том числе. И то, что многие из участвовавших в протестах были не арабы, доказывает это.

Мы согласны с тем тезисом, что протестная динамика «Арабской весны» в регионе БВСА была уникальным и эпохальным событием. Новым было то, что волнообразные протесты прошлись как домино в соседние арабские страны через трансграничные сферы. Это стало возможным поразительно свободному от идеологии дискурсу участников и благодаря общему языку, который их объединял. Мобилизация арабов больше не была направлена против внешних врагов, таких как США или Израиль, поскольку была направлена на отстаивание подлинно народных интересов. Объединяющим и определяющим

элементом социально разнородных протестов были моральные и этические принципы, прежде всего требование справедливости (العدالة), свободы (الحرية), достоинства (الكرامة) и уважения (الاحترام).

Демонстранты требовали уважения от государственной верхушки с патернализмом, заботой простого народа. Демонстранты устали от унизительной жизни, нищиты, притеснений со стороны властей и сил безопасности, деспотического произвола и привилегированной свободы элит. Они просто хотели поменять свою жизнь на лучшую жизнь с достоинством, справедливости, в конце концов. Они хотели большего процветании, прогресса образования и участия в развитии благосостояния своей страны. Новая парадигма для Ближнего Востока родилась на основе коллективного осознания того, что власть не оправдала их надежд, поэтому нужны изменения внутри страны, а не только в результате изменения геополитической карты.

Этапы «Арабской весны»

Итак, мы можем говорить о трех основных периодах «Арабской весны» во всех арабских странах с момента ее начала в 2011 году до настоящего момента: во-первых, это революционный этап деструктивного характера с либеральными идеями; во-вторых, этап подъема политического ислама, и в-третьих, этап контрреволюции и возвращение прежнего режима. Стоит обратить внимание, что это обобщение содержит много фатального упрощения, различий и перекрестных контекстов.

1. После падения арабских авторитарных режимов в результате народных протестов, арабский народ воспрял духом, можно сказать, что закончился период страха, в котором арабский народ проживал в течение многих десятилетий. Теперь они имели реальное право голоса и могли повлиять на ход событий в жизни своей страны. Говоря о массовых беспорядках и политических выступлениях в странах Арабского Востока в ходе «Арабской весны» следует подчеркнуть следующее обстоятельство. Само по себе выражение массового недовольства населения не является чем-то особо уникальным, поскольку в истории арабских стран имели место столкновения под различными лозунгами религиозного или политического характера. Однако особенность событий «Арабской весны» нашего времени заключается в их масштабности и всеохватности, усугубленных, к тому же, активным иностранным вмешательством.

Народ ожидал от революций доступных возможностей, которые они смогут приобрести и сохранить, поскольку они их заслуживают. Эта теория, основаная на презумпции взаимосвязи между фрустрацией (лат. frustratio – «расстройство планов», «уничтожение замыслов») и агрессией, вела к возникновению к другой, не менее важной теории о том, что чем больше происходит степень разочарования у людей, то тем более насильственной будет их реакция, в результате которой, возникнет неблагоприятное положение относительное большого числа людей или общества. Понятие относительной депривации (лат. *deprivatio* – потеря, лишение) использовалось как синоним

фрустрации или агрессии, которая приводит к тому, что фрустрация мешает сохранению социальных целей, стремлений и ценностей, переживаясь по-разному отдельными людьми и социальными группами, и в то же время усложняя социальные системы и вхождения в социальные структуры и процессы.

Причины египетской и йеменской революции 2011 года можно увидеть в разочаровании их народов, ведь революционный момент – это эмоциональный, импровизационный и внезапный момент. Агрессия была вызвана социальными и экономическими факторами, такими как, нищета, безработица, финансовая и административная коррупция, отсутствие социальной справедливости и их вера в слабую и ухудшающуюся роль государств в заботе об интересах своих народов в достижении справедливости, развития и равенства возможностей привело к росту гнева народов и революции против правителя, в дополнение к отсутствию демократии, отрицанию представительства, ограниченному влиянию и отрицанию чувства независимости.

Первые демонстрации отличаются мирным характером протестов, отсутствовало региональное и международное вмешательство, в значительной степени преобладал всеобъемлющий национальный интерес, выходящий за рамки сектантских, племенных, региональных и этнических влияний, а также нежелания политических исламских движений участвовать в этих протестах. «Братья-мусульмане» не заявляли о своей четкой и ясной позиции по сирийской и египетской революциям на ее ранних стадиях.

В самом начале демонстраций 2001 года в Египте восстание происходило с участием широких слоев населения, включая молодежь и женщин. Политические события в Арабском мире охватили ряд государств, поставив под угрозу существовавшие во многих странах на протяжении многие лет «традиционные» порядки. На повестку дня выдвигаются вопросы, сама постановка которых ранее казалась неактуальной. В частности, речь идёт о правах женщин, религиозных и национальных меньшинств и др. В данном случае мы можем вести о некоем «окне Овертона» для различных групп населения стран Арабского Востока.

В 2011 году в народных восстаниях в нескольких арабских странах участвовали четыре основные силы: молодежные протестные движения, оппозиционные политические партии, трудовые и социальные общества и наконец, диаспоры с конфессиональной и племенной основой. В странах с высокой однородностью населения, таких как Тунис и Египет, наблюдалось движение на политической и классовой почве с участием молодежи, политических и профсоюзных сил, в то время, как в странах с «сектантской, племенной или региональной поляризацией», таких как, Ливия, Бахрейн и Йемен, наблюдалось более широкомаштабное действие. Хотя существуют значительные различия в характере и основной силе этих народных восстаний, их требования очень схожи. Революционеры и демонстранты сосредоточились на двух основных требованиях – демократии и социальной справедливости.

2. Второй этап является главным событием «Арабской весны» – на политическую арену вышли новые игроки – исламские религиозные партии. Благодаря победе революций и результатов выборов, последовавших за сменой политических систем в арабском мире, активизировалась роль идеологии политического ислама. Поддержка гражданского общества в странах «Арабской весны» как центральной силы, способствовала политическим переменам в регионе, так как предыдущие усилия по решению проблем мусульманского мира часто противоречили друг другу и служили противоположным целям. Усилия по продвижению демократии позволили фундаменталистам захватить власть во многих странах, но они не смогли решить экономические и политические вопросы. К тому же остаются глубокие сомнения в отношении формальных структур власти в мусульманских обществах. Определяющим моментом предопредившей исход религиозной и идеологической борьбы, стал баланс сил и влияния между радикальными исламистами, которые настаивали на навязывании пуританской формы ислама путем насилия и запугивания, с одной стороны, и умеренными мусульманами, которые стремятся обновить ислам изнутри.

Стоит отметить, что авторитарные режимы арабских стран, после обретения независимости в 1950-1960 гг., лишили арабское общество политической свободы. Следовательно, успех «Арабской весны» после падения авторитарных режимов, согласно идеологам политического ислама, зависит от политической роли исламских движений во всех их формациях. Поэтому исламистские движения оставались самой организованной оппозиционной силой протеста в Египте, Сирии и Тунисе. Пик подъема политического ислама был олицетворен приходом к власти в Египте движения «Братья-мусульмане», представитель которого – Мухаммед Мурси, в результате демократических выборов 24 июня 2012 года вступил на пост президента страны. Данная тенденция привела к увеличению влияния новых негосударственных субъектов, таких как «Ан-Нахда» в Тунисе и движение хуситов в Йемене.

Период подъема политического ислама в начале 2010-х гг. совпал с «постмодернизмом» во внешней политике США по отношению к региону БВСА. Эта тенденция стала продолжением мысли, преобладающей в широких кругах леволиберальных политиков США, которые рассматривают правление политических исламских движений как форму «культурной специфики» и «понимания идентичностей». Была надежда, что движения арабского политического ислама в какой-то степени смогут подражать опыту турецкой Партии справедливости и развития (ПСР) во главе с Реджеп Тайип Эрдоганом, которому удалось в какой-то степени возродить экономическое развитие Турции и несмотря на наличие исламских лозунгов, в тоже время придерживаться принципов турецкого политического строя, завещанного первым президентом Турции – Мустафой Кемалем Ататюрком (1923-1938). Однако, 3 июля 2013 года в результате широкого общественного движения против «Братьев-мусульман», египетская армия осуществила военный переворот против президента Мухаммеда Мурси, заключив последнего в

тюрьму, после которой Египет вновь возродил политический режим (контрреволюция), против которого и выступил народ в 2011 году.

В свою очередь, в Сирии политический ислам за счет деятельности экстремистских группировок, как ИГИЛ, джихадистов, салафитов, стекавшихся в Сирию через Турцию и страны Персидского залива, превратили Сирию в арену ожесточенного регионального конфликта, приведя к сотням тысяч смертей, миграции сирийцев за пределы страны и разрушению страны.

В Тунисе же, ситуация сложилась совершенно иная, поскольку тунисская исламская паптия «Ан-Нахда» смогла контролировать себя в ритме тунисского патриотизма и внутренней демократической игры, предпочтя общественные интересы страны частным интересам. Глава партии, Рашид Ганнуши, пошел на ряд компромиссов с различными политическими силами Туниса, что привело к относительной стабильности. Достигнутый структурный эффект, не позволил превратить Тунис в арену конкурирующих между собой политических сил.

Таким образом, мы можем считать момент военного переворота в Египте моментом завершения этапа политического ислама в эволюции «Арабской весны» и началом этапа контрреволюции и возвращения старого режима. Западные страны почувствовали облегчение после возвращения власти к старой системе, так как они были очень обеспокоены проблемой массовой миграции арабских беженцев в Европу и угроз либерально-демократическому порядку с подъемом правых националистических популистских движений.

Религиозные партии и организации политического ислама, заявившие о себе как современные политические деятели, продвигающие исламские позиции и распространяющие прогрессивные исламские идеи, как правило, состоют из четырех групп:

1) Группа защиты гражданского ислама включает организации гражданского общества, которые выступают за права человека, равенство женщин, социальную ответственность, охрану окружающей среды и другие социальные вопросы. Они открыто не претендуют на какую-либо политическую власть, но у них все же есть скрытые цели достижения в управлении власти. Эта группа ссылается на прогрессивные учения ислама и призывает режимы проводить реформы и уважать гражданские права человека.

2) Сторонники ислама и демократии включают партии и движения, которые не видят конфликта между исламскими ценностями и учениями и современными демократическими принципами. Группа выступает за участие в политическом процессе с целью получения власти и осуществления политических реформ, основанных на догматов Ислама.

3) Сторонники салафизма состоят из ведущих религиозных деятелей и религиоведов, выступающие за исламские учения в период правления четырех халифов VII-VIII века. Они придерживаются исконно исторической коннотации Ислама, при этом выступают за модернизацию исламских учений.

4) Сторонники культурной модернизации ислама возникли в мусульманских общин, проживающих на Западе. Эти организации базируются за пределами исламского мира. Они пытается воссоздать мусульмано-западную

идентичность, не видя противоречия быть одновременно мусульманином и гражданином западной демократии.

Все эти по сути разные сообщества объединяет их приверженность модернизации исламских институтов, традиций и практик.

Что касается течений политического ислама, то они впервые появились в современную эпоху в конце второго десятилетия XX века, в 80-х годов группы состояли из разных течений, «умеренные» (БМ), но большинство были экстремистскими. Многие ученые считают, что под влиянием общественной огласки и эмоционального заряда прессы, вызванные иранской революцией, рост фундаментализма был неизбежным продуктом общественного культурного упадка. В результате чего образовался климат, благоприятный для роста экстремистских движений, называющие себя джихадистами. Эти структуры сыграли деструктивную роль в переходном процесса, они активизировали военные неправительственные группировки, такие как «ИГИЛ» в Сирии и Ираке, «Хезболла» в Сирии, Ливане и Ираке, также хуситы в Йемене [168]. Все эти группировки с целью воспрепятствованию процессу трансформации, поэтому арабские страны перешли в фазу не только политического, но и военного хаоса. Гражданские войны разрушили и без того слабые социальные структуры, состоящие из племенных и сектантских общин. Так сектантство, трайбализм и национализм стали основой для фрагментации и реализации тезисов ориенталиста Бернарда Льюиса – оригинального политического теоретика созидательного хаоса.

В этой связи, по нашему мнению, обновление исламского дискурса в соответствии с характером нового времени, являеся наиболее очевидным моментом, поскольку любое цивилизованное государство, стремится поддерживать ценности граждансского общества и равенства для всех, соблюдая закон и порядок. Все это в том числе, являлось целью революций «Арабской весны» не зависимо к какому обществу они относятся: светскому или религиозному. Сегодня в религиозном дискурсе существует в крайней степени несправедливое восприятие Ислама, неправильная практика религиозных движений привели к искажению идейного понятия и восприятия исламской религии за последние десятилетия они породили страх и опасения у всего мира.

Исламские силы должны признать и понять, что не существует единой, готовой и идеальной модели Исламского государства, каждая страна должна быть построена по своей собственной модели, взаимодействуя с местной реальностью, историческими и социокультурными особенностями, его референтностью и идентичностью, переняв опыт у других стран с их разнообразной и богатой практикой и опыта в построении демократии. Размышления о перцептивной политической модели государства после «Арабской весны» требует преодоления двойственности государства, религии и поляризации вокруг цивилизованности и религии, чтобы преодолеть идеологическое столкновение между интеллектуальными течениями и

политическими акторами, а затем создать нетрадиционные модели для работы с постреволюционными реалиями.

3. Со времен Французской революции 1789 года термин «контрреволюция» определяют как движение, которое отвергает революцию, стремясь восстановить прежние системы или принципы, какими они были дореволюционной эпохи [169]. За каждой революцией часто следует контрреволюция, поскольку очевидно, что де-факто сторонники любого режима всеми возможными средствами защищают свою власть и свои интересы. Мы можем рассматривать момент военного переворота в Египте как момент окончания этапа политического ислама и начала этапа контрреволюции. «Арабская весна» разоблачила левые и арабские националистические элиты (в основном из насеристских движений), значительная часть которых объединились с авторитарными режимами, образовав контрреволюционный фронт. Многие секуляристы, включая левых, арабских националистов, сирийских националистов и баасистов, не колеблясь вступили в ряды тиранических режимов, которые преследуют свой народ, унижают, сажают в тюрьмы, пытают, морят голодом и убивают. Под лозунгами легионы левых и насеровских интеллектуалов маршировали в рядах так называемой «Оси сопротивления», в которую входят режим Верховного лидера Ирана, шиитские ополченцы в Ираке, режим Асада в Сирии, «Хезболла» в Ливане и хуситы в Йемене.

Что касается этапа «контрреволюции», существует трёхсторонний альянс, представляющий этап контрреволюции и возвращения строго режима, приверженцами которого являются ОАЭ во главе с Мухаммедом бен Заидом, Саудовская Аравия во главе с Мухаммедом бен Салманом и Египет, во главе с Абдель Фаттахом ас-Сиси. У этого политического альянса есть региональное оружие, это Мухаммад Дахлан в Палестине и армия Халифы Хафтара (соратник Мухаммара Каддафи в революции против ливийской монархии в 1969 году) в Ливии.

«Контрреволюция» поддержала военный переворот в Египте, силы мятежного генерала Халифы Хафтара в Ливии, военный переходный совет в Судане, режим Башара Асада в Сирии и других «врагов» арабских революций.

Если, арабские монархии Персидского залива, поддерживая контрреволюцию в Египте, опасались, что движение, требующее глубоких социальных и экономических перемен, может распространиться и на их территорию, то сложившийся альянс Абу-Даби – Эр-Рияд – Каир, имеет чёткую политическую повестку дня в регионе, которая заключается в пресечении любых попыток протеста являющихся продолжением революции «Арабской весны», проведении постепенного курса нормализации отношений с Израилем и содействии соглашению по Палестине, сделки, которая может включать ликвидацию палестинского вопроса и повторное использование режима Башара Асада в обществе и уменьшить влияние Ирана в Сирии и продолжить борьбу с политическими исламскими движениями в регионе.

Сторонники «контрреволюции» придерживаются мнения, что все «революции» представляет серьезную угрозу для самих автократических режимов, и подрывающих политическую стабильность в регионе БВСА, что и побуждает их сделать все возможное, чтобы искоренить эти революции с помощью контрреволюционных сил.

Итак, большинству арабских режимов удалось восстановить и еще больше укрепить все старые механизмы своего правления, а именно тиранию, коррупцию, угнетение и т.д. Если Египет вернулся к военной диктатуре, а Алжир и Судан скоро к нему присоединятся. Режим Башара Асада продолжал существовать над развалинами того, что осталось от Сирии до 8 декабря 2024, в результате наступления военной оппозиции Б.Асад покинул пост и получил политическое убежище в Москве.

За последние более десяти лет все причины социального взрыва усугубились в большинстве арабских стран, никакие демократические реформы не заполнили пустоту, образовавшуюся после падения режимов. Лозунги, как «работа» и «достоинство», выдвинутые протестующими в 2011 году, остались лишь пустыми словами. Исключение Тунис, единственная страна, которая более-менее преуспела в построении демократических политических институтов. Несмотря на распространение бедности и распространение эпидемии COVID-19, Тунис гордится тем, что приобрел светские и демократические традиции, хотя они все еще хрупки, но все же люди могут относительно свободно выражать свое мнение в регионе, где продолжают господствовать авторитарные режимы.

2.2 Социально-экономические концепт изучения процессов «Арабской весны»

Реальные детерминанты революций требует систематизированного исследования, изучения, детального рассмотрения и размышления причинных факторов, спровоцировавшие «Арабскую весну». Чтобы выявить основные факторы этих революций и выяснить политические, экономические и социальные причины, важно сосредоточить внимание на анализ эндогенного фактора. Исследование детерминантов революций обязательно должно быть связано с целым рядом междисциплинарных наук, таких как: история, политика, международное отношение, религиоведение, социология, экономика, статистика, демография. Эти социальные и гуманитарные науки позволяют глубже понять феномен «Арабской весны» при более детальном знакомстве и исследовании причин.

До «Арабской весны» почти во всех арабских странах понятия «права человека» или «гражданские свободы», означающие способность граждан свободно выражать свои мнения в политической, социальной и культурной сферах без страха, были пустыми фразами. Существовал репрессивный, авторитарный, насильственный характер властей арабских стран на фоне бесконечного экономического кризиса, коррупции, безработицы и т.д., что и

стало в итоге основными факторами революционной волны, охватившей практически весь арабский мир.

В данном параграфе мы попытаемся проанализировать причинно-следственный характер этих причин, которые привели к «Арабской весне».

Стоит отметить, что арабские народные революции представляют собой качественный скачок в стиле и тактике революционных масс, отстаивающих свои права. Если с древних времён народные восстания ассоциировалась с насилием и кровью, будь то со стороны мятежных масс или со стороны правящей власти, то в арабских революциях прослеживаются новые формы, далекие от методов военных переворотов и насильственных действий бастующих по отношению к власти. В деятельность революционных масс с ее первых дней, были вовлечены все группы и слои общества. Анализ событий как в ходе, так и после революции показал, что массы, собравшиеся на улицах и площадях в арабских городах, в основном были представлены молодыми людьми, находившихся вне политических организаций, вне какой-либо идеологии и не имевших целей, претендовать на власть или изменить ее. Их требования были ясны и очевидны. Это первый случай в современной истории, когда арабский народ с духом единства представлял самих себя.

Поэтому мы должны выяснить основные факторы этих революций и выяснить политические, экономические и социальные причины, которые привели к этим революциям. Реальные причины революций требует систематизированного исследования и размышления, поскольку без детального рассмотрения факторов и причин, которые спровоцировали «Арабскую весну», затопившие «весенним паводком» весь арабский мир и сделавшие его уязвимым перед многими кризисами и вызовами, чем приковал к себе внимание мирового сообщества.

Интернет

Интернет, социальные сети, такие как Twitter, YouTube, Facebook и другие средства коммуникации, создали молодёжи арабских стран условия для общения и участия в организации протестного движения. СМИ дали протестному движению возможность донести свои голоса с требованиями до всего мира, что позволило другим регионам немедленно среагировать на протестные движения. Таким образом, различные группы в социальных сетях сыграли активную роль в мобилизации общественного мнения по определенным политическим вопросам, а социальные сети стали площадкой для организации протестов и поощрения уличных демонстраций. Например, такие социальные движения, как «Молодёжное движение 6 апреля» (ابريل ٦ حركة شباب) в Египте, использовали виртуальное пространство для организации молодежных шествий, переходя от виртуального к реалистическому контексту.

Трагическое самоубийство 26-летнего тунисского продавца овощей Мухаммеда Буазизи, вызвал настоящий гнев миллионов людей. Виртуальный мир онлайн-общения, посеяв негодование и одновременно надежду на перемены, зажег искру, в результате которой пожар социального недовольства перекинулся в соседние страны. Технически подкованные активисты среднего

класса умножили его в массовое движение, которое вскоре распространилось от Египта до Марокко. Видеозаписи самого поджога Буазизи нет, но были распространены бесчисленное количество фотографий и видеороликов о последовавших за этим уличных протестов и насилия со стороны полиции, направленные на подавление и запугивание протестующих, вызывая ещё больше гнева со стороны народа. Смартфоны с камерами стали оружием граждан в информационной войне, которая позволила почти каждому стать свидетелем и организовать себя в «массовой мобилизации смартфонов». Фото и видео были размещены в частном порядке в YouTube, Facebook, неподконтрольной полиции печатных и электронных СМИ, хотя на протяжении десятилетий они находились под жестким контролем властей.

Однако авторитарные государства вступив в гонку цифровых вооружений, усилили электронное наблюдение и цензуру в просторах интернета, пытаясь отслеживать их. В связи с тем, у демонстрантов не было явных организаторов и лидеров, властям было сложно находить и подавлять их. Роль Facebook-а была решающей, поскольку информация в этой социальной сети публиковалась тут же, и цензура была здесь бессильна. Например, египетское правительство приказало заблокировать доступ в Интернет и услуги мобильной связи, но дух свободы слова и мнений было уже не остановить. Если в прошлом люди выражали своё особое мнение шёпотом, то после открытой демонстрации мнений в Интернете, барьер страха был снят. Онлайн-платформы позволяли глобальным СМИ, таким как «аль-Джазира» и «аль-Арабия» освещать протесты прямо из Facebook, поскольку на тот момент это была лучший способ для передачи новостей.

Активисты, которые участвовали в протестах в те дни, говорят, что «фейсбучная революция» с особой силой проявила себя с началом «протестов по хэштегам». Так, хештег «Мы все – Халед Саид» в Facebook сыграла не последнюю роль в восстании на площади Тахрир в Каире, став одним из катализаторов мобилизации и организации протестов. Добровольцы переводили арабские твиты для международных СМИ в то время, когда официальные СМИ критиковали «преступников» и «иностранных врагов», которых они обвиняли в подстрекательстве к протестам, что активисты стали «жертвами клеветы, оскорблений и угроз в социальных сетях и некоторых интернет-СМИ».

Несмотря на то, что в последние годы многим арабским странам удалось принять строгие меры против онлайн-активистов, поставить заслон критике, сами арабские интернет-активисты считают, что власти арабских стран утратили способности контролировать то, что граждане могут видеть, знать и говорить, о чем свидетельствует вторая волна протестов, потрясшая Алжир, Судан, Ирак и Ливан в 2019 и 2020 годах. Существует масса крупнейших оппозиционных блогов, которые превратились в полноценные СМИ, публикующие свои расследования и снимающие документальные фильмы по различным вопросам экономической и социальной жизни общества, берут интервью у государственных чиновников и открыто публикуют их.

Сегодня, многие эксперты-ориенталисты ставят под сомнение роль цифровой революции и технического прогресса в разжигании народных протестов в таких странах, как Тунис, Сирия, Йемен, Ирак, Ливан, Судан и Египет. Так, доктор Мунир бен Салах, автор книги «Социальные сети и арабские революции», считает, что роль социальных сетей в «Арабской весне», особенно в западной прессе, сильно преувеличена. Назвать события в арабских странах революцией в Facebook или Twitter – это миф, импровизированный прессой [170]. Он утверждает, что арабские массы вышли на площади не благодаря социальным сетям, а скорее вышли на улицы по социальным и политическим причинам, а смартфоны помогли им «собраться и объединиться с другими людьми, которые разделяют те же требования» [170, с.17]. Мы также считаем, что социальные сети сыграли лишь вспомогательную роль в организации протестного движения.

За многие десятилетия своего авторитарного правления арабские правящие режимы сделали свои страны закрытыми, где СМИ и культура работала в пользу режимов, не выходя за рамки философии правящей политической системы. Поэтому было вполне естественно, что государство, стоявшее на защите интересов правящих режимов, подвергала тщательной проверки и цензуре все публикации. Любая новая книга если противоречила указаниям режимов или говорила о свободе и демократии, тут же запрещалась к чтению и снималась с продажи.

Таким образом, революция в области информации стала важным моментом в жизни человека в целом и в арабском мире в частности. Интернет и социальные сети сыграли значительную и огромную роль в революциях «Арабский весны», показав масштабы огромного разрыва между правящими арабскими режимами и большей частью арабского общества.

Авторитарный режим

Многовековой опыт арабских правящих систем сделал его обьектом мониторинга и тщательного изучения со стороны исследователей. Эти системы, не отходили от традиционных направлений, культуры и практики арабского правления, где стремление передать власть по наследству достигалась любыми доступными средствами. Поэтому неудивительно, что арабские правители были готовы уничтожить любого, кто выступит против этой преемственности. Многие арабские режимы преуспели в технике обхода демократического эксперимента. Даже в тех случаях, когда арабские режимы начинали реформы для улучшения жизни своих граждан, они были лишь поверхностными и не преследовали цели изменить сущность авторитарной власти, и сохраняли монополию правящей элиты на присвоение богатств за счёт бюджета или ресурсов. Все вышесказанное подтверждает, что арабские режимы старались предотвратить любые социальные изменения, которые могли бы поставить под угрозу их власть и авторитет.

Форма авторитарных режимов, правивших как в Сирии, так и в Ливии, является, пожалуй, была самой закрытой и инклюзивный моделью в арабском регионе и возможно, во всем мире, за исключением Северной Кореи. В Йемене

и Египте форма правления Али Абдаллы Салеха и Хосни Мубарака, безусловно, была более авторитарной по сравнению с Ливией, где, как и в Египте, если бы не вспыхнувшие революции, семейная преемственность в передаче власти, вполне могла бы иметь место. Таким образом, арабские революции в сильной форме столкнулись с авторитарными структурами, восходящими к предыдущим режимам с их нежеланием двигаться в направлении демократизации институтов и управлять самим процессом трансформации, как это было сделано в других частях мира, как, например, в странах Восточной Европы.

Наследственность

Одним из наиболее важных результатов Второй Мировой войны стало формирование нового международного порядка, которые были определены в Ялтинском соглашении между победившими союзниками. Согласно этому соглашению одни арабские страны обрели форму правления – монархия, другие, в результате народных революций перешли к республиканским режимам, неся знамя социализма и борьбы с колониализмом. В обоих случаях правящие элиты продолжали правит в течение долгих десятилетий без какой-либо ротации власти, без действующих реформ и конституции. Если ожидалось, что монархическая система власти будет работать по принципу наследования, то никак не предполагалось, что суверенные независимые республики, особенно те, которые пришли в качестве альтернативы монархиям превратятся в авторитарные режимы, действующие тоже по принципу наследования. У большинства арабских стран консолидация власти находилась в руках президента и одной партии. К примеру, в Египте подготовка к смене поста президента республики шла полным ходом и обстоятельства для наследственной власти были простыми и удобными, так как законодательство уже гарантировало победу, выборы проводила Национальная партия, которая лояльно относилась к семье президента. Международные общественное мнение, похоже, не противостояло этому, поэтому вопрос о наследовании в значительной степени был решён, оставалось сделать только последний шаг – назначить Гамал Мубарака (сын президента Хосни Мубарака) президентом Египта. Военный истеблишмент не приветствовал эту идею, однако благодаря коррупции и кумовства, как итог сочетания власти и денег этот вопрос был практически решён.

Коррупция

Правление авторитарных арабских режимов характеризовались широко распространёнными коррупционными и матримониальными механизмами, которые благоприятствовали небольшой части общества: правителю, его семье и приближенных к ним, правящей партии. Например, в Тунисе с ее однопартийной политической системой, власть в государстве стала частной прерогативой президента и его семьи. Экономические ресурсы, которые ранее были распределены среди туниской элиты, все более монополизировались Бен Али и его женой Лейлой Трабельси. Рост коррупции среди правящих элит «в то время как первое поколение революционных лидеров, таких как Гамаль Абд

аль-Насер из Египта, Хафез аль-Асад из Сирии и даже Хабиб Бургиба из Туниса пользовались широкой общественной поддержкой, в том числе благодаря своей личной скромности и простоте, второе и третье поколение были расценены их людьми как коррумпированные и отчуждённые» [171]. Таким образом, коррупция была везде: при получении важных коммиссионных от посредничества в государственных сделках, использовании процесса приватизации для приобретения государственных учреждений и земель по низким ценам, монополизации некоторых видов торговых и бизнес деятельностей при соучастии администрации, полиции и судебных органов, участие в прибыльных проектах, конфискация частной собственности и т.д. Больше всего пострадали государственные банки, финансируемые населением. Так, в Тунисе был большой саботаж банковской системы с кредитами, которые получали властные верхи с сомнительной гарантией их погашения. Программы структурной перестройки расширили разрыв между имущими и неимущими, обычные люди столкнулись с экономическими трудностями, в то время, как элиты благодаря коррупции продолжали обогащаться. Взяточничество стало настолько распространённым явлением, что стало важным средством решения любых социальных вопросов.

Реформы

По своей сути «Арабская весна» в регионе БВСА была революцией за реформы, поскольку в условиях глобального кризиса арабские страны оказались в очень сложном экономическом и социальном положении. Застой реформ и определённая динамика и последовательность других факторов привели многие арабские страны на грань социальной катастрофы. Это во многом было связано с тем, что в большинстве случаев авторитарные режимы направляли существенную часть государственного бюджета на финансирование вооружённых сил своих стран, покупая новейшее оружие и военные технологии, обеспечивая этим лояльность армии и высшего генералитета к себе на случай народных выступлений против правящих режимов. Военные были обеспечены материальными привилегиями, а гражданские институты были несостоятельны из-за поляризации, подчинения и зависимости от государства, превращаясь в «хрупкие» организации, подчиненные воли власти. Откладывая реформы, власти привели свои страны к коллапсу.

Современная цивилизации со всеми ее достижениями и новейшими технологиями, приводит к мысли о необходимости реформ. Отсрочка либо промедление, предотвращение или неиспользование выгод от реформ, угрожают стабильности и безопасности режимов, усиливая политические и экономические кризисы, обостряя социальную ситуацию. Необходимость реформ в большинстве арабских стран БВСА была видна невооруженным взглядом. Однако те «реформы», которые проводились, не отражали глубокого чаяния народов и были направлены на улучшение международного имиджа арабских стран и их репутации за рубежом, порождая тем самым тотальную миграцию населения в западном направлении и давая повод для

распространения радикальных исламистских экстремистко-терриористических организаций.

Проведение глубоких политических и экономических реформ в арабском мире необходимый процесс, поскольку нынешние политические модели и формы, преобладающие в арабских странах, больше не подходят для современного этапа их развития и следовательно, нуждаются в изменениях [172]. Жизнеспособность и эффективность реформ зависит прежде всего от того, сумеют ли арабские страны разобраться с теми опасностями которые им сулит консервация их традиционного мироотношения и перейти к реализации действительно исламских государств, где идеи социальной справедливости и заботы о всех гражданах государства (асабиййа / عصبية) станут путеводной нитью для их правителей. Пока это не произойдет, «Арабская весна» как домоклов меч, будет висеть над головами политических режимов государств БВСА.

Экономические и социальные факторы

Экономика было главной движущей силой всех восстаний «Арабской весны». Несмотря на огромный экономический потенциал арабских стран, их правительства так и не смогли воспользоваться этими возможностями. Во многих арабских странах БВСА так и не была построена развитая экономическая инфраструктура, не было внятной экономической политики, которая могла бы развивать как промышленность, так и сельское хозяйство. В результате уровень безработицы распространялся быстрыми темпами, разрыв между бедными и богатыми увеличивался, бедность прогрессировала. Отсутствие государственных и коммунальных услуг, а также распространенность административной и финансовой коррупции среди законодательной, исполнительной и судебной власти вели к нарастанию социального недовольства.

Проблемы в сфере экономики нарастали как снежный ком. Несмотря на все усилия со стороны властей, предпринятые ими меры не могли предотвратить того, что и вывело массы на улицы и площади арабских столиц и городов. Снижение темпов роста экономики в ряде стран БВСА, падения цен на нефть, несмотря на разную степень уязвимости арабских стран, в экономическом кризисе оказались все. Увеличивавшаяся из года в год инфляция, сбои в поставках необходимых товаров в результате увеличения дискреционной ликвидности и экспансионистской финансовой политики западных стран, рост цен на продукты первой необходимости, а также экономический кризис во всем мире, стали катализаторами, что в конце концов привело к революциям «Арабской весны».

Важно подчеркнуть, что существует множество других причин, которые всегда проявляются в одном контексте и не должны игнорироваться на региональном и глобальном уровнях, например, растущий разрыв в развитии между арабскими странами и другими развитыми странами за последние годы. Политическая нестабильность в арабских странах БВСА ещё больше снижало ликвидность и увеличивала как внутреннее, так и внешнее финансовое

давление. Отсутстве поддержки частного бизнеса, который мог бы в какой-то степени поддержать потенциал арабских экономик, поскольку арабские страны потеряли важные позиции в пользу зарубежных инвестиций в энергетическом, промышленных и транспортном секторах, не могла дать возможности для реструктуризации экономики и созданию новых рабочих мест. Низкие экономические показатели подтверждают, что власти арабских стран не смогли направить свои усилия в направлении экономических и социальных реформ.

Экономические доходы арабских стран шли только в верхние эшелоны власти и обеспечивали только их интересы, в результате чего социальная диспропорция только увеличивалась: бедные стали еще беднее, а богатые стали еще богаче. Помимо заботы о хлебе насущном, повышении заработной платы, снижении цен на необходимые товары, общество нуждалось в решении других социальных нужд: образование, здравоохранение, жилищные проблемы, социальная защита, безработица и т.д. Эти социальные факторы стали символом политических и социальных перемен, способствуя тому, что среди широких слоев молодежи, женщин и других групп, мечтающих о переменах, появился жизненный смысл для создания лучшей реальности и обеспечения благополучного будущего. Например, социальные движения, требующие прав женщин и гендерной справедливости в Египте, стремились навязать свою повестку дня с самого начала революции, поскольку женщины стали подлинными участниками движения и даже организаторами этих революций [173].

Безработица

Экономический и социальный кризис привел к ограничению возможностей трудоустройства образованной арабской молодежи. Уровень безработицы главным образом рос среди выпускников университетов с высшим образованием, а также среди молодежи со средней квалификацией. Значительная часть этих молодых людей происходила из образованного среднего класса и осознавала всю серьёзность ситуации, которую переживают их страны. Поэтому «Арабскую весну» мы можем назвать не революциями голодных или беззаконных, а революцией молодёжи, перегруженной экономическими и социальными проблемами, без права выбора и надежды на будущее. Высокие показатели безработицы вывели молодежь и людей среднего возраста, принадлежавшие к разным социальным слоям, этническим и религиозным конфессиям на площади, где они выразили свой протест отсутствию возможностей трудоустройства, которая могла бы обеспечить им достойную жизнь.

Наряду с проблемами трудоустройства образованной молодежи, существует и другая проблема – неграмотность населения. В век глобализации, прогресса и развития коммуникаций арабские страны БВСА по-прежнему страдают от массовой неграмотности. Государство или не хочет, или не в состояние обеспечить образованием молодежь, что ведет к росту отсталости и неграмотности, что по сути лишает большую часть молодых граждан участвовать в общественно-политической жизни и свободно пользоваться

своими политическими и социальными правами. Например, в Египте, Закон об обязательном образовании детей в возрасте от 6 до 12 лет был принят еще в 1976 г., но уровень неграмотности с тех пор ни чуть не уменьшился, так как темпы роста населения намного превышали реализацию планов ликвидации неграмотности. Статистика Египта показывает, что если число неграмотных египтян 1976 году составляло 14 миллионов, то в 2006 году оно достигло 17 миллионов [174].

Как мы видим, перед началом «Арабской весны», граждане арабских стран не ощущали результатов экономического и социального развития (за исключением богатых нефтью монархий Персидского залива). Социальное неравенство и чувство социальной несправедливости привели в действие «бикфордов шнур» социального взрыва, направив усилия ее участников на реализацию по арабскому сценарию: «Мы наш, мы новый мир построим, Кто был никем – тот станет всем!».

Однако осуществить ту идею, которую воспевали авторы «Интернационала» не удалось. Экономические проблемы большинства стран «Арабской весны», после революций только усугубились и испытывают более серьезные экономические проблемы чем до революции [175]. По оценкам Международного валютного фонда (МВФ), странам «Арабской весны» потребуется финансовая помощь в размере 160 миллиардов долларов в течение следующих 4–5 лет для решения проблем в краткосрочной перспективе. Международный валютный фонд утверждает, что помимо острой необходимости поддержать платежный баланс и государственные финансы арабских стран, пострадавших от потрясений, экономикам региона придётся пройти через так называемый «радикальный переход» в своей экономической модели, с целью обеспечения того, чтобы были найдены решения социально-экономических проблем, вызвавших революции. По оценкам Всемирного банка (ВБ), на рынке труда в регионе потребуется создать 40 миллионов новых рабочих мест в течение 4-х лет, учитывая демографический фактор, который непреклонно растёт.

Таким образом, экономическая и социальная реальность арабских стран накануне «Арабской весны» стала одной из причин народных протестов в арабском мире, объясняя внутреннее причины и мотивацию народных выступлений, следовательно, его легитимность.

Если учесть, что внутренние проблемы является основным состоянием экономического, социального и культурного развития, а также политической зрелости, мы можем с полной уверенностью утверждать о наличии огромного масштаба кризиса в арабском мире. Сегодняшнее положение и кризис арабских стран возвращает к точке не возврата, то есть к той самой линии, которую просветители эпохи Восточного Ренессанса (IX–XII вв.) выдвигали с момента зарождения современного арабского мира, каким он является сегодня, по крайней мере на политическом уровне. Все политические, экономические и социальные показатели подтверждают, что арабский регион БВСА находится сегодня в конце списка регионов мира. В целом, арабские режимы сегодня

стоят перед трудным испытанием, который дает им шанс и возможность добиться народной легитимности.

2.3 Роль внешних факторов в «ante et post» арабских революций

Важность исследования внешнего фактора «Арабской весны» заключается в определении роли геостратегического измерения в произошедших арабских революциях, так как в последние годы возросла роль международных и региональных акторов во внутренней политике стран арабские региона. С началом XXI века международные и региональные организации поддержали инициативы, которые подрывали стабильность арабской политической системы, установившейся в регионе благодаря правлению местных авторитарных режимов, особенно тех, кто занял антиамериканские позиции. Эти тенденции, например, нашли свое отражение в контексте интервенции США в Сомали, оккупации США Ирака, поддержки сепаратистских инициатив в Южном Судане и попыток изолировать ХАМАС в секторе Газа в Палестине и партию «Хезболла» в Ливане. Государственный терроризм со стороны США в отношении указанных и других стран, был связан с отсутствием свобод для проведения и запуска политических реформ и политических преобразований. В тоже время, последствие революций «Арабской весны» стимулировало рост влияния в регионе БВСА мировых и региональных держав, как США и их союзники, Саудовской Аравии, Турции, Ирана, России и других, которые с новой силой начали оказывать влияние на внутренние события в арабском мире, обеспокоеные как развитием ситуации, так и тем, куда все это приведет.

В данном параграфе 2 главы мы сосредоточимся именно на *внешнем факторе* влияния на арабские революции и попытаемся дать всесторонний анализ арабского кризиса начала 2010-х гг.

США и страны Запада

«Арабская весна» произвела эволюцию стратегических перемен с геополитическими сдвигами и как следствие, изменила политический ландшафта в регионе. Эти перемены США и Европы вынудили сделать важные решения в распределении приоритетов и противостоять в предстоящих вызовов.

После событий 11 сентября 2001 года арабский регион подвергся внешнему давлению США и стран Запада, объявивших «крестовый подход» против тех арабских стран, которых они обвиняли в поддержке международного терроризма. Данная стратегия, основанная, главным образом, на интересах США и его союзников, осуществлялась без учета того, нанесет ли эта политика вред странам региона или нет. Так, американское вторжение в Ирак в марте 2003 года яркий пример, того, что Пентагон начав военную операцию под кодовым названием «Иракская свобода» (Operation Iraqi Freedom, OIF) с целью свержения правительства Саддама Хусейна, разбудила «улей», состоящий из различных этноконфессиональных групп, начавших партизанскую войну против как американских, так и против солдат международной коалиции, продолжающаяся до сих пор.

Для США арабский регион в целом, очень важен. Важность этого региона обусловлена рядом факторов, среди которых следует выделить три самых главных:

1) нефтяные запасы региона и его экономическое значение для США;

2) наличие военных баз США в странах Ближнего Востока и зоне Персидского залива;

3) стратегические или экономические интересы США в регионе стран БВСА;

Поэтому стратегия США в странах БВСА имеет долгосрочную цель.

Свержение режима Саддама Хусейна, по сути определила новую внешнеполитическую модель США в БВСА, согласно которой для достижении стратегических интересов, официальный Вашингтон готов использовать любые средства, независимо от легитимности этого метода и независимо от интересов самих стран региона.

Война в Ираке стала примером применения принципа превентивных ударов, принятой администрацией Джорджа Буша, ради сохранения безопасности. Эта стратегия была основана на сохранении США в качестве мировой сверхдержавы на максимально долгое время, предотвращая появления любых других сил, на равных конкурирующих с США. К тому же американское вторжение в Ирак, продемонстрировала степень хрупкости самого иракского режима, а также показала возможности стран региона для отражения военных угроз.

США, стремясь превратить Ирак в «испытательный полигон» для обкатки своей новой стратегии на Ближнем Востоке, работала над созданием «демократической модели управления» для ряда арабских стран, стремясь обратить внимание молодежи и в целом арабские народы, на ее преимущества. По их мнению, эта модель могла бы стать катализатором для выхода арабских народов из систем управления, в которых они жили. Так началась политика продвижения демократии, принятая США и ЕС в периоды 2004-2005 годов. Однако последующие в годы США ослабили свое давление по отношению к арабским странам и политика продвижения демократии снизилась. Это случилось во время второго президентства Джорджа Буша (2005-2009) и продолжилось во время президентства Барак Обамы в 2009-2017 гг.

Однако, как известно, историю невозможно повернуть вспять и последствия политики предыдущего этапа невозможно стереть из людской памяти. Поэтому, сочетание провалов правительств региона и возросшей силой оппозиции и мобильности молодежи, в совокупности привели к революциям «Арабской весны». Несомненно, то, что в регионе Ближнего Востока произошла эволюция стратегического ландшафта, которая отражается в геополитических сдвигах в региональной среде и как следствие, в изменениях политической сцены в регионе. Эти перемены для американской администрации стали важным ориентиром для распределения приоритетов в регионе БВСА и способности сыграть первую скрипку в «оркестре» арабской «оттепели».

США не спешили реагировать на тунисскую революцию, и мало кто ожидал, что она сможет перекинуться на другие арабские страны. Американская администрация проигнорировала события тунисских протестов, вспыхнувших 17 декабря 2010 года и продолжавшихся в течение трех недель. Несмотря на насилие со стороны тунисского режима, Вашингтон не обвинял и не критиковал, а намеренно замалчивал и даже игнорировал эту ситуацию.

Позиция США в отношении тунисской революции имело три тенденции: в начале «безразличие» к тунисскому народному протестному движению; затем, заявление, что США уважают волю тунисского народа (после того, как две недели спустя с начала революции, президент Зин аль-Абидин Бен Али вывел армию против протестующих) и наконец, требование, чтобы президент Бен Али покинул политической сцену Туниса.

Известно, что США имели хорошие отношения с президентом Туниса Бен Али и называли его образцовой личностью. Однако, американские интересы в Тунисе были невелики и США не были готовы поддержать требования тунисцев. Тем не менее, американские либералы в целом одобрительно восприняли события в Тунисе и высказались о поддержке демократических устремлений протестующих.

Учитывая тенденцию Туниса к демократии, США полностью осознавали тот факт, что политические партии попытаются воспользоваться сложившейся ситуацией. Озабоченность Белого дома была выражена опасением роста экстремистских группировок. В связи с этим американской администрацией были проведены соответствующие встречи с членами умеренной исламистской партии «Ан-Нахда» / Партия возрождения (حزب النهضة), которая в октябре 2011 года получила большинство мест в тунисском парламенте, набрав 37% голосов [176].

В отличии от Туниса, Египет является важной региональной страной для США, сотрудничество с которой имеет три направления: военное сотрудничество, сотрудничество в области разведки (особенно после событий 11 сентября 2001 г.) и сотрудничество в сфере региональной безопасности.

Когда началась египетская революция 2011 года, США не знала как реагировать. Наблюдая со стороны, с первого дня революции американская администрация склоняла египетские власти к отказу от насилия против демонстрантов. По заявлению Госсекретаря США Хиллари Клинтон, египетское правительство нашла способы отреагировать на законные требования египетского народа. Находившийся тогда на посту президента США Барак Обама выступил перед Конгрессом с речью, сказав, что США поддерживают демократические устремления всех народов. Американская администрация в тот период говорила о шагах в направлении процесса демократических преобразований в Египте, в том числе:

- принять меры, направленные на ликвидацию коррупции, произвола властей и обеспечение свободомыслия;

- отмена Закона о чрезвычайном положении[3];

- допуск к политическому участию и диалогу всех противоборствующих сторон, включая оппозицию;

- приглашение оппозиции в качестве основных партнером в «дорожной карте» и определить политическую повестку дня для процесса перехода к демократии.

Идеологические изменения произошли в американском нарративе в отношении египетской революции, когда американская администрация осознала масштабы заметных изменений во внутренней системе Египта. После официального объявления об отставке президента Египта Хосни Мубарака и передачи власти Переходному военному совету США хотела призвать армию обеспечить надежный переходный процесс и воздать должное египетскому народу для достижения справедливости. В переходный период администрация Обамы избегала любых публичных заявлений в президентской гонке, чтобы это не было воспринято как попытка повлиять на ее результаты. Это вмешательство могло иметь неприятные последствия, но администрация предпочла бы нового президента светского характера, чтобы достичь баланса в парламенте.

После январских революции Вашингтона насторожила иная реальность в Египте, произошел подъем политического ислама, к власти пришли «Братья-мусульманы» во главе Мурси. Однако после революции 30 июня 3013 года и свержения режима «БМ», большинство членов палаты представителей конгресса Сената США потребовали прекратить американскую помощь Египту, потому что с их точки зрения произошедшее было военным переворотом, поэтому администрация Обамы прекратила поставки оружия и оказания военной помощи Египту по ранее согласованным сделкам. Однако, несмотря на это США не стала полностью разрывать отношения, это было связано:

- американская администрация придерживается реалистичного подхода к международным отношениям и готовности государств устанавливать отношения с любым режимом в Египте до тех пор, пока существуют общие интересы, которые защищены.

- позиция Израиля в отношении событий, произошедших в Египте после 30 июня, израильское лобби в США требовало не сокращать военную помощь Египту, поскольку это могло бы повлиять на безопасность Израиля.

- отличные отношения между Пентагоном и лидерами военного истеблишмента в Египте и осознание США продолжения отношений американской помощи для сохранения американского влияния в Египте и защиты его интересов. Но администрация Обамы признала новую ситуацию в Египте после избрания президента Абдель Фаттаха аль-Сиси Обама решил возобновить сделки по оказанию военной помощи и вооружению, подчеркнул важность стратегических отношений между двумя странами. Однако поменялся

[3] 1 июня 2012 года, в Египте официально вступило в силу решение об отмене режима чрезвычайного положения, действовавшего с 1981 года после убийства президента Анвара Садата.

механизм платежа, если раньше после заключения контракта на поставку оружия движения наличности, который позволил Египту заключать контракты на поставки оружия, оплата совершалась в последующие годы, то теперь нужно была оплатит незамедлительно.

Итак, во-первых, американстакая позиция заключалась в том, чтобы иметь возможность оказывать давление на Египет, во-вторых, по распоряжению Обамы с 2018 года США направляла военную помощь только в четыре сектора: борьбу с терроризмом, безопасность границ, безопасность Синая и безопасность морского побережья.

Ливия является одной из самых важных нефтедобывающих стран и с ростом протестов в Ливии позволило администрации США воспользоваться этим и лишить международную легитимность режима Каддафи и противостоять ему военным путем. Тогда это не было каким-то отражением американских принципов, ценностей или просто интервенцией ради свободы и демократии, это было воплощением того, что содержалось в стратегическом нарративе национальной безопасности. Многие считали, что интересы США характеризуются реализмом, больше связана с нефтью, газом прямыми американскими интересами, выражение поддержки революции и демократии, однако это уже давно не имело прямого отношения американским интересам, поскольку США прекратили импорт нефти несколько десятилетий назад, эта американская озабоченность по поводу обеспечения нефтяных ресурсов для своих союзников в Европе тесно связана со сплоченностью НАТО.

Первоначально Конгресс США был против военной интервенции в Ливии из-за экономического кризиса в Америке и того, что военное вмешательство будет дорогостоящим, поэтому американские граждане не готовы тратить деньги на успех ливийской революции, все помнили военную интервенцию в Ирак и Афганистан. Аналогично администрация Обамы долго решали по поводу того, что делать. Министр обороны Роберт Гейтс публично выразил серьезные сомнения в отношении военного вмешательства из-за высокой стоимости военной интервенции, но были и те, которые поощряли идею военного вмешательство в Ливию. Это идея была поддержана Великобританией и Францией, у которых были свои экономические причины, чтобы поддержать военное вмешательство, также было поддержка со стороны Лиги арабских государств и некоторыми арабскими странами, такие как Королевство Саудовская Аравия.

После того, как в феврале 2011 года американские граждане были эвакуированы из Ливии, Обама ввел санкции против Ливии и заморозил около 30 миллиардов долларов ливийских активов в банках США. Также Обама пытался достичь международного консенсуса по Ливии и Совету Безопасности и ввел эмбарго на поставки оружия в Ливию. Он подчеркнул, что Каддафи должен предстать перед Международным уголовным судом, а в марте Обама заявил, что Каддафи утратил свою легитимность и должен быть депортирован [177]. Международный уголовный суд расследовал преступления совершенные правительством Ливии против народа, именно поэтому президент США Барак

Обама заявил, что правительство Каддафи должно быть привлечено к ответственности за продолжающиеся нарушения прав человека и жестокое обращение с людьми.

НАТО начала военные операции во главе с США, Францией и Великобританией после принятия резолюции Совета Безопасности, разрешивший военное вмешательство в Ливию. Это была одна из первых резолюций стран, участвующих в военных операциях НАТО против режима Каддафи (США, Франция, Великобритания, Бельгия, Канада, Катар, Эмираты). НАТО интенсивно бомбили жизненно важные объекты ливийского режима, поддерживали ливийских революционеров снабжая их оружием и необходимой техникой. Рядом с ними был катарский спецназ, который сыграл роль связующего звена между силами НАТО и революционерами.

Американские СМИ сыграли свою роль в пропаганде войны и убеждении мирового общественности в жестокости ливийского режима, его тирании в отношении прав ливийского народа, поэтому США должны были вмешаться, чтобы прекратить тиранию и распространить демократию в Ливии. У США были свои старые обиды на ливийского лидера, в свое время Каддафи поддерживал освободительные движения в Латинской Америке и Ирландии, также было его влияние на африканском континенте с большим объемом ливийских инвестиций. Каддафи также хотел и стремился создать Объединенные Африканские Штаты и Объединенные Африканские Вооруженные Силы для урегулирования конфликтов на континенте и намеревался объединить африканскую валюту, при этом маргинализировав роль США на африканском континенте и в арабском регионе.

На практическом уровне ответственность за проведение военных операций, их нацеливание на противовоздушную оборону Ливии и военные ресурсы были осуществлены американскими силами. Таким образом, становится ясно, что американская позиция в отношении ливийской революции больше связана со стратегическими и экономическими интересами, поскольку вмешательство США в духе продвижения демократии и прав человека через НАТО было не гуманно. Военное вмешательство в Ливию произошло не так быстро и привел к большему количеству жертв среди гражданского населения. Кроме того, западные державы поставляли оружие оппозиционным силам, это привело к распространению оружия в Ливии, особенно экстремистам, что не упрощает нынешнюю хаотичную ситуацию в Ливии.

Когда в Сирии начались первые волны революций 31 января 2011 г. Башар аль-Асад выступал с речью о своей уверенности в безопасности своей страны, однако уже 2 февраля 2011 г. начались народные демонстрации и его уверенность начала спадать.

С начала сирийской революции позиция США менялась несколько раз, в самом начале сирийской революции заявления США ограничивались заявлениями о прекращением насилия и удовлетворением требованиям протестующих, после применения военной силы против протестующих, администрация Обамы начала оказывать давления на сирийский режим, ввела

финансовые и экономические санкции начиная с 19 мая месяца по 18 августа 2011 года. Санкции были основаны в связи нарушений прав человека и применении насилия против демонстрантов. На самом деле они были направлены на оказание давления сирийскому правительству, чтобы она изменила свою политику. США предпочла стратегию, которая позволила бы им контролировать ситуацию в Сирии без прямого военного вмешательства. Причина принятия этой стратегии связана с несколькими факторами, во-первых это связано с избегания повторения иракского сценария с последствиями, которые могут возникнуть, во-вторых, в неуверенности администрации США в возможности положить конец конфликту в Сирии и отсутствие какой-либо альтернативы режиму Асада, был страх перед политической ориентацией оппозиционных групп сирийскому режиму, в третьих, были опасения за последствия вооруженных революцией на пути безопасности Израиля.

Затем ситуация поменялась, с момента начала революции Соединенные Штаты объявили, что любая попытка Башара аль-Асада применить химическое оружие подвергнет его военному удару, но 21 августа 2013 года было применено химическое оружие в районе Гута, что привело к гибели почти 1400 гражданских лиц. В следствие чего, США начали работать над мобилизацией международной поддержки и внутренней поддержкой Конгресса, чтобы направить военный удар по сирийскому режиму. США готовы были информировать о местонахождении оружия и предоставить международным инспекторам возможности проверить местонахождение и определить способы уничтожения химического оружия. Сирийский режим отказывался соблюдать соглашение, поэтому Советом Безопасности были введены международные санкции против них в соответствии с главой VII Устава ООН. Эта инициатива Обамы рассматривалась как дипломатическая возможность отказаться от военного вмешательства, чтобы нанести военный удар по сирийскому режиму и таким образом получить международную поддержку и вынудить сирийский режим отказаться от химического оружия.

Сирийская война самая сложная и многовекторная, на которую повлияли многие факторы: внутренний фактор – это разногласия между режимом и оппозицией, то есть разногласиями между шиитами и сунниты, экстремисткие фактор – в виде организации «Исламское государство» с угрозами безопасности и стабильности в регионе, также региональный фактор с важной ролью Ирана и Турции и международный фактор, включающий военную мощь между крупными державами, такими как США, Россия и Китай.

Что касается Йемена, американские заявления отличалась от позиции предшественников в сирийской и египетской революциях, были противоречивы к требованиями йеменского народа, США игнорировали требования революционеров и даже избегали комментировать происходящее в Йемене. Несмотря на плотность скопления народа, эскалацию событий, учащение событий, рост множественных массовых убийств тысячи погибших и раненых. Революции продолжалось в течение 5 месяцев, только тогда США осознали, что такая ситуация нанесет ущерб американским интересам, они заставили

правящий режим подписать инициативу соглашения в Персидском заливе, в которой было предусмотрено, что президент Абдулла Салех уйдет в отставку и будут готовится новые парламентские и президентским выборам, отвечающим требованиям революции.

Позиция США была в роли «наблюдателя» по отношении событий йеменской революции, они ожидали исход развития событий, с учетом всей реальности последствий, по сути йеменской революции не представляла для них никакой угрозы. Поддержка США Саудовской Аравии в военном вмешательстве в сторону йеменского режима, было важным, поскольку хуситы представляли шиитскую общину, что автоматически делала их союзниками Ирана. Это подтолкнуло администрацию США к присоединению к президенту Йемена и его режиму и объявлению хуситов вооруженной террористической организацией, которая угрожает стабильности и суверенитету Йемену.

Американская политики в отношении йеменского кризиса происходила в рамках более широких спекторов изменений, которые новая администрация проводит в рамках своей собственной стратегии в отношении региона Ближнего Востока. С одной стороны, США не рассматривают йеменский кризис изолировано, так как урегулирование кризиса в Йемене связано с вовлеченными сторонами, в том числе с Ираном, поскольку Соединенные Штаты вместе со своими союзниками пытаются стратегически ограничить Иран в регионе и удержать его от дальнейших шагов по эскалации в Йемене. С другой стороны, последовательность новых американских тенденций в своем стремлении оставаться в качестве стратегической оси контролирующей регион, наблюдается эволюционный сдвиг в саудовской стратегии в отношении Йемена, который соответствует преимуществу необходимости расширеть и усилить эффективность дипломатии, а также контролировать ритм саудовской военной интервенции в Йемене, чтобы пролить свет на радикальные преобразования. Американская власть стремится ограничить влияние Ирана в регионе и предотвратить эскалацию йеменского конфликта. Саудовская Аравия поменяла свою стратегию, усилила контроль над военной интервенцией в Йемене. Эти перемены позволили США пересмотреть свои подходы в урегулирование конфликта.

Экстраполяция хода событий и его результаты дает возможность предполагать, что Ближний Восток останется жизненно важным стратегическим регионом для США. Новая администрация США с приходом Джо Байдена начала пересматривать свою внешнюю политику, направляя ее на укрепление дружеских отношений со своими стратегическими союзниками и адаптации к политическим изменениям в региональной среде, сосредоточив внимание на эффективные механизмы преодоления сложностей трансформаций, вызванных движением региональных и международных держав в регионе. Основные интересы Запада это – борьба с терроризмом, безопасность Израиля и содействие экспорту нефти в страны Европы. В 2021 году с приходом Джо Байдена Конгерсс пересмотрел внешнюю политику, адаптируясь политическим переменам и приступили к разработкам

эффективных механизмов в преодолении сложностей и трансформаций, вызванные региональными и международными державами в арабском регионе. В первую очередь это коснулась укреплению ценностей демократии и права, второе – сокращение военного присутствия в регионе. Новая администрация США понимает глубину геополитических трансформаций и вызовов в регионе Ближнего Востока, с которыми сталкиваются национальные интересы Америки. Беспорядки и конфликты, особенно с учетом множества кризисов и хаоса, последствия которых выходят за пределы границ, также угроза перемены баланса сил региональных и других международных игроков, стремящихся к геополитической конкуренции США в регионе.

Новая администрация США приняла политику, отличную от политики администрации Трампа в отношении Ближнего Востока, в нем преобладает видения прогрессивной тенденции демократического подхода и принимания ее направления, которые призывают к укреплению ценностей демократии и права человека, сокращение военного присутствия в регионе, возвращение к ядерному соглашению с Ираном и перезагрузка отношений США со странами Персидского залива в соответствии с их интересами и ценностями.

Соответственно, в последние годы в американских политических и интеллектуальных кругах произошла эскалация споров о важности региона Ближнего Востока, и из-за этого конфликта в стратегиях и политике по этому вопросу сформировались взгляды и мнения: во-первых, это сохранение американского стратегическое значения в регионах, во-вторых, изменения приоритетов касательно источников угрозы национальной безопасности. Таким образом, несмотря на победу первой тенденции, которая требует важности американского участия в регионе, в свете американское убеждение, что регион Ближнего Востока страдает от структурных проблем и кризисов, поэтому США должны переосмыслить, как справляться с кризисами и конфликтами в этом неспокойном регионе, без навязывая им еще больше проблем и экономическое бремя.

Критерии важности региона Ближнего Востока различаются с точки зрения расчетов и стратегических приоритетов безопасности в отношении основных конфликтующих и конкурирующих держав за власть в международной системе, а это означает, что современный мир сейчас очень мобилизован, сложный и бурный. В то же время мир переживает состояние ликвидности, а это означает, что оно может привести к новому и беспрецедентному международному порядку, который может быть опасен и дорогостоящий. Администрация президента США Джо Байдена пришла заполнить геополитический вакуум, созданный предыдущей американской администрацией с целью создания совместного стратегического пространства со странами региона. Американская сторона четко заявила о своей цели быть координационным центром, ведущий к построению внешней политики с идеальными и ценностными принципами в глобальных геополитических пространствах, особенно в ближневосточном пространстве.

В свете этих новых реалий США осознали, что существует насущная и жизненно важная необходимость в более прагматичной американской внешней политике, которая делает ее четкой и понятной, не выходящей за рамки строгого соблюдения односторонних принципов, которые позволяют устанавливать правила и стандарты подходящие высшей американской идеологии. Американская администрация считает, что прагматизм, который она принимает в своей внешней политике, благодаря более ясному видению реального мира должна найти практическое более эффективное воплощение. Эти новые подходы повлияли на американское стратегическое направления по отношению геополитических пространств, связанных с влиянием на национальную безопасность США, особенно в регионе Ближнего Востока.

Геополитика региона Ближнего Востока исходит из конкуренции и борьбы за гегемонию, чем вызвало резкую поляризацию между региональными и международными державами. США усилила свою легитимность в установлении гегемонии - это является одним из приоритетов внешней политики США в настоящее время, в отличие от всех фиксированных стратегических интересов США в регионе Ближнего Востока, таких как безопасность (Израиль, нефть, или политические и военные союзы). БВСА регион различных конфликтов, который угрожает международным интересам в регионе в целом, а не только интересам США, это нашло отражение в разработке и формулировании стратегических вариантов, принятых американской администрацией через призму реальности, происходящих событий и самое главное целью восстановления глобального авторитета.

Таким образом, США направляются к Ближнему Востоку как региону, имеющему для них стратегическое значение, существуют реальные постоянные интересы США, которые обязывают постоянно присутсвовать и вести свою стратегию: борьба с терроризмом, предотвращение распространения оружия массововго уничтожения и содействие экспорта нефти в Европу. США осознает, что если не контролировать и не сдерживать какие-либо события, то это может нанести вред их интересам. Новая администрация США осознает глубину геополитических трасформаций и важные вызовы, с которыми сталкиваются национальные интересы Америки в регионе Ближнего Востока, особенно с учетом множества кризисов и беспорядков, последствия которых выходят за географические границы государства и угрожают его союзникам, помимо изменений в балансе сил на региональном уровне в свете появления региональных и других международных игроков, стремящихся к геополитической конкуренции США в регионе.

Исходя из вышеизложенного, можно сказать, что новые направления внешней политики США в отношении региона Ближнего Востока отражают особенности нового этапа региональных взаимодействий в свете геополитических трансформаций, которые переживает регион, тем более что региональная среда в Ближний Восток является свидетелем конкуренции и конфликта в волях, связанных с целями, где нужно извлечь из этого урок.

Решимость - это столкновение интересов между влиятельными игроками, будь то региональными или международными, сводится к геополитическим представлениям о жизненно важных сферах влияния и сосредоточении внимания в региона, что требует изменения американского видения, основанного на экстраполяции реальности, и, соответственно, администрация США полагается на принятие дипломатического инструмента для решения региональных проблем и удвоение усилий по исправлению дисбаланса в балансе сил в регионе путем пытается решить стратегические вопросы, которые попадают на оси геополитической важности, и это отражается в видении возможного перераспределения своих вооруженных сил в мире, в том числе на Ближнем Востоке.

Геополитика региона Ближнего Востока исходит из конкуренции и борьбы за гегемонию, чем вызвало резкую поляризацию между региональными и международными державами. Исходя из вышеизложенного, можно сказать, что новые направления внешней политики стран Запада и США в отношении региона Ближнего Востока отражают новый этап региональных взаимодействий в свете геополитических трансформаций.

С другой стороны, мы замечаем, политика США всегда придерживается принципа демократии, справедливости, равенства и свободы выражения мнения, которую стремится активизировать и распространить. Помимо принципов хартии прав человека, американские позиции по отношению революций «Арабской весны» анализируется контрастом противоречий позиций и стратегий.

Итак, исходя извышеизложенного анализа позиций США выяснили, что США с крайней осторожностью наблюдали первые дни тунисской и египетской революциях, когда изменение баланса сил началось идти в пользу египетского народа администрация США изменила свою позицию из состояния «крайней осторожности» в состояние «поддержки», ведь США до революций имели тесные отношения с главами этих стран, поэтому положительно отнеслись к революциям в Тунисе и Египте, народы этих стран за короткое время смогли свергнуть свои тиранические режимы. А вот позиции США по отношению Ливии и Сирии ясно стало насколько американские стратегии обладают двойными стандартами. Хоть и эти две страны одинаково допускали серьезные нарушения прав человека, американская реакция в случае с Ливией была жесткой и быстрой с требованием отставки Каддафи и закончилось военной интервенцией НАТО. США возглавил этот военный альянс, в который входил ряд стран, чтобы помочь ливийским повстанцам избавиться от Каддафи. В случае с Сирией реакция не была такой объективной, несмотря на серьезные нарушения, совершенные сирийским режимом в отношении своих граждан. Стратегия США в Сирии была не так жестока по сравнению с Ливией, несмотря на произошедшие нарушения США должны была отреагировать как страна, которая позиционирует себя как поддерживающая права человека и демократию, но они были осторожны и осмотрительны, основывалась на своих стратегических интересах. Соединенные Штаты поставили режим Асада перед

двумя выбором, либо провести реформы, либо отступить. Проанализировав наиболее важные факторы политики США в отношении арабских революций, можно сделать выводы, что позиция Америки в отношении сирийской революции имела долгосрочные видения, а ведь действительно в Сирии ситуация ухудшилась достигнув стадии гражданской войны.

Йеменская и сирийская модели революций очень схожи, но, несмотря на это, США были против любого международного вмешательство внутри Йемена, считая это внутренной проблемой страны, которую они должны решить сами, но в сирийском кризисе США призывала Асада уйти в отставку и хотели вмешаться в Сирию, чтобы положить конец сирийской войне. Фундаментальная проблема заключается в очевидном расхождении в позициях США по отношению к этим народным революциям и протестам, а также в расхождении позиции администрации США по отношению к главам этих стран. Сейчас многие ученые и исследователи полагают, что роль Ближнего Востока в США начала снижаться в пользу Дальнего Востока, однако стоит дать должное, что американская внешняя политика в отношении революций «Арабской весны» сыграла решающую роль в конфликтах на Ближнем Востоке.

Турция

Революции и народные восстания стали сложным испытанием и серьезным вызовом для внешней политики Турции, учитывая интенсивность турецких инвестиций в политической, экономической и культурных сферах на Ближнем Востоке. Турция быстро сориентировались, активизировав динамику действий и определенных механизмов в взаимодействиях с арабскими кризисами. Турция повысила свой авторитет в регионе за счет быстрого экономического роста и политических преобразований путем консолидации демократии.

Турция с исторических времен всегда интересовалась событиям и проблемам происходящих на БВСА, начиная с проблем вторжения США в Ирак и арабо-израильского конфликта, участвовала в попытке прорвать израильскую осаду в секторе Газа, в последствие привела к беспрецедентной напряженности в отношениях с Израилем, зато обрела огромною популярность арабских странах. Турция была открыта всем арабским партиям, будь то на официальном государственном уровне. События «Арабской весны» поставили перед турецкой дипломатией сложные задачи связанные с поддержанием тесных отношений с дружескими арабскими странами. В начале 2011г Анкара стояла между двумя выбором, с одной стороны поддерживала бунтовавший народ, требущий свержение режима, с другой стороны не хотела обижать своих союзников с давних времен. Эти беспрецедентные движения арабских стран стали глобальным вызовом принципам внешней политики Турции, придерживавших принципа не участвовать во внутренних делах других стран. В начале Турция присоединилась к воле и желанию арабских масс добиться реальных демократических преобразований, однако развитие конфликта в Ливии, а потом в Сирии продемонстрировали степень замешательства и опасения Турции относительно путей установления тесных отношений с режимами Муаммаром Каддафи в Ливии и Башаром Асадом в Сирии, учитывая

особый характер политических связей, уровень сложности отношений, высокие цифры человеческих смертей идет как следствие угроза безопасности, которые могли возникнут в результате процесса политических трансформаций в этих двух стран. С этой точки зрения, следует выявить причины расхождения отношении Турции к движениям арабских революций и факторов вызвавшие трансформации отношения Турции к арабском революциям, для того, чтобы выявить их отношения к этим революциям и модели влияния специфики течения истории каждой арабской страны, следует обозначить критерии факторов арабо-турецких отношений и позиции Турции к «Арабской весне».

Чтобы выявить политику и модель влияния Турции на арабский регион следует обозначить критерии факторов и позиции Турции по отношению «Арабской весне». Позиции Турции с начала революций в 2011 году отличались друг от друга в зависимости происходящих событий смотря в какой арабской стране, поэтому изменчивые интересы Турции привели к разным его позициям. Однако экстраполяция характера турецкого подхода к революциям «Арабской весны» показывает, что он был основан на двух основных предположениях, связанных друг с другом, во-первых, события на ближнем Востоке указывают на то, что революции приводят к переменам, к которым нужно адаптироваться без особого сопротивления, а во-вторых, адаптация этим событиям максимизирует интересы Турции в регион на политическом, экономическом уровнях и безопасности страны. Исходя из этого, можно отслеживать наиболее важные факторы, определяющие позицию Турции в отношении революции «Арабской весны», а именно:

1. *Политический фактор.* Несмотря на опасения Турции, что события в арабском регионе приведут к ухудшению отношений с арабскими странами и риску снижения стратегического значения Турции для западного альянса, появление Турции в качестве модели для стран арабского мира вызвало необходимость заново подчеркнуть важность и роль Турции для арабского региона.

В кругу ученых Турции обсуждалось, что «Арабская весна» будет способствовать укреплению «неоосманской» стратегии Турции претворять в жизнь, с тем чтобы Турция могла все глубже интегрироваться с арабскими странами, которые позже как оказались под угрозой контролем и влиянием Османской империи. Эти взгляды ученых полагают, что «неоосманизм» в период после «Арабской весны» основан на двух основных принципах: во-первых, Турция не стремилась использовать «Арабскую весну» как попытку взять на себя контроль арабского народа и политическую жизнь страны, а скорее хотела поддержать процесс демократических преобразований в арабских странах и углубить понимание арабской концепции секуляризма. Также хотела, чтобы арабские страны брали пример с Турции и извлекли пользу от опыта турецкого перехода к демократии. Хотя изменения на Ближнем Востоке во многом отразились на способности Турции реализовать свои стратегии, тем не менее, важность роли Турции в регионе возрасла. Турция сосредоточилась на дипломатии и мягкой силе, чтобы углубить экономическое, культурное и

дипломатическое сотрудничество удвоив свое влияние, в перспективе обеспечив в превращении в крупную региональную державу. В 2002 году после прихода к власти «Партии справедливости и развития» Анкара стремилась улучшить внешнюю политику в регионе и углубить связи с арабскими странами, чтобы максимизировать свое присутствие в арабском регионе.

2. *Экономический фактор*. Турция опасалась, что изменения, происходящие в арабских странах повлияют на огромные инвестиции в этих регионах и политические сдвиги и проблемы безопасности в регионе приведут к экономическим проблемам, которые могут уменьшить обьем турецкого экспорта в арабские страны, может привести к увеличению финансового бремени, что может негативно повлиять на темпы роста экономики Турции. Турция также опасалась экономических последствий арабских революций, особенно в отношении соглашений о свободной торговле, которые она заключила с рядом арабских стран, включая соглашение, подписанное с Египтом и Ливией, а также соглашение о создании общей территории между Ливаном, Сирия, Иордания и Турция, соглашение, которые затем было приостановлено из-за позиции Турции по событиям в Сирии. Турцию также тревожило рост цен на нефть во всем мире, воздействия этого на высокий уровень дефицита торгового баланса, учитывая зависимость Турции от импорта более 90 процентов своих потребностей из-за рубежа. Все эти факты отразились в изменении отношении Турции к революциям «Арабской весны», поскольку она на раннем этапе поддержала как египетскую, так и тунисскую революции из-за небольшого объема турецких инвестиций в этих странах по сравнению, например, с Ливией. Ливийский рынок являлся очень важным рынком за рубежом, после России.

3. *Фактор безопасности.* Фактор безопасности имел ключевой момент в формировании параметров внешней политики Турции еще до прихода к власти «Партии справедливости и развития». Концепция безопасности заключалась в борьбе со внешними угрозами, которые могут повлиять на безопасность и стабильность Турции. Это повлияла на политический подход турецкой власти к арабским революциям, поскольку они были убеждены, что продолжительность революций может повлиять на будущие политические и экономические перемены в регионе и повысит угрозу безопасности Турции на Ближнем Востоке. Основа этого убеждения была на турецком опыте войны в Ираке в 1990-1991 годах, когда огромные экономические потери и последствия были долгое время. Кроме того добавились опасения связанные с формированием региона северного Ирака и увеличения числа атак «Рабочей партии Курдистана» (РПК) против Турции с иракской территории, также существуют опасения связаны с возрастающей роли Ирана в Ираке, этим удвоив безопасность и политические проблемы для Анкары.

В начале арабских беспорядков Анкара приняла первостепенные решения: во-первых используя свое политическое влияние вновь задействовать роль Турции в обеспечении региональной стабильности, во-вторых, решить проблемы инвестиций и проблемы экономического кризиса, в третьих,

координировать сирийский кризис, особенно радикальные религиозные течения, присутствие которых на арабской политической сцене сильно усилилось.

Во время начало «Арабской весны» Турция стремилась положить конец накопившейся напряженности с бывшим египетским режимом, с одной стороны, поддерживала египетских демонстрантов, с другой стороны, укрепляла отношения с властью, которые привели бы к сотрудничеству в области военной безопасности. Они рассчитывали на то, что египетски-турецкое сближение восстановит региональные механизмы безопасности и изменит карту региональных союзов в регионе. Что касается ливийского досье, то отказ Турции от тесного союза с режимом Каддафи и ее активная дипломатия в отношении Ливии в постколониальный период сыграли важную роль в облегчении задачи заключения политических компаний и крупных экономических соглашений с новым ливийским режимом. Что касается Сирии, Анкара решила отказаться от поддержки режима Башара Асада, несмотря на тесные личные отношения, которые связывали Эрдогана с Асадом и несмотря на сложные политические и экономические отношения с «баасистским режиме». После того как Анкара пришла к убеждению, что Асад не будет проводить радикальных реформ, которые спасут его режим и подтолкнут Сирию к переходу к демократии, в ответ на чаяния сирийского народа. Турция была полна решимости поддержать сирийский народ и сосредоточить внимание на укреплении его отношения с партнерами в постасадовскую эпоху.

Из мониторинга и анализа ясно, что Турция поддерживает «Братьев-мусульман» и другие экстремистские группировки, поощряя их к политической работе имея весьма прагматичный подход, стараясь извлечь выгоду из этого. Ряд членов турецкой «Партии справедливости и развития» проявляли активность разослав приглашения ряду представителей исламских течений и партий посетить Анкару. Турция заявляла, что вмешательства государства в жизнь граждан посредством исламских принципов - это проблема, которую они преодолели со временем. Стратегия Турции в поддержке опыта участия исламистов в арабской политической работе проявилась в речи Эрдогана - во время его визита в Египет, Ливию и Тунис, говоря о турецком секуляризме, он указал, что их секуляризм не отличается и не противоречит исламской идентичности, за что оказался под шквалом критики.

Что касается Сирии как страны, находящей наиболее близко к Турции, границы которых простираются примерно на 877 км, заинтересованность Турции в стабильности Сирии была высока. Опасность было в многовекторности сирийской диаспоры с его политическими и социальными аспектами, этно-конфессиональными проблемами, касательно как алавитов, так и курдов. Были опасения по поводу того, что кризис переместится к ее южным границам, если ситуация с безопасностью выйдет из-под контроля или перерастет в военный конфликт между западными державами и Сирией.

Что касается ситуации в Бахрейне и Йемене, было опасение того, что кризис превратится в межрелигиозный и межконфессиональный конфликт,

который будет иметь региональные масштабы, особенно в свете усиления политического и дипломатического противостояния между многими странами Персидского залива с одной стороны и Ираном с другой.

Исходя из этого, революции «Арабской весны» дали понять, что фактор безопасности по-прежнему является важным компонентом в формировании внешней политики Турции. Это приведет к формированию различных турецких позиций к отношение народных революций, свидетелями которых стал арабский регион.

Модели турецкой позиции в отношении арабских революции были двоякие, в начале революций они поддержали законные требования демонстрантов, выступали за обновления реформ и реального перехода к демократии, только с одним условием, чтобы это происходили мирным путем. Однако обострение событий в Ливии, затем в Сирии заставили Турцию по другому среагировать на ситуации, все зависело от политических интересов, экономических связей и оценок безопасности своей страны. В этом контексте для выявления политики и модели влияния Турции на арабский регион следует обозначить критерии факторов и позиции Турции по отношению «Арабской весне».

Турция не вмешивалась в тунисский кризис, поскольку не ожидалось, что события быстро приведут к падению режима Бен Али и тунисская революция станет началом всех арабских революций. Когда Бен Али покинул территорию Туниса и направился в Саудовскую Аравию, Анкара заявила о своей поддержке тунисской революции.

Ливийская революция раскрыла природу противоречивых позиций Турции. Быстрый круговорот событий в Ливии, особенно обострение противостояния между повстанцами и бывшим ливийским режимом взволновали Анкару и побудила призвать прекращения огня между силовиками Муаммара Каддафи и оппозиции. Все должно было быть в рамках международного права и резолюций ООН, которые могли бы создать угрозы безопасности и стабильности государства. В начале Турция выступала за отклонения требований ливийской оппозицией и удержания власти режима Каддафи, но после того, как в мае 2011 года Каддафи ушел в отставку, произошли изменения турецкого подхода к ливийской ситуации и пересмотру своей позиции. Позиция Турции изменилась от призыва дать возможность для мирного разрешения кризиса и «согласия» международного решения о введении санкций против ливийского режима.

Ливийское досье было серьезным вызовом для внешней политики Турции, учитывая взаимосвязанные описания турецкой политики, которая не хотела выступать в качестве силы, участвующей в военном вмешательстве против Ливии, поскольку противоречила позициям, которые были приняты ранее в отношении арабских революций. К тому же, с лидером ливийской нации были давние дружеские отношения, М.Каддафи ранее учился в Турции, в свое время в 1974 году поддержал Анкару во время военной интервенции на Кипре и

работал укреплением отношений с Турцией, предоставляя ей преференциальные льготы.

Турция считает переходный этап важным этапом для перестройки отношений со странами «Арабской весны», чтобы служить ее жизненно важным интересам в регионе, сосредоточив внимание на политических, экономических и культурных аспектах отношений, что способствовала бы усилению турецкого влияния в арабском регионе и поддержала бы его интересы. Поэтому в целом, турецкие преобразования в направлении ливийского кризиса привели к улучшению отношений между Турцией и Ливийским переходным советом, глава Ливийского переходного совета Мустафа Абдель Джалиль посетил Турцию в декабре 2012 и встретился с Премьер-министром Турции Реджеп Тайип Эрдоганом и президентом Турции Абдулла Гюль. Затем Эрдоган посетил Ливию во время своего турне по странам «Арабской весны». Во время визита Эрдогана были обсуждены вопросы по обеспечению безопасности и продолжения турецких инвестиций в Ливию, подчеркивая заинтересованность Турции в участии в инфраструктурных операциях, таких как строительство школы, аэропорта и полицейских участков.

Позиция по поводу Йеменской революции было «игнорирование», революция в Йемене не вызвала интереса для Турции, не было реального внимания со стороны турецких лидеров и правительства, по сравнению с Египтом, который имеет большой потребительский рынок, богатой нефтью Ливией или перспективным Тунисом.

Позиция по сирийской революции была в виде «трансформации». Позиция Турции постепенно усиливалась по мере обострения событий на БВСА. Турция рассматривала сирийский кризис как внутренний турецкий кризис, больше всего волновало проблема безопасности, в результате обострения конфронтации в Сирии, поэтому она попыталась как можно скорее избежать ухудшения событий и эскалации столкновений между армией и сирийскими гражданами. Турецкая Власть предлагала Башар Асаду пойти на уступки, что позволили бы постепенно наладить внутренние дела Сирию, затем перешла на критику работы и деятельности Башар Асада, призывая его уйти с поста президента. Однако после заключения российско-сирийской сделки с поставкой оружия перспективы Асада остаться у власти увеличились, в результате чего Реджеп Тайип Эрдоган пересмотрел позицию своей страны. Игнорирование сирийскими властями баасистских настроений турецких усилий заставило Анкару осознать, что ее политические интересы требуют приверженности региональной и международной поддержки в отношении кризиса. Стало понятно, что быстрого решения сирийской проблемы не будет.

Турция стала неофициально главным сторонником сирийской оппозиции, обеспечивало прямой переход через свою территорию радикально настроенных боевиков, связанных с «Аль-Каидой», «Джабхат ан-Нусра» и тд. В том числе обеспечивала безопасным убежищем и была каналом снабжения всем необходимом от еды до оружия для боевиков. Иностранные повстанцы из стран

Центральной Азии, России и Кавказа проникли в северную часть Сирии через Турцию [178].

Турцию также обвиняли в поддержке экстремистских боевиков против Курдской группы принадлежащие к Курдской рабочей партии (РПК) на северо-восточной Сирии. Однако турецкое правительство решительно отрицала в своем содействие потоку радикалов.

Курдский вопрос в событиях «Арабской весны» основательно повлиял на политическую и социальную ситуацию в Турции, поставив под угрозу внутренний этнический баланс в Турции. Анкара очень опасалась последствий событий в Сирии в свете национальной безопасности страны, хоть и желала отставки Башар Асада, однако в первую очередь стремилась поддержать оппозицию, чтобы избежать катастрофы межконфессиональной войны.

Курды – один из крупных по численности народов сильно пострадали с начала революций «Арабской весны» и сирийского кризиса. Курдская сторона, состоящая из Рабочей партии Курдистана (РПК) в Турции и ее сирийского ответвления, Партии демократического союза (PYD), вела борьбу с радикальными группировками «Джабхат ан-Нусра» и ИГИЛ. С одной стороны, эти столкновения основывались на экономических интересах – ресурсов газа и нефти, с другой стороны в идеологических спорах – курды продвигали стремление к светской демократической система и были за гендерное равенство, в то время как исламисты хотели установить халифат на основе шариата.

Курдские ополченцы в Сирии объявили о создании временной автономной администрации в северо-восточном регионе Сирии, чем вызвали гнев повстанцев, которые обвинили курдов в сговоре с Башар Асадом. В ответ на заявление курдов Сирийский национальный совет опубликовал заявление, в котором говорится, что «PYD является враждебной группой к сирийской революции ... Его декларация самоуправления представляет собой сепаратистский акт, разрушающий любые отношения с сирийским народом, который борются за создание свободного, единого и независимого государства» [179]. На что курды были возмущены таким обвинениям, они давно хотели создать автономный регион, аналогичный курдского автономного округа на севере Ирака. В попытке ослабить напряженность президент Иракского Курдистана призвал курдов в Турции поддержать турецкую мирную инициативу, чтобы положить конец трем десятилетиям конфликта.

Поскольку Турция имеет большие границы и Сирией приток сирийских беженцев удвоил проблемы, по официальным данным Анкара тратит 40 миллионов долларов в месяц на оказание помощи беженцам. Также Турция понесла тяжелые экономические трафики с границей с Сирией. Соседний Ирак также периодически блокировал торговые пути с Турцией в знак протеста против сближения Анкары с иракскими курдами.

Можно сказать, что политические детерминанты характера роли Турции в регионе определяли меняющиеся модели внешней политики в отношении арабских страны. Турецкий поход, был основан на двух странах Египет и

Тунисе, во-вторых, противостоять внешнему вмешательству, особенно иранскому и их негативному воздействию и последствий для регионов.

Итак, в отношении арабских революций Турция меняла свои позиции учитывая последствия национальным интересам страны, основанные на двух важных составляющихся, с одной стороны фактор безопасности с межэтническими и экстремистскими проблемами, с другой стороны экономический фактор. В целом, в период «Арабской весны» Турция предприняла все усилия, чтобы устоять и выровнить региональный баланс между США, Ираном и арабским миром. Турция стремилась поддержать процесс демократических преобразований в арабских странах и углубить понимание арабской концепции секуляризма. Действовала мягко и дипломатично, всегда стремилась улучшить внешнюю политику в регионе и углубить связи с арабскими странами, чтобы максимизировать свое присутствие в регионе.

Исходя из этого, можно отследить наиболее важные факторы, определяющие позицию Турции в отношении революции «Арабской весны»:

- поддержка арабского народа в их стремлениях к переменам, демократии и свободе;

- сохранение стабильности и безопасности арабских стран, где были революции. Турция считает, что перемены должны происходить мирным путем, безопасность и свобода не должны идти как альтернатива;

- Турция против внешнего, особенно военного вмешательства в арабские страны, чтобы избежать повторения трагедии Ирака и Афганистана, дабы не подвергать арабские страны опасности оккупации или раздела;

- Турция за предоставление помощи и поддержки для системных преобразованный в соответствии с внутренними условиями, характерными для каждой арабской страны;

- забота о высших национальных интересах Турции, главными из которых являются инвестиции и экономические интересы, а также сохранение жизни и стабильности турецких граждан;

- полагаться на международную законность и действовать в рамках международного права и резолюции ООН;

- не вооружать какую-либо арабскую страну и ограничивать роль Турции непобедимы гуманитарными задачами и выполнением работ по оказанию помощи;

- принимая во внимание неприкосновенность частной жизни каждой страны, ее обстоятельства, ее внутреннюю ситуацию, ее внешние отношения и взаимосвязанные с ней интересы Турции.

Иран

Иран – страна, которая на Ближнем Востоке рассматривается неоднозначно. По своему географическому расположению Иран граничит с Ираком и странами Персидского залива, что уже само по себе создает определенные сложности при принятия внешнеполитических решений Тегераном с одной стороны, и арабскими странами Залива, с другой. С давних

времен Иран в силу разновекторности политической ориентации считается незаменимым региональным игроком на Ближнем Востоке. После исламской революции 1979 года его роль в регионе заметно возросла, и как отмечают многие исследователи, стала проявлять стремление к доминированию в регионе и вести активную внешнею политику. На волне сопротивления революции внутри арабских государства, Иран поддержал революции в арабском мире и попытался распространить модель иранского проекта в регионе (свободной от Соединенных Штатов и Израиля).

По мнению Тегерана, его региональные шаги и его растущий интерес к арабскому региону в целом, может привести к стабилизации его политической роли в области безопасности в регионе и повысить его стратегическое значение в мировом порядке. Таким образом, роль Ирана в региональной политике усилилась. Особенно сильно это стало заметно после революций «Арабской весны». Все это время иранское влияние в регионе только росло. Стремление Ирана занять лидирующую позицию на Ближнем Востоке породило множество проблем и стала восприниматься в арабском мире, как угроза, тем самым став источником, угрожающей безопасности и стабильности ближневосточного региона.

Следует отметить, что внешняя политика Ирана характеризуется сложной и разновекторной природой, где со всей сложностью проявляются как религиозные, так и националистические аспекты. Различные детерминанты Ирана связанные с его интересами и целями, ролью в мировой политике, системе, все это отражается во внешней политике Тегерана в отношении арабских стран.

Так, например, в ст. 152 Конституции Ирана, определяющей внешнеполитический курс страны, говорится, что: «Внешняя политика Исламской Республики Иран основывается на отрицании всяческого господства над Ираном либо со стороны Ирана, сохранении независимости во всех сферах и территориальной целостности, защите прав всех мусульман и неприятии на себя обязательств перед гегемонистскими державами и на мирных взаимоотношениях с государствами, не имеющими враждебных намерений в отношении Ирана» [180]. В свою очередь в 16 пункте ст. 3 разъясняются цели, которым правительство Ирана должно следовать для их достижения: «организовать внешнюю политику страны на основе исламских стандартов и братских обязательств по отношению ко всем мусульманам и полной защиты прав мусульман во всем мире, за любую законную борьбу эксплуатируемых народов против их угнетателей и даже может предоставить убежище лицам, ищущим убежища в Иране» [180]. Рассматривая данный пункт этой Статьи Конституции Ирана, необходимо посмотреть на сами цели, которые представлены в ст. 2, а это система правления ИРИ, основанная на вере в основные принципы шиитского ислама. На основе этой статьи Иран, по мнению его внешнеполитического ведомства, ради защиты шиитских меньшинств проживающих вне пределов страны, имеет право вмешиваться в каждую страну, где проживает шиитское сообщество. Поскольку в странах

Персидского залива имеются немногочисленные шиитские диаспоры, то влияние Ирана на политическую ситуацию в арабских странах Персидского залива и Леванты будет всегда оставаться в центре внимания официального Тегерана.

Поскольку Иран взял на себя задачу внедрения принципов исламской революции заграницу, по факту в страны Ближнего Востока, в попытке взять на себя лидерство в регионе и распространить идею исламского халифата, то внешняя политика направлена в соответствии с религиозными и межконфессиональными измерениями, все зависит от метода эскалации напряженности и факторов, которые способствуют распространению раскола, как это произошло в Ираке.

Принципы иранских национальных интересов представляет собой наиболее важный двигатель его внешней политики, которая основывается в первую очередь, на сохранение своей стратегической и экономической позиции в качестве инструментов для защиты своих интересов заключается в принципе усиления мощи Ирана и его регионального влияния через его стремление к гегемонии и контролю на Ближнем Востоке, при этом навязывание своего лидерства арабскому региону, также контроль и влияние на морские судоходные пути и самое главная цель – это забота и защита шиитов. Иран предоставил материальную и военную поддержку для формирования шиитских сил в регионе. Иранский проект основан на аспектах идеологии и безопасности.

Доктринальный аспект представлен в вере Тегерана в неизбежность создания исламского халифата, который будет включать все мусульманские страны под своим знаменем, даже ради этого будет необходимость агрессивных действий для достижения этого. Иран также подтверждает своим религиозным дискурсом, что послание о том, что исламская революция несет то, что миру нужно в настоящее время, отсюда и идея экспорта революции в качестве обязательной религиозной обязанности.

Что касается аспекта безопасности, то он проистекает из его страха перед проектом Большого Ближнего Востока, который был предложен США после оккупации Ирака в попытке навязать свое влияние в арабском регионе. Вот почему Иран стремился создать себе региональную роль в отсутствие арабского национального проекта, с одной стороны и колебания американской политики в регионе. В результате Иран во время «Арабской весны» стремился «развить» свои отношения со странами Персидского залива и многими другими арабскими странами Иордания, Марокко, Тунис и Судан, и вмешался во внутренние дела и связывал стабильность этих обществ с принятием роли Ирана в регионе и попытками трансформировать конфликты в регионе через национализм, чтобы играть важную роль в регионе. Иранская политическая риторика в целом противоречит политике США в Персидском заливе.

Планы Ирана основаны на предпосылках того, что баланс террора в Персидском заливе и иранское присутствие на Ближнем Востоке заставят Вашингтон признать Иран как более важным региональным партнером и, таким образом, разделит интересы и влияние в регионе. Иранский проект в арабском

регионе многовекторный: противостояние странам Персидского залива, арабский Машрик, военный потенциал, который может быть нацелен на стратегические интересы Запада в регионе Персидского залива. Самое главное, это ядерный потенциал, который считается самым важным. Иран хочет развить ядерный потенциал, чтобы использовать его для защиты себя на международной арене и укрепить свои позиции на мировой арене.

В соответствии с этим разделением мы видим, что иранский проект различает регион Персидского залива и регион арабского Машрика, и это различие вдохновлено реальностью арабского региона, где характеристики первого региона отличаются от второго с точки зрения финансового положения, возможности, запасы энергии, факторы населения и военные возможности. То, что арабский регион является свидетелем в настоящее время и роль Ирана в этом является лучшим доказательством, поскольку иранские действия различались, как и стратегия, которой следовали в обоих регионах.

Регион Персидского залива является основой иранской стратегии, которая была квалифицирована для роста роли Ирана. Это связано с двумя факторами: один из них восходит к историческим корням отношений между ними, а другой – к текущей ситуации и увеличение вооруженных сил Ирана групп, лидеров и отдельных лиц в этих странах. Иранское вмешательство во многие арабские государства Персидского залива стало очевидным, поскольку ему удалось проникнуть в большинство стран Персидского залива, таких как Ирак, Ливан, Йемен, Саудовская Аравия, а также его союзник Сирия.

Что касается стран арабского Машрика, отношения между ними не были ясными, и мы не видели иранского проникновения ни в одну из этих стран, но с революциями «Арабской весны» иранская роль стала активной в арабском регионе и начало берет с арабского Машрика.

Зная природу иранского проекта, можно определить настоящие цели, стоящие за этим проектом, а именно:

- защита национальной безопасности Ирана.
- идеологический аспект, экспорт исламской революции;
- защита шиитской диаспоры;
- освящение гегемонии над арабским регионом, считая арабский режим самым слабым звеном после вторжения и оккупации Ирака;
- поднять международный авторитет, получить максимальную выгоду и продолжить свою ядерную программу.

Инструменты иранского проекта.

Для достижения целей своего проекта, распространения шиитской идеологии и проникновения в арабские страны, исходя из принципа цели, оправдывающей средства Иран принял множество различных механизмов и методов, которые можно разделить на категории на основе «мягкой и жесткой силы». «Мягкая сила» применяется в виде пропаганды в СМИ, в культурных мероприятиях, в распространении книг и журналов и тд, этим продвигают принципы и реализуют цели действующей власти. Также использование более агресивных методов, таких как электронная война и дезинформация, поскольку

у Ирана есть самая большая медиа-империя на региональном уровне и одна из крупнейших медиа-империй, Фонда IRIB в Азии. «Жесткая сила» – это защитный механизм для защиты жизненно важных национальных интересов, Иран защищает свои позиции и положение в и регионе, и во всем мире.

Что касается «жесткой силы», то существуют следущие механизмы:

Военный инструмент: Иран использует его в своем продолжающимся конфликте в регионе. С помощью этого инструмента или намека на его использование он оказывает давление на арабские страны и их руководство и оказывает на них политическое и психологическое влияние. Иран превратился в крупную военную державу в регионе, которая выделяется во многих военных областях и стал источником угроз национальной безопасности. Это было во время войны с Ираком, также косвенное использование проявлялась в том, что происходит в Сирии, Ливане и Йемене.

Ядерные технологии: Иран настаивает на обладание ядерными технологиями, потому что он считает, что ядерное оружие усилит роль Ирана и сделает его региональной державой с огромным авторитетом. Иран стремится продолжить усилия, направленные на развитие своей ядерной программы, оружия, которое даст ему мощную силу в регионе, поскольку его обладание делает Иран ядерным аналогом самого мощного и влиятельной страны региона во главе с Израилем, что, безусловно, изменит военный баланс во всем регионе.

С другой стороны, был использован другой инструмент, который заключается в опоре на некоторые местные силы, поскольку Иран задействовал ряд арабских держав, которые работают над реализацией проекта и достижениях целей. Среди этих сил:

1) Ливанская Хезболла, которая считается одной из самых важных сил, поддерживающих Иран, чья роль стала влиятельной. Во время военной агрессии против Ливана в 2006 году, когда Иран поддерживал его политически, военно и морально, и этот альянс обошел его, чтобы позволить Ирану вмешаться нацелиться на военные объекты на севере Израиля.

2) Палестинское движение ХАМАС, который стремился укрепить свои стратегические отношения с Ираном и Сирией после того, как его правительство подверглось международному бойкоту под руководством США, в дополнение к оговоркам ряда арабских стран в отношении действий с ним в рамках давление со стороны США.

3) Шиитские движения в Ираке, некоторые политические партии и движения поддерживают отличные отношения с Ираном, особенно в связи с растущим влиянием Ирана в Ираке после смены правительства после оккупации, а также с присутствием шиитского большинства и присутствием иранских властей. Стражи исламской революции в Ираке.

4) Хуситы в Йемене, поддерживая хуситов, Иран в противостояние Саудовской Аравии и укрепление своего влияния на Ближнем Востоке преследует свои стратегические интересы.

С момента возникновения Исламской революции и до настоящего времени внешняя политика Ирана в отношении арабского региона прошла три этапа, и

каждый из этих этапов характеризуется разными моделями взаимоотношений и политики страны:

Первый этап (1979–1989 гг.). Первый этап берет начала перехода государственного строя Ирана из монархии в республику. На этом этапе духовный лидер Аятолла Хомейни предпринял значительное количество стратегических инициатив во внутренний и внешней политики. Он наладил отношения с арабским миром и предоставил политическую альтернативу в интересах народа. Конституция определила для Ирана общие и частные рамки, определяющие внешнюю политику Ирана по отношению арабских стран, в противовес влиянию политики США и Израиля и государств исповедующих ислам сунитского толка.

Когда произошла ирако-иранская война, отношения между Ираном и арабскими странами стали напряженными. Большинство арабских стран выступили против войны, опасаясь победы Ирана и как следствие пропаганды идей иранской революции в виде распространения ислама шиитского толка, а также угрозы крушения монархических режимов.

Второй этап: (1990–2011 гг.). Войны в Персидском заливе «Буря в пустыне» сыграло важную роль в пересмотре политики Ирана по отношению арабского региона.

Этот этап был отмечен рядом событий, которые увеличили мощь и влияние Ирана в арабском регионе. Одним из наиболее важных из них была американская оккупация Ирака в 2003 году. Иран стремился создать «шиитский Ирак», чтобы стать его стратегическим союзником в регионе и укрепить свою роль и влияние в экономическом и политическом сферах страны. Это открыло бы путь для проникновения Ирана в Ирак, а оттуда во весь арабский регион.

После того, как Иран смог контролировать Ирак, его влияние расширилось и появилось в ряде арабских стран, к примеру в Ливане, Иран поддерживал движение сопротивления «Хезболла» до тех пор, пока они не стали самостоятельной влиятельной силой внутри Ливана. Затем Иран поддержал «хуситов» в Йемене, которые требовали разделения страны, были и другие вмешательства в Бахрейне, Кувейте и Саудовской Аравии, особенно стоит отметить тесные отношения с правящим режимом Сирии.

Напряженность между Ираном и арабскими странами усилилась с появлением первой ядерной программы, которая помогла усилить влияния Ирана на Ближнем Востоке. Это привело бы к угрозе существующим арабским политическим режимам. Арабские страны стали заключать соглашения с зарубежными странами, чтобы противостоять ядерному проекту Ирана.

Третий этап: революции «Арабской весны». Революции «Арабской весны» оказали большое влияние на внешнюю политику Ирана, поскольку Иран видел в этих революциях великую победу своей политической ориентации, ведь в основе его внешней политики лежала поддержка простого народа по модели иранского революции 1979 года. Иран поддерживал большинство революций произошедших в арабском регионе и эта поддержка продолжалась с приходом к власти в некоторых странах политического ислама. Одним из плюсов

революции «Арабской весны» для Ирана является то, что революции отвлекли Запад от них дав ему возможность развить свой ядерный потенциал и добиться прогресса в проектах по обогащению урана.

Реакции Ирана была разной на события «Арабской весны». Иран поддержал революции в Египте, Тунисе и Ливии, поскольку видел в этом продолжение иранской революции и это отражало его позицию в отношении того, что происходило в стране. А вот что касается Сирии вместо того, чтобы поддержать сирийскую оппозицию, Иран начал поддерживать сирийский режим и принимать их точку зрения публикуя и говоря об этом в своих выступлениях и СМИ. Когда революция коснулась его союзников, позиция Ирана полностью изменилась, а вместе с ней изменились и цели ее внешней политики. Сирия была первым и главным союзником Ирана во всем арабском регионе, поэтому для Ирана было естественно поддержать своего старого друга.

Политика «двойных стандартов» Ирана стала причиной снижения авторитета в арабском регионе, политика, основанная на принципе поддержки угнетенных обошла Сирию. Иран подвергся жесткой критике за то, что его декларируемая внешняя политика основана на лжи, за то, что использует религиозный дискурс и концепцию Исламской революции только для достижения своих собственных политических целей и интересов.

Иран играет четкую и активную роль в арабском регионе только после революций «Арабской весны». Естественно, что присутствие Ирана в любой арабской стране преследует ряд целей и интересов, направленные на реализацию исламского проекта, сопутствующее господство шиитской доктрины, за которыми следуют другие интересы, которые различаются в зависимости от страны и обстоятельств.

Цели Ирана заключались:

1. Сохранение правления Башара Асада как можно на долгий срок. Сирия представляет собой крупнейшего союзника Ирана в арабском регионе, а сирийский режим – один из важнейших региональных инструментов сдерживания, обеспечивающих усиление Ирана в достижении его стратегических целей в регионе, а также его способность достичь региональной стабильности. В результате Иран стремится поддержать режим Башара и укрепить его перед лицом «Свободной сирийской армии» и предоставить ему все средства поддержки.

2. Предотвращение установления суннитского режима в Сирии. Иран считает, что падение Асадовского режима приведет к созданию суннитского правительства из-за присутствия Исламского государства (ИГИЛ) в Ираке и Сирии. По их мнению, если у власти будет правительство суннитского толка, то оно обязательно будет враждебно настроено по отношению к Ирану. Это конечно же не в интересах Ирана, потому что это ограничит роль шиитов в Сирии и перережет маршруты поставок оружий для шиитских союзников в Ливане через сирийскую территорию.

С самого начала революции Иран занял оборонительную позицию по Сирии. Верховный лидер Ирана заявил, что демонстрации в Сирии отличаются от демонстраций в других арабских странах, что происходящее это не то что иное, как иностранный заговор, направленный Соединенными Штатами, Израилем и их союзниками в Сирию [181]. Эта позиция Ирана основана на страхе перед какими-либо изменениями в сирийском режиме, последствия, которых могут изменить карту баланса сил в регионе и потерю крупнейших союзников. Крах сирийского режима приведет гибели иранской стратегии в регионе, поэтому Иран всеми силами стремился вывести сирийский режим из кризиса. На этой основе иранская позиция сместилась с моральной поддержки на финансовую, политическую и военную поддержку, поскольку Иран снабжал сирийскую армию оружием, техникой и поддерживал легитимность режима на официальном уровне. Поддержка заключалась в отправке солдат Иранской революционной гвардий для подавления протестующих и противостоять политическому давлению на сирийский режим.

Саудовская Аравия, Катар и Турция являются одними из самых важных региональных держав, которые берут на себя усилия по разрешению сирийского кризиса, Катар выступил с инициативой, предложенной принцем Тамимом бен Хамадом перед 70-й сессией Генеральной Ассамблеи ООН в сентябре 2015 года, в котором он предложил начать конструктивный диалог между странами Персидского залива и Ираном, который прошел в Дохе. Однако эта инициатива вызвала широкую дискуссию между сторонниками и противниками в арабских странах. Что касается Саудовской Аравии, поскольку она оказывала политическую и военную поддержку сирийским оппозиционным силам, то с приходом к власти короля Салмана эта поддержка резко возросла, так как целью ар-Рияда стало избавление от Башара Асада. Велись переговоры о саудовско-турецком альянсе для проведения военной интервенции в Сирии, под предлогом борьбы с терроризмом и экстремизмом. Однако после переплетения множественных сложностей и различных факторов разговоры о военном вмешательстве в Сирию после прихода России остались лишь на словах.

После запроса Башара Асада об оказании срочной помощи от Москвы и после заявления Кремля о предоставлении мандата на развертывание вооруженных сил в Сирии, Россия спустя пяти лет от начала «Арабской весны» решила вмешаться в сирийский кризис. Путин объявил о желании противостоять Исламскому Государству в Сирии и создать настоящий альянс Сирия – Иран – Ирак – Россия. Естественно, что это вмешательство еще больше усложнила сирийский кризис, но в итоге разгромила ИГИЛ и другие радикальные группировки.

Цель иранской интервенции в Йемене является поддержка и защита хуситов. Сложное и неоднородное движение хуситов зародилось в 1986 году в провинции Саада на севере Йемена, в начале это было общественное движение под названием «Союз молодежи», цель которых заключалась в обучении молодежи правильной доктрины заидизма (последователи Зайда бен Али,

потомок Пророка Мухаммада(с.а.с)). Хуситы выступают за зейдитскую политико-религиозную автономию и являются явными защитниками интересов шиитов. Это доктрина распрастронена в большинстве в северном Йемене, к которому принадлежит бывший президент Али Абдулла Салех. По ходу эволюции «Арабской весны» это движение превратилось в националистическое, антиимпериалистическое, антизападное и антисемитское военное движение. Хуситы всегда обвинялись за то, что хотели установить исламскую теократию шиитского образца и востановить систему имаматов.

Начало политического кризиса между хуситами и правительством наступило тогда, когда Хусейн Бадр Аль-Хути, лидер движения, объявил о своем уходе из республиканской системы на основании того факта, что правительство пришло к власти в результате военного переворота, который свергнул правление имама, следовавший за сектой Зайди, поэтому он хотел применить систему имаматов в власти. В результате правительство Йемена отреагировало, выдвинув многочисленные обвинения против движения, в том числе подстрекательство к насилию, попытка создать вооруженную группировку, получение поддержки со стороны Ирана и «Хезболлы», распространение шиитской секты. С тех пор (2004 г.). по настоящее время кризис только усилился и превратился в прямой конфликт.

С момента возникновения первой искры прямого конфликта между йеменской армии и хуситами произошли ожесточенные бои, в результате которых погибло большое количество людей. Президент Йемена выступил с инициативой заключить сделку, основанную на предоставление членам ополченцев общей амнистии, чтобы они сложили оружие и сдались, но хуситы отвергли эту инициативу и конфликт возобновился. Катар достиг соглашения о прекращении вооруженных операций между двумя сторонами в рамках так называемого «Дохинского соглашения», которое включало ряд шагов и взаимных процессов к примирению. На какое то время это помогло снизить напряженность и конфликт, создав атмосферу для улучшения отношений между двумя сторонами, но вскоре соглашение было разорвано, что привело к возобновлению конфликта.

Опасность иранского присутствия в Йемене заключается в том, что Иран поддерживает и финансирует некоторые политические течения и вооруженные движения оружием и финанасовой помощью. Помимо того, что он помогает своим союзникам-хуситам на севере, он еще поддерживает через некоторых лидеров сепаратистское движение на юге страны.

Позиция Ирана развивалась вместе с революционными событиями, происходившими в Йемене прошла через четыре этапа:

1. В начале Иран поддерживал революцию и описывал ее как естественное продолжение исламской революции в Тегеране, и как результат благодаря этой поддержке хуситы вышли на улицу, но это длилась недолго. В течение долгого времени позиция Ирана и его союзников по отношению к революции изменилась, развитие политических событий пошло по другому руслу Иран

перешел на сторону контрреволюции, заключив союз с бывшим президентом Али Абдуллой Салехом.

2. Все началось с соглашения саудовской инициативы в рамках Совета сотрудничества, после чего Хади Мансур стал президентом Йеменской Республики. Задачи Мансура на этом этапе заключались в реструктуризации силовых и военных агентств, решении вопросов правосудия переходного периода, проведении всеобъемлющего национального диалога, подготовке к разработке новый конституции и проведении новых президентских выборов в 2014 году. Действительно, сессии национального диалога состоялось, а заключительное заседание прошла 25 апреля 2014 года. Оно стало результатом всеобъемлющего документа национального диалога, который содержал несколько глав, посвященных спорным вопросам в Йемене, наиболее важными из которых являются проблема района Саада, национальное примирение и государственное строительство. Среди наиболее важных результатов диалога было внедрение федеральной системы и разделение Йемена на шесть регионов.

3. В 2014 году началась эскалация политического йеменского конфликта, спровоцированные действием «Ансар Аллах (хуситы) при поддержки Ирана. Хуситам удалось осуществить инфильтрацию в вооруженные силы Йемена, в результате военных действий они захватили столицу Сану. После захвата столицы 21 сентября 2014 года было подписано Соглашение о мире и национальном партнерстве, однако хуситы вступив в альянс с бывшим президентом Али Абдуллой Салехом, использовали йеменские военные структуры, внедрив в армию значительное количество своих бойцов установили контроль над ключевыми правительственными объектами. Основные требования хуситов заключались в легитимизации и признании их в политической системе Йемена, внесение поправок в конституции и реформирование сектора безопасности и вооруженных сил.

Все эти события приветствовались и поощрялись Ираном, еще с более большим энтузиазмом оказывал им военную поддержку для достижения большого количества побед. Иран принял делегацию хуситов высокого уровня в Тегеране, открыл авиасообщение между двумя странами из расчета 14 рейсов в неделю. Иранские СМИ прославляли хуситов и передавали новости о том, что Иран достиг побережья Красного моря и Мандебского пролива. Основная цель Ирана с момента прихода хуситов к власти было достижения международного признания хуситов в Йемене, поскольку они стремились к тому, чтобы Иран организовал кампанию по связям с общественностью хуситов, чтобы заблокировать любые международные решения, которые могут быть предложены через страны Персидского залива, во главе с Саудовской Аравией.

4. После того, как хуситы захватили Сану и Йемен попал под контроль Ирана, арабским странам было необходимо обратить внимание на ту опасность, в которой они оказались и предпринять шаги, чтобы попытаться вернуть страну его истинным владельцам и попытаться защитить национальную и региональную безопасность. Новый этап йеменского кризиса начался с военной интервенции Саудовской Аравии. Когда Саудовская Аравия вступила в войну с

Йеменом эти столкновения переросли в региональный уровень конфликта. Иран работал над инициированием соглашения с международным сообществом, чтобы остановить саудовскую агрессию и начать диалог, сформировать коалиционное правительство, поскольку иранские усилия были сосредоточены на приоритете политического решения, но эта инициатива не была одобрена Саудовской Аравией и ее союзников. В результате чего Саудовская Аравиия в сотрудничестве с другими странами сформировали силы арабской коалиции так называемой операции «Решающий шторм» для защиты правительства президента Абд Раббу Мансура от хуситов. В коалицию вошли такие страны как Египет, Марокко, Иордания и Судан, а также пять стран Персидского залива: Саудовская Аравия, Бахрейн, Эмираты, Кувейт, Катар. Султанат Оман не участвовал. Эта буря одержала большую победу благодаря поддержке народного сопротивления и сторонников легитимности.

США поддержали «Решающий шторм» с началом операции они создали «совместную группу планирования», в котором участвовали 45 американских советников, обеспечивали материально-техническую и разведывательную базу военных операций, проводимых странами коалиции. После переворота хуситов Соединенные Штаты предприняли дипломатические усилия по возвращению к переговорам, проголосовали в ООН за одобрение резолюции Совета Безопасности, устанавливающей санкции в отношении лиц, которые препятствовали мирному переходу в Йемене, поддержали режима Абд Раббу Мансур Хади и политического переходного процесса в Йемене.

Таким образом, роль Ирана в арабском регионе сильно возрасла, особенно во время «Арабской всены» она сильно увеличила свою мощь и влияние в мире. В рамках своих попыток вмешательства в арабские страны Иран проводит активную внешнюю политику, которая была определена после революции, и эта политика основана на ряде факторов и принципов, определенные иранской конституцией. Кроме того, политика Ирана не сразу сконструировалась, а прошла через несколько этапов, последним из которых был этап арабских революций, где он раскрыл все свои амбиции в регионе.

В целом, позиции Ирана по отношению революций «Арабской весны» были неоднозначны. Иран поддерживал революции в Египте и Тунисе с самого начала, в этих арабских революциях видел продолжение Исламской революции. Вмешательство Ирана в Сирию отличалось от его вмешательства в Йемен в этом можно увидеть степень противоречия во внешней политике Ирана, принцип политической заинтересованности отличается смотря к какой стране относилось «поддержка слабых». Иранское вмешательство в Сирию имела прямые и четкие цели поддержка режима Башар Асада, Иран отверг сирийских революционеров, рассматривая протестующих как группу террористов и наемников. В Йемене Иран встал на сторону протестующих и поддержал падение режима Абдуллы Салеха, вмешательство было косвенным касалась поддержке хуситов, которые отвергали режим и стремились отделение южной части страны с формированием независимого государства.

Россия

Российская внешняя политика в условиях процесса реструктуризации глобальной системы, претерпевшей фундаментальные изменения, также не осталась в стороне от событий «Арабской весны». За последние годы роль России в регионе возросла до такой степени, что эксперты прозвали ее началом «Путинской эры» на Ближнем Востоке. Для Москвы, как, впрочем, и для других мировых держав Ближний Восток является стратегически очень важным и потенциальной точкой опорой для баланса роли международных держав. Об этом свидетельствует активное участие России как в иракском, сирийском и ливийском кризисе, призывы к нейтралитету во внутреннем конфликте в Йемене, участие российских сотрудников ЧВК в боевых действиях в ряде вооруженных конфликтов на территории арабских стран (Ливия, Судан, Сирия и др.).

Существует ряд факторов, которые объясняют возрастающую роль России в регионе БВСА: во-первых, восстановление баланса сил в регионе, то есть вытеснение США из региона, путем создания группы государств, стоящих на пути сторонников однополярной системы; во-вторых, обеспечение безопасности и предотвращения любой внешней угрозы для российских интересов в регионе. Усиление военных отношений со странами региона и создание на их территории военных баз, имеют для России стратегическое значение, поскольку направлены на противодействие угроз со стороны трансграничных исламистких террористических организаций.

Россия всегда играла важную роль в международной политике, никогда не отступала от своей стратегии и защищала свои интересы. Россия после распада СССР в условиях обострения внутренних кризисов, снижением международного рейтинга и усугубления экономических проблем была в какой то период в упадке, но за последние десятилетия страна стремится к открытому диалогу, консолидации экономической и военной мощи и позицирует себя в качестве крупной международной державы в мире. Внешняя политика России направлена на сохранение ее политической независимости и национальной безопасности, а также на отстаивание и защиту своих экономических и военных интересов. Государство тратит много сил и средств для поддержки своей национальной безопасности и защиты своего регионального суверенитета, развитие своих внешних отношения включая вступление в содружестве организации или с целью развития и повышения уровня экономического благосостояния государства.

В условиях, когда глобальная система движется больше к многополярной чем биполярной системе, стремление к сохранению баланса сил на Ближнем Востоке больше, чем когда-либо прежде. США в эпоху президенства Барака Обамы (2009–2017) старалась избегать участия в имевшихся в тот период кризисах в любой точке мира, включая Ближний Восток, так как уже был негативный опыт американского вмешательства в Ираке и Афганистане в 2000-е гг., которые привели к большим человеческим потерям и финансовым издержкам. Это привело к тому, что среди правящих ближневосточных элит

сложилось мнение, что Вашингтон больше не в состоянии защищать своих союзников и оказывать помощь региону в кризисных ситуациях. Следовательно, в условиях, когда американская роль в регионе БВСА стала ослабевать, Россия решила воспользоваться сложившейся ситуацией и восстановить свою прежнюю роль на Ближнем Востоке, как в период холодной войны, усилив свой внешнеполитический вектор на ближневосточном направлении.

Здесь следует отметить, что внешняя политика России на ближневосточном направлении, помимо политических дивидендов, несет на себе и бремя экономических расходов: это и финансовое бремя, обретенная в результате активного участия России в сирийском кризисе; материальные затраты, связанные с военной помощью сирийским и ливийским правительственным силам; расходы на гуманитарную помощь и т.д. Поскольку, цена российской поддержки режима Башара Асада составляла примерно три миллиона долларов в день, можно представить, какой экономический урон для себя несет сирийская поддержка.

В 2011 году Россия понимала, что «Арабская весна» представляет собой акт протестов внутренних проблем стран Ближнего Востока. К тому же США поддерживала лозунгами демократии, поэтому Россия в начале революций в Тунисе и Египта относилась с определенной степенью осторожностью, была в качестве наблюдателя и соблюдала нейтралитет, не заявляла о своей явной поддержке кого-либо, а просто ожидала исход событий. Однако по ходу нарастаний событий на БВСА российская власть пересмотрела свою политику по арабским конфликтам.

Вмешательство России в сирийский конфликт по просьбе Асада 30 сентября 2015 года, можно рассматривать, как модель стратегического сдерживания, с помощью которой Москве удалось изменить ход событий сирийского кризиса. Россия всегда выступала за сохранения режима Башара Асада и российская военная операция, которая со временем только усилилась, оказало огромную услугу Сирии, особенно после того, как сирийская армия была очень сильно истощена за почти шесть лет противостояния с силами вооруженной оппозиции, ИГИЛ и другими радикальным группировками. Этот фактор побудил Россию повысить уровень своего военного участия, чему способствовало восстановление контроля над центральными регионами и городами Сирии, такими как, Алеппо, со стороны правительственных сил. Улучшение военной ситуации позволило России сохранить свое присутствие и влияние в стране, имеющей стратегическое значение в регионе.

Согласно соглашениям о безопасности между Москвой и Дамаском российские войска получила возможность постоянно находится на территории Сирии, в частности, в порту Тартус и на авиабазе Хамеймим, которая является важнейшим центром российского командования в регионе. Таким образом, прямое военное вмешательство России в сирийский конфликт изменило баланс сил относительно в пользу сил Асада, вызвав гнев США и его союзников, и

ясно продемонстрировало стремление Москвы защитить интересы не только в Сирии, но и свои стратегические цели в регионе.

С начало сирийского кризиса Россия столкнулась с рядом проблем: во-первых, это – финансовое бремя, обретенная в результате внешней экспансии во время сирийского конфликта, материальные затраты связанные с военной помощью и расходами на инфраструктуру вооружений и гуманитарной помощи. Центры очагов арабских вооруженных конфликтов требовали множество финансовых ассигнований, чем усугубляли экономическую ситуацию в России, поскольку, цена российской интервенции в Сирии составляла примерно три миллиона долларов в день. Кроме того, введения западных санкций после аннексии Крыма еще больше усложнило положение. Также была угроза внутренней безопасности – подверженность нападениям транснациональных террористических организаций.

Что касается Ливии, то Москва стремится восстановить свое влияние в стране, которое ослабло после того, как западным странам при поддержке Лиги арабских государств (ЛАГ) удалось нанести военный удар по режиму Каддафи в 2011 году. Значительно были ущемлены и экономические интересы России, поскольку Москва ранее списала большую часть долга Ливии в размере 4,6 млрд долларов США в обмен на предоставление контрактов на железнодорожные, нефтегазовые и другие проекты, стоимость которых оценивалась от 5 до 10 млрд долларов. К тому же, Каддафи предоставил Российскому флоту доступ к порту Бенгази. Следовательно, вмешательство Москвы в ливийский кризис имела свои причины. Ситуция в Ливии сказалась также на потере доходов от контрактов на поставку оружия, оцениваемая согласно некоторым оценкам на сумму более 4 миллиардов долларов. Россия сильно пострадала в финансовом плане после революций, застои ливийской экономики и смерти лидера.

После расширения своего военного присутствия в Сирии в 2015–2016 гг., Россия начала операцию внедрения в Ирак. Для снижения угроз со стороны террористических организаций Россией был заключен союз с Ираном, Ираком и Сирией, информационным центром которого являлся Багдад. Этот новый международный региональный альянс против терроризма возник на фоне неспособности международный коалиции во главе с США достичь тех целей, ради которой и был основан этот альянс, то есть совместное противостояние силам ИГИЛ и других радикальных экстремистко-террористических группировок. Подход Москвы был основан на том, что Ирак предоставляет авиавоздушные зоны и позволяет вооруженным российским самолетам пролететь через воздушное пространство Ирака и Сирии. Российская делегация посетившая Ирак в феврале 2016 г., стала крупнейшим событием регионального значения за многие годы.

Приверженность России нейтралитету в Йемене кажется очевидным. Позиция на невмешательство в йеменский кризис, будь то поддержка законных сил в лице президента Мансура Хади или хуситских ополченцев, объединённых с бывшим президентом Али Абдуллой Салехом, была рациональным

политическим решением. Москва не стала брать на себя роль главного арбитра. С началом операции «Решающая Буря» 26 марта 2015 года, Москва призывала поддержать мирную передачу власти внутри Йемена и призывала к всестороннему диалогу. Президент России Владимир Путин подчеркнул важность немедленного прекращения боевых действий в Йемене и необходимость активизировать роль международного сообщества, включая ООН, для осуществления мирного решения йеменского конфликта и приступить к началу широкого диалога с участием всех политических и религиозных сил в стране.

У России не было стратегических интересов в Йемене по сравнению с Сирией, и российская власть предпочла не участвовать в дополнительных конфликтах на Ближнем Востоке. Если вмешательства России в сирийский конфликт было осуществлено по требованию законного правительства во главе с Башаром Асадом, то в случае с Йеменом дело обстояло иначе, поскольку Россия опасалась, что йеменский кризис может разрушить дружбу со странами Персидского залива, в том числе с Саудовской Аравией и ОАЭ. Поэтому в йеменском кризисе Россия вела себя консервативно и не заявляла о явной поддержке какой-либо из сторон, что позволило ей сохранить свой авторитет без дальнейшего ущерба для взаимоотношений как со странами Персидского залива, так и с Ираном. К тому же, Москва выражала озабоченность по поводу возможности того, что региональные державы, особенно Иран, который поддерживает хуситское ополчение могут быть вовлечены в йеменский конфликт и превратить его в крупномасштабную региональную войну. Кроме того, Россия была обеспокоена тем, что «Решающий шторм» спровоцирует распространение группировки «аль-Каиды» и других террористических организаций на Аравийском полуострове.

Таким образом, анализ действий и стратегии России в регионе Ближнего Востока в результате прокатившихся в странах БВСА революционных событий, свидетельствует о том, что российское участие в политических процессах на Ближнем Востоке носит долгосрочный характер. Вмешательство России в сирийский конфликт можно рассматривать как модель «стратегического сдерживания», с помощью которой Москве удалось изменить ход конфликта. За счёт военного вмешательства в Сирию, Россия смогла в какой-то мере нейтрализовать планы США по измению региональной конфигурации по вашингтонскому сценарию. На наш вгляд, Соединённые Штаты не стали противостоять России, поскольку Вашингтон опасался, что конфликт перейдёт в прямую военную конфронтацию. Цели Москвы в Сирии были прагматичны и понятны: стремление сохранения режима Асада обеспечивало лёгкий путь для расширения российского влияния в регионе с гарантией участия в любом политическом урегулировании как внутри страны, так и вне ее пределов в будущем.

Россия очень сильная сверхдержава, за последние десятилетия нарастила свои вооружения, создала стратегические базы, активизоравала международное сотрудничество против борьбы с транснациональными террористическими

организациями и возобновила торгово-экономические и энергетические проекты. Россия уверенно ведет свои стратегии, защищает свои позиции и противостоит западным санкциям.

Выводы по 2-й главе

Прочно утвердившийся в лексиконе ученых, востоковедов и исследователей термин «Арабская весна» обладает когнитивной тенденцией к интерпретации событий как процесса демократизации по западной модели. Эта метафорическая концептуализация контрастирует с нарративами арабского научного сообщества и СМИ, которые преимущественно использовали более специфичные и обобщающие обозначения, больше говорили о «тунисской», «египетской» или в целом об «арабских революциях» (الثورة العربية).

Сочетание внутренних политических, экономических и социальных факторов «Арабской весны» выступили катализатором для повышения уровня осознания принципов демократии, гражданских прав и активизации спроса на фундаментальные преобразования арабского народа. Арабские революции дестабилизировали структуру авторитарного государства и способствовали ухода власти. Низкие социально – экономические показатели оказали доминирующее влияние на арабскую реальность. Гегемония правительства, репрессивный характер авторитарных режимов, безпринципность власти, коррупция, провал реформ, отсталость экономичиской политики, распространенная безработица, неграмотность и нищеты населения, отсутствие политического плюрализма, демократии и любой формы ротации власти, постоянные фальсификации выборов – все это подорвало легитимность режимов и привела к растущему недовольству людей по отношению к власти. По субъективным и объективным причинам с формальными различиями и характеристиками, можно с уверенностью утверждать, каждая арабская страна, без исключения была кандидатами на революцию «Арабской весны». Протесты начались спонтанно с мирных демонстраций, с небольших собраний после пятничной молитвы, мало-помалу превратились в многомиллионные марши, которым власти не смогли противостоять, в конце концов, шествия трансформировались в революции, а затем в гражданские войны. Революции не выдвигали идеологических требований, не перенимали интересы той или иной политической партии или организации, а требования смены режима и социальной справедливости носили инклюзивный характер и объединяли людей из разных слоев населения.

В данной главе были выявлены социально-экономические детерминаты и внешний фактор. Используя эпистемологический подход, мы исследовали характер, формы и содержания арабских протестов. Корни и причины этих революций – это ядовитая смесь различных факторов, которые привели к социальному, экономическому, политическому взрыву во всем Ближнему Востоку. Учитывая многовекторность детерминат «Арабской весны», мы рассмотрели вопросы экономического и политического развития, роли молодежи, проникнутой либеральными ценностями в контексте глобализации,

роли социальных сетей и внешние факторы, которые впоследствии сыграли огромную роль в ходе революций.

Первоначальная реакция США и ряда стран Запада была риторического характера, выступающая за продвижении демократии и прав человека. По ходу развития событий политика стала более осторожней и фрагментированной, сочетая в себе два основных аспекта: идеалистические (демократия и свобода слова) и прагматические (борьба с терроризмом, Израиль, нефть). Военная интервенция в Ливии в 2011 г. под игидой ООН под мандатом защиты гражданского населения способствовало свержению М.Каддафи, однако привело к вакууму власти, эскалации насилия и фрагментации ливийского государства.

Иран отреагировал на «Арабскую весну» амбивалентно, в первую очередь, придерживалась своим региональным стратегическим интересам и идеологическим принципам. Иран в арабских революциях видел продолжение Исламской революции 1979 г. Главной целью Ирана было защита своих главных региональных союзников, противодействие влиянию США и их союзников, усиление регионального влияния и самое главное, продвижение шиитской оси сопротивления. Вмешательство Ирана сыграла решающую роль в гражданской войне в Сирии, тем самым обострила межконфессиональный конфликт, а интервенция в Йемене привела к гуманитарной катастрофе.

В начале Турция оптимистически приняла демократические преобразования арабского мира. В событиях «Арабской весны» видели свою модель «исламской демократии», но с течением времени турецкая политика стала ориентироваться на защиту собственных интересов: усиление регионального влияния, экономический аспект, защита своих границ и поддержка идеологически близких политических сил. Военные интервенции в Сирии были направлены, в первую очередь, на предотвращение усиления курдских диаспор, а затем только борьбу с терроризмом и экстремизмом. Поддержка Турции определенных политических сил, особенно связанные с «ИГИЛ» и «Братья-мусульмане» привели к эскалации сирийского конфликта и обострила противостояния с другими региональными и международными акторами.

Вмешательство России в сирийский конфликт можно рассматривать как модель «стратегического сдерживания», с помощью которой Москве удалось изменить ход конфликта. Сирии была оказана военная помощь, своим действиями Россия сохранила свои позиции на Ближнем Востоке, оставила за собой военно-стратегические базы, также дала отпор политике США и НАТО. США не стали противостоять России, так как этот конфликт мог перейти в прямую конфронтацию. Цели Москвы в Сирии были прагматичны и понятны, стремление сохранения режима Асада обеспечивала лёгкий путь для расширения российского влияния с гарантией ее участия в любом политическом урегулировании внутри страны в будущем, но привела огромным человеческим жертвам, разрушению и затягиванию конфликта. Сирия стала свидетелем опосредованной войны и международного соперничества между

НАТО возглавляемым США с Европой и Россией с ее союзниками Ираном, Турцией и Китай.

Вмешательство внешних акторов в события «Арабской весны» были обусловлены сложным переплетением геополитических, идеологических и экономических факторов. Действие США, стран Запада, Ирана, Турции и России оказали глубокое и долгосрочное влияние на политическую карту БВСА. Интервенции внешних акторов способствовали эскалации конфликтов, фрагметации государств, росту насилия и межгосударственной напряженности.

3 КАЗАХСТАН В КОНТЕКСТЕ СОБЫТИЙ «АРАБСКОЙ ВЕСНЫ»

3.1 Влияние «Арабской весны» на дерадикализацию и профилактику терроризма и религиозного экстремизма в Казахстане: выводы и рекомендации

«Арабская весна» как политическое событие, ощутимо повлияло на социально-политические и экономические процессы в Центральной Азии (ЦА), послужив в том числе, очередному всплеску радикального исламизма в странах региона, тем самым обозначив проблему возрастания роли религиозного экстремизма как угрозы национальной безопасности Республики Казахстан.

Осмысление внутренней сущности, движущих сил «Арабской весны», ее роли в современной истории стран ЦА, необходимо, поскольку государствам региона очень важно сконцентрироваться на том, какое место они занимают в тех процессах, которые сейчас развиваются в международных отношениях по формированию нового мирового порядка. С началом войны в Сирии в 2011 году резко изменился характер радикальной деятельности не только в Казахстане, но и во всей ЦА. Сирия как магнит притягивала к себе всех иностранных наемников. После событий на Ближнем Востоке многие задавались вопросом: могут ли повториться революции по лекалам «Арабской весны» и возможно ли здесь повторение или продолжение тех процессов и какое значение эти процессы будут иметь в регионе. И самый главный вопрос: Каковы последствия «Арабской весны» и какое место Казахстан занимает сегодня и будут занимать в ближайшие годы в расстановке сил на международной арене, а также, как это будет сказываться на безопасности в регионе? Эти вопросы далеко не праздные, поскольку влияние «Арабской весны» на политическое и экономическое развитие выходит далеко за пределы Ближнего Востока и носит многоплановый характер, так как все, что происходило и продолжает происходить на Ближнем Востоке не может не затрагивать интересы США, России, стран ЕС, Турции, Ирана, Китая и других держав, с которыми государства Центральной Азии связаны международными и геополитическими интересами.

Влияние «Арабской весны» на экономическое и политическое развитие ЦА, в частности на Казахстан, нашло свое отражение в многочисленных публикациях ученых-востоковедов и экспертов-международников, неоднократно рассматривалось на научных конференциях, семинарах и круглых столов, постоянно находится в фокусе внимания лиц принимающих решения политиков и исследователей всего центральноазиатского региона. Анализ уроков «Арабской весны» показывает, что мы должны работать над предотвращением определенных угроз, как для Республики Казахстан, так и для других стран ЦА, поскольку главным вызовом «Арабской весны» для региона стало усиление религиозного экстремизма и международного терроризма.

За событиями на Ближнем Востоке, за их развитием, пристально следили специалисты и широкая общественность в странах ЦА. Многие эксперты в

области международной и внутренней политики начали сопоставлять условия и предпосылки, породившие в арабских странах революционную ситуацию, с условиями в государствах ЦА. Страны арабского мира, арабской цивилизации, имеют как определенные сходства, так и различия с центральноазиатской цивилизацией. Эти различия отражаются в истории, языках, в культурах, в географическом положении, климатических условиях, в экономике и во многом другом. Тем не менее именно определенное сходство, главным образом в культуре, экономической жизни и религии, обуславливают общие черты политической и социально-экономической жизни стран ЦА и стран арабского мира. Среди них следует отметить:

– низкий уровень жизни, большой разрыв доходов среди населения, социальные диспропорции;

– безработица среди молодежи;

– межнациональная и межклановые противоречия;

– низкая эффективность государственных структур и недоверие граждан к органам государственной власти;

– невозможность проведения прозрачных демократических выборов в структуре государственной власти;

– высокий уровень коррупции.

Перечисленные факторы дают повод думать, что события «Арабской весны» могли бы повторится в некоторых центрально-азиатских странах. Изучая причины и вектор развития политической и социально-экономической ситуации в арабских странах, ученые, эксперты и аналитики предположили, что «Арабская весна» при определенных обстоятельствах может распространиться не только на Центрально-Азиатский регион, но даже на Россию. Ряд экспертов в Казахстане до сих пор полагают, что вероятность повтора арабских событий в республиках ЦА довольна высока. «Отсутствие объединительных национальных идей, присущая многим странам региона коррупция, резкое расслоение местных обществ по материальному положению, безработица и нищета подавляющей части населения, помноженные на маргинализацию социума, рост религиозного экстремизма – все эти факторы, вкупе или отдельно, способны сыграть роль детонатора» [182].

Кроме этого, в настоящее время в регионе все еще присутствует проблемы в сфере национальных отношений, различные социально- экономические проблемы, нерешенные до конца спорные пограничные вопросы, прежде всего, между Кыргызстаном и Таджикистаном [4], водно-энергетические проблемы между государствами региона, в результате чего разделились на два лагеря: с одной стороны, водоизбыточный Кыргызстан и Таджикистан, а с другой – вододефицитные Туркменистан, Казахстан и Узбекистан; этнические конфликты, порой перерастающие в открытую вражду. Например, в феврале

[4] 13 марта 2025 года в Бишкеке в резиденции «Ынтымак Ордо» Президенты Кыргызстана Садыр Жапаров и Таджикистана Эмомали Рахмон подписали Соглашение о государственной границе между двумя странами.

2020 года в Казахстане на территории Жамбылской области бытовая перепалка соседей перешла в межэтнический конфликт между казахами и дунганами. Рецидивы этноционализма и трайбализма наблюдаются также в Узбекистане, Таджикистане.

Проблемой для ЦА продолжает оставаться наркотрафик, превративший регион в транзит афганских наркотиков по северному маршруту транспортировки через территорию Казахстана в Россию и далее в Европу. Одним из наиболее серьезных внешних вызовов для Центральной Азии на ближайшую перспективу является афганский фактор, на территории которой нашли прибежище боевики-террористы, постоянно действующие в Северном Афганистане, на границах Таджикистана, Туркменистана и Узбекистана. Угроза, исходящая из Афганистана – это не только идеологическая альтернатива светской государственности в виде радикального ислама, но и нарушение стабильности государств региона [183].

«Исламский ренессанс» в регионе после семидесяти лет атеистического воспитания со стороны советской власти дал свои «ростки» в виде строительства большого количества мечетей, образовательно-просветительских учереждений и исламских организаций/ассоциаций исламистского толка, увеличение количества верующих. Все это вместе спровоцировало рост политического экстремизма, в том числе религиозно мотивированного ерроризма. Так, с 2011 года в странах Центральной Азии имели случаи использования тактики террора в борьбе за политическую власть. При этом самое парадоксальное заключается в том, что эту тактику использует не только оппозиция, но и конкурирующие между собой группировки во власти. Для радикального исламизма, готового к вооруженным выступлениям при малейшей дестабилизации в обществе, это хорошее подспорье.

В связи с тем, что данный вопрос очень актуален странах Центральной Азии, остановимся на ней подробнее.

Так, например, сразу после начала «Арабской весны» значительная часть экспертов-аналитиков, в том числе и ученых-востоковедов, стали говорить и утверждать, что на Ближнем Востоке и вообще в мусульманском мире после падения светских авторитарных режимов к власти придут исламисты, поскольку либеральная демократия западного типа абсолютно неприемлема для традиционных исламских обществ. Поэтому, единственной силой, способной после краха светских диктатур заполнить политический вакуум и структурировать неизбежный хаос, являются исламские фундаменталисты [183].

Так и получилось, что со второй половины 2011 г. ситуация на БВСА начала меняться, плодами революций воспользовались исламисты, которые одержали политические победы: в Египте на парламентских выборах одержали победу «Братья-мусульмане», в Тунисе в октябре 2011 г. исламистская партия «Ан-Нахда», в Йемене полстраны оказалось под контролем радикальных исламистов, а в Ливии к власти пришел Переходный национальный совет, который провозгласил создания исламского государства. С победой

исламистов, полностью легитимировавших свое право на участие в политическом процессе, высказывались предположения, что успехи религиозных партий в арабском регионе не могут пройти бесследно для стран ЦА, поскольку местные исламисты получили импульс для продолжения борьбы за исламизацию общества и государства. И эти утверждения имели на это основания, так как по своему социально-экономическому положению и характеру, установившиеся политические режимы ЦА схожи с арабскими странами. Соответствующие выводы многих экспертов делались и в отношении стран региона. «Таким образом, исламизм в ЦА – перспективная политическая и де-факто легитимная сила, не считаться с которой уже невозможно, особенно принимая во внимание успех исламистов в ходе арабских революций 2011 г., их последующие политические успехи и приход к власти в ряде стран... Исламизм способен формулировать свою внешнюю стратегию, которая отличается от идеологических лозунгов» [184].

Социальную базу исламских экстремистов в ЦА составляют представители самых разных слоев населения. В совокупности с проблемами коррупции, безработицы, высоких цен на продукты питания, сложностями в предпринимательской сфере это может активизировать большое число населения и привести к крайним взглядам радикально ориентированные слои общества. Хотя повышения уровня религиозности населения региона, увеличение количества последователей исламистских организаций, которые ранее не были распространены в регионе – это объективный факт. На территории практически всех государств региона, после начала «Арабской весны» активизировались различные организации, пропагандирующие идеи политического ислама, несмотря на их официальный запрет.

Стоит учесть, что многие радикальные группировки из Центральной Азии направились в Сирию и Ирак. В обстановке геополитического хаоса, когда во многих арабских странах экстремистские организации получили массовую поддержку, у боевиков из ЦА появилась возможность сформировать и расширять свои группировки. При оценке влияния «Арабской весны» на центральноазиатских боевиков можно отметить, что в основном сирийская война привела к их перемещению из Афганистана в Сирию. Сирийская война изменила региональную динамику, так как в результате данного конфликта центральноазиатские террористические группировки приобрели сирийскую направленность.

Уже в 2012 году начали проявляться первые признаки присутствия в Сирии выходцев из ЦА. Последовали видеоматериалы, подтверждающие присутствие выходцев из стран региона в рядах повстанческих группировок, на стороне коалиции экстремистских организаций воевали следующие вооруженные группировки, состоящие из выходцев ЦА: «Таухид аль-Джихад», Исламская партия Туркестана, «Отряд имени имама Бухари», «Катиб» и др. Кроме того, граждане ЦА, чаще всего казахи, таджики и кыргызы, входили в ИГИЛ и «Аль-Каиду». Многие экстремистские движения были сформированы ранее, после распада СССР, в Ферганской долине, своими корнями, уходящими

в джихадитскую идеологию и далее в афганскую войну. Боевики из ЦА прибывали воевать в Сирию, а также в Ирак в основном по идеологическим, либо материально-финансовым причинам. И были опасения, что по возращении на родину они могут сформировать новые радикальные группировки.

«Арабская весна» показала, что социально-экономические проблемы, безработица и коррупция неизбежно ведут к революциям, однако верить в то, что страны ЦА обязательно повторят у себя революции по арабскому сценарию, не стоит. Мы полагаем, что прямое воздействие исламистских экстремистов на ЦА на сегодняшний момент маловероятно. Конечно, угрозы для светской государственности в регионе были достаточно велики, так как потенциал для роста влияния радикальных исламистских группировок существовал и существует. Однако преувеличивать эту угрозу тоже не стоит: события в арабском мире не оказали сколько-нибудь заметного воздействия на регион, но опасность видится в возможном постепенном укоренениии формирования социальных и политических сообществ и объединений, склонных к радикальной деятельности, и это может оказаться очень опасным для стран ЦА, когда идеология экстремизма возводится в норму и даже законное поведение.

3.2 Казахстанская молодежь и проблемы религиозного экстремизма РК

К настоящему времени религиозный экстремизм– это проблема как сильных в экономическом отношении стран Запада, так и слабых стран Востока. Однако в каждой стране существует проблема религиозного экстремизма, в том числе, эта проблема несет серьезную угрозу национальной безопасности Казахстана. Если до обретения независимости в стране господствовала коммунистическая и атеистическая идеология, то в настоящее время ситуация поменялась.

С распадом СССР и «религиозного возрождения», казахстанская молодежь подверглась идеологическому влиянию зарубежных экстремистских центров, что в дальнейшим стало приобретать угрожающий характер. С этого времени в стране постепенно начинают формироваться условия для религиозного экстремизма, которые в дальнейшем приняли форму терроризма и стали одним из факторов, угрожающих общественно-политической ситуации и стабильности в стране. Предпосылки к распространению экстремизма в молодежной среде порождались новыми политическими и социально-экономическими процессами, превратившими молодежь в одну из наиболее уязвимых групп казахстанского общества.

Еще до начала арабких революций в Казахстане сложились основные факторы, способствующие формированию и распространению религиозно-политического экстремизма:

– отсутствие эффективной государственной идеологии и не способность исполнительной власти, включая правоохранительные органы и специальные

службы, организовать эффективную работу по противодействию религиозному экстремизму;

– финансовые и материально-технические проблемы, мешающие реализовать принимаемые в республике нормативные акты, а также практические меры по противодействию исламскому экстремизму (в частности, обеспечить их на должном уровне информационными и кадровыми ресурсами);

– возрастающаяая коррумпированностьь государственных структур;

– отсутствие значимых социально-экономических результатов проводимых реформ, усиление негативных тенденций в социально-экономической сфере;

– прогрессирующая бедность, усиление экономического и социального расслоения населения, низкий уровень доходов населения при возрастающих ценах;

– рост протестных настроений населения, часть которого постепенно склонялась к решению существующих проблем через обращение к исламу;

– рост численности безработной молодежи, отсутствие спроса на специалистов без опыта работы, препятствующие трудоустройству выпускников высших и среднеспециальных образовательных учреждений, в следствие чего, казахстанская молодежь из числа наиболее подверженных к экстремистским идеям оказалась вовлеченной в сеть различных деструктивных религиозно-политических движений;

– географическая близость Казахстана к нестабильным странам и регионам, где сильны позиции политического (радикального) ислама – Афганистан, Пакистан, Северный Кавказ и др.;

– дестабилизация религиозно-политической обстановки в соседних государствах на фоне усиления международного и регионального соперничества за природные ресурсы, контроль над добычей и транспортировкой энергоносителей;

– деятельность зарубежных проповедников-миссионеров, учителей ислама, часть которых исповедовала и пропагандировала идеи радикального ислама;

– низкий уровень религиозного образования и общеобразовательной подготовки не только зарубежных проповедников, но и подавляющей части мусульман Казахстана, их неспособность отличать истинную религиозность от религиозного фанатизма и экстремизма;

– появление салафитских и ваххабитских джамаатов (мадхалитов, суруритов, *такфиритов)*, а также группировок, преследовавших исключительно коммерческие цели, и расширение географии деятельности этих групп с фактическим распространением по территории республики;

– рост числа исламских учреждений, в том числе мечетей, медресе и иных культурных и образовательных центров, где проповедовали далеко не истинный ислам.

– получение образования казахстанской молодежи в учебных заведениях религиозного толка (Египет, Саудовская Аравия, Пакистан, Турция, Иордания и др.).

Приведенные факторы позволяют говорить об устойчивом характере влияния внутренних и внешних источников, не связанных непосредственно с арабскими революциями. Безусловно, бурные потрясения в арабских странах неизбежно отразились на стабильности и безопасности в Центральной Азии. Со схожими проблемами сталкиваются и другие страны мира. Думать, что процессы аналогичные «Арабской весне» невозможны в странах Центральной Азии было бы весьма опрометчиво, поскольку предпосылки для активизации религиозно-мотивированного экстремизма существуют во всех государствах региона. Действительно, после начала революций в арабском мире экстремистские группировки в Казахстане серьезно оживились. Рост числа экстремистов и их идеология привела к вооруженной борьбе против официальной власти, включая методы терроризма. Террористические акции происходили в основном в виде взрывов террористов-смертников, а также вооруженных нападений на учреждения правоохранительной системы, суды, исправительные учреждения и организации массовых беспорядков, перераставших в вооруженные уличные столкновения. В ходе этих происшествий проявились новые экстремистские группировки «Джунуд аль-Халифат» («Солдаты халифата»), «Ансар-уд-дин» («Защитники религии») и др.

О возникновении в Казахстане вооруженного террористического подполья и резкой активизации его деятельности свидетельствует серия терактов 2011–2012 годов. 17 мая 2011 г. впервые в новейшей истории Казахстана произошел теракт в городе Актобе. Затем теракты были зафиксированы в таких крупных городах и областных центрах республики, как Актобе, Атырау, Астана, Алматы, Тараз. Только с мая 2011 г. по осень 2012 г. было совершено 14 терактов, которые повлекли за собой гибель 70 человек (6 – гражданские лица, 13 силовики, 51 террорист) [185]. Ответственность за террористические акты взяла на себя не известная ранее исламистская группировка «Джунуд аль-Халифат», имевшая связи с «Аль-Каидой» и занимавшаяся подготовкой боевиков для этой международной террористической организации. В последние годы из Афганистана и Пакистана в Казахстан активно направлялись боевики, как правило, из числа этнических казахов, с целью вербовки новых членов и давления на власти. Среди экстремистов, участвующих в терроре, немало молодых людей. По экспертным оценкам, в среднем 80% участников организаций экстремистского характера составляют лица в возрасте от 18 до 30 лет. Данные Комитета по правовой статистики и специальнымм учетам Генеральной прокуратуры Республики Казахстан за 2015–2020 гг. свидетельствует, что террористы в Казахстане – это молодые люди, пытавшиеся найти место в жизни и не нашедшие его, чаще всего безработные, не имеющие денег, хорошего образования и перспектив [186].

В 2012–2016 годах в Казахстане активизировались радикальные движения, которые активно привлекали в свои ряды молодежь. Экономический кризис, отсутствие работающих социальных лифтов, проблемы с трудоустройством, коррупцией в местных органах власти могут приводить к радикализации взглядов и предпочтений молодежи. Наиболее характерно это для южных и

западных областей Казахстана, где ислам всегда играл важную роль в общественной жизни.

Экстремизм может проявляться в самых различных формах, и четко перечислить признаки его как социального явления на основе какой-то единой дефиниции, на наш взгляд, невозможно. Вместо этого обратимся к основным чертам реального молодежного экстремизма. В первую очередь, он представляет собой идеологию расовой, национальной, религиозной, политической нетерпимости, которая имеет различные формы проявления. [187]. На наш взгляд, только лишь опираясь на данную норму-дефиницию, невозможно определить признаки экстремизма как социального явления. К основным чертам молодёжного экстремизма, существующим на практике, согласно экспертному опросу, относятся агрессия, интолерантность и негативное отношение к каким-либо социальным группам; пропаганда своих идей, демонстрация определённой символики, выражение своего превосходства, неприятие социальных норм и ценностей; игнорирование законов, а также массовость и групповой характер экстремистских проявлений [188].

Мониторинг распространения экстремизма в молодежной среде

Молодежь становится объектом вербовки и радикализации в террористические организации экстремистского толка. Органы власти понимают, что профилактика экстремизма на ранней стадии является приоритетом, и пропаганда толерантности и плюрализма у молодежи повышают их устойчивость от сетей всевозможных «ловцов душ». Уровень религиозности современной молодежи Республики Казахстан в целом не выходит за рамки общих для всей Центральной Азии тенденций, а имеющиеся, пусть и весьма скромные, эмпирические данные позволяют сделать вполне определенные выводы. Так, в частности, нами были опрошены студенты высших учебных заведений г. Алматы. В опросе участвовали 1012 респондентов, в возрастной категории от 18 до 25 лет. Среди представленной возрастной категории казахи составили 75,6%, русские – 16,2%, представители других национальностей (уйгуры, дунгане, татары и др.) – 8,2%. Респондентам, в частности, задавались вопросы о степени их личной религиозности, об опасности проявления экстремизма в Казахстане и о влиянии мигрантов из соседних стран на уровень экстремизма в республике.

Подавляющее большинство молодых респондентов идентифицировала себя как людей верующих. К «*верующим, но не соблюдающим обычаи и обряды*» отнесли себя 82,1% респондентов, к «*верующим и соблюдающим обычаи и обряды*» – 8,4%. Количество «колеблющихся» составило 7%, к атеистам отнесли себя 2,5%. Исследование показало, что в крупных городах молодежь менее восприимчива к экстремизму. Среди молодых людей г. Алматы 25,7 % составили те, кто не считают себя верующими [189].

Межнациональные отношения в Казахстане характеризовалось как в целом доброжелательные – 85,7%, что неудивительно для многонациональной

республики, где этническая структура населения сформировалась в результате длительного исторического развития. 84% респондентов считают, что многонациональный состав населения республики оказывает позитивное влияние на межконфессиональные отношения, которые характеризуются респондентами, как спокойные.

Данные выводы говорят о том, что в Казахстане мирное население и 78% опрошенных считают, что предпосылки распространению экстремизма отсутствуют. Примерно 12,8% полагают, что угроза есть, но небольшая и маловероятная. Однако 8% участников опроса считают, что проблема экстремизма в республике стоит очень остро. Таким образом, проведенный нами социологический опрос дал более конкретную картину по предпосылкам распространения экстремизма у молодежи Казахстана. В восприятии самой молодежи проблема экстремизма стоит не слишком остро и соответственно, преувеличивать угрозу радикализации было бы ошибочно (рисунок 1).

Рисунок 1- Распределение ответов на вопрос о реальных предпосылках для распространения экстремизма в Казахстане

Тем не менее, на наш взгляд, в регионе существует другая проблема – риски нарастания экстремизма с определенным ростом миграционного потока из соседних стран. Как известно, причины миграции обусловлены поиском работы, сменой образа жизни, улучшением жилищных условий и уровня жизни. К миграции могут привести также стихийные бедствия, политические столкновения, войны и т.д. И основную опасность представляют те мигранты, кто мигрирует с целью распространния религиозно-экстремистских идей и

социального хаоса. Таким образом, Казахстан не может игнорировать те угрозы национальной безопасности, которые исходят от трудовых мигрантов с соседних стран региона, поскольку события на Ближнем Востоке вывели на повестку дня ряд проблем, угрожающих сохранению стабильности и суверенного статуса государств не только в арабских странах, но и в других регионах мира.

Рост социального неравенства в стране активно эксплуатируется внешними игроками, активно финансирующими заброску религиозных эмиссаров в Казахстан. В стране существует два центра террористической активности – Западный и Южный Казахстан, и оба они являются районами преимущественного проживания казахского населения. В северной области страны проживает в большинстве русское население, и по факту она была и остается относительно спокойной. С запада экстремизм и терроризм распространяются под влиянием российского Северного Кавказа, где борьба с радикальными группировками продолжается уже много лет. В регионе Южного Казахстана проживает большое количество узбекского населения. За счет роста нелегальных трудовых иммигрантов происходит быстрое радикализация населения. Таким образом, якобы под прикрытием трудовой миграции, она может стать прямой угрозой для национальной безопасности Казахстана. В представлениях респондентов наибольшая связь фиксируется между трудовой миграцией и угрозой экстремизма. Так, 3,6% опрошенных считают, что проблема экстремизма существует, а 82% считает, что трудовая миграция не может повлиять на межнациональные и межконфессиональные отношения в Казахстане (рисунок 2).

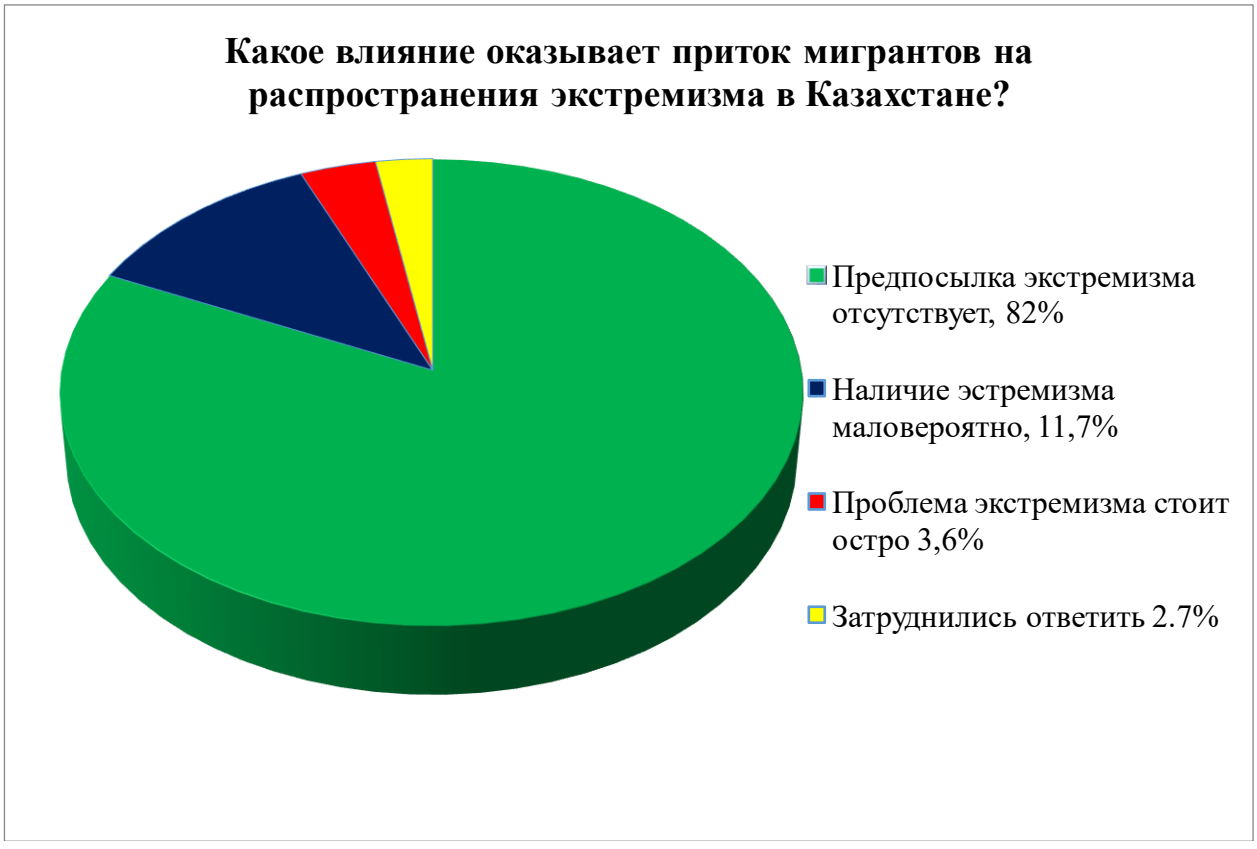

Рисунок 2 – Распределение ответов на вопрос влиянии мигрантов на распространение экстремизма в Казахстане

Из проведенного опроса следует вывод, что трудовая миграция является одним из путей распространения экстремизма. Однако к чрезмерным опасениям по поводу возросшего внешнего влияния исламского фактора на нашу страну следует относиться с определенной долей скептицизма. Модель «Арабской весны» неприменима к Республике Казахстан.

Сравнительный анализ приведенных выше результатов социологического опроса в тоже время позволяет сделать вывод о том, что:

1. Большинство казахстанской молодежи (82%) придерживаются «светского» типа мировоззрения;

2. Процент реально верующих, придерживающие все каноны ислама не превышают 8-9%, причем данный показатель не растет сколько-нибудь заметно, что характерно и для населения региона в целом.

Несмотря на то, что по итогам проведенной в 2009 году национальной переписи населения число приверженцев ислама в Казахстане составило 11 млн 237,9 тыс. человек, или 70,2% от общего числа населения [190], социальная база для распространения религиозного экстремизма в стране невелика и преувеличивать угрозу радикализации не стоит.

На основании вышеизложенного мы приходим к выводу, что основу экстремизма составляют радикальные политические воззрения с использованием на практике методов насилия. С этой точки зрения борьба против экстремизма предполагает объединенные усилия со стороны различных государственных органов.

Следует особо отметить, что распространение в обществе идей, замешанных на экстремизме, представляет собой угрозу конституционным правам и свободам граждан. Поэтому в рамках борьбы с такого рода идеями требуются меры по эффективному решению социальных проблем, поскольку их нерешенность является питательной базой для радикализма. Вместе с тем для пресечения деятельности экстремистских сект и течений крайне важно повышать общую грамотность населения в религиозной сфере, в частности, улучшать уровень знаний в области религиозно-правовых школ (мазхабов) и догматики ислама.

Для противодействию религиозному экстремизму необходима также важна позиция религиозных структур, их готовность и компетентность в части разъяснений населению различий между течениями одной и той же конфессии (например, в исламе между шиизмом и суннизмом, «традиционным» исламом и «салафизмом» и т.д.).

Именно нерешенность социальных проблем, в особенности в среде молодежи, безработица, низкий уровень религиозных знаний у большинства верующих и, что парадоксально, даже среди священнослужителей в немалой степени способствовали распространению т.н. «истинно верных» идей в странах Арабского мира.

Как уже отмечалось, пик проявлений религиозного экстремизма и терроризма пришелся на 2011–2012 гг., когда в разных регионах страны было совершено 14 экстремистских акций и вооруженных столкновений с силами правопорядка. В тюрьмы Казахстана отбывать пожизненное наказание за терроризм было отправлено более 30 человек [191]. С 2013 по 2016 гг. на ранней стадии подготовки были предотвращены и сорваны 27 насильственных экстремистских акций террористического характера (из них в 2013 г. – 8, в 2014 г. – 3, в 2015 г. – 4, в 2016 г. – 12) [192].

«Арабская весна» послужила в том числе «детонатором» политического кризиса в Сирии, переросшей затем в полномаштабную гражданскую войну, которая в свою очередь вовлекла в нее десятки государств. Как отметил один из ведущих казахстанских экспертов по вопросам экстремизма и терроризма Ерлан Карин: «По сути, то, что происходило и происходит в Сирии, есть не что иное, как ассиметричная война. Различные радикальные группировки являются проводниками интересов противоборствующих мировых и региональных держав, которые на чужом поле выясняют отношения между собой. Поэтому современный терроризм – это результат, прежде всего, теневой политики и геополитических противоречий» [116, с. 89].

В «сирийском кризисе» на стороне различных религиозно-террористических движений приняли участие и выходцы из стран Центральной Азии. По мнению западных экспертов, центральноазиатские боевики становятся «видными игроками» на арене международного терроризма, некоторые из них доросли до авторитетных военных позиций в ИГИЛ» [166, с. 261]. Существует опасность того, что дальнейшее продвижение боевиков из стран региона в структуры различных религиозно-экстремистских группировок может способствовать вовлечению в их ряды родных и близких боевиков. Как следствие, это может привести к следующему поколению джихадисткого движения. Поэтому огромной задачей перед властью Казахстана и стран Центральной Азии стало, как не допустить пополнения радикалов, так и пресечь формирование новой генерации и институционализации опытных, обученных боевиков.

Отметим, что опытки казахстанских боевиков проявить себя путем создания самостоятельной группировки оборачивались неудачей, благодаря оперативным мерам со стороны спецслужб. Однако существует опасность, что вернувшиеся боевики, смогут сформировать ячейки на своей родине. Поэтому работа казахстанских спецслужб над предотвращением создания радикальных группировок в стране стала сегодня одной из основных в деятельности КНБ РК.

Идеологической базой для активного участия казахстанских боевиков в гражданской войне в Сирии были различные аспекты. Так, по мнению Ерлана Карина, а также результатов других исследований, аналитических и экспертных оценок, можно проследить следующие факторы, которые стали для казахстанских граждан, поводом отправиться на Ближний Восток:

– низкий уровень социально-экономических условий, о чем свидетельствует наличие среди боевиков в своем большинстве, лиц из

социально-неблагополучных регионов, с низкими доходами, которые повелись на обещания крупных вознаграждений и доходов;

– психологический фактор, о чем говорят личные истории самих боевиков, оказавшихся в тяжелых жизненых ситуациях (потеря близкого, развод, финансовые трудности и т.д.);

– социальный и религиозный протест против политики государства, что стало причиной выезда на Ближний Восткок тех, кто стремился жить в исламском государстве с шариатскими устоями, так как центральноазиатские республики не отвечают идеальному представлению мусульманского общества;

– относительно легкий и удобный маршрут переезда, что способствовало выезду радикалов (как индивидуально, так и с семьями). В Сирию можно было отправиться через Стамбул, купив билет только в один конец в Турцию, что представляла радикалам отличную возможность принять участие в джихаде. При этом турецкие власти практически не препятствовали действиям радикалов на севере-западе Сирии, позволяя боевикам беспрепятственно выезжать и возвращаться обратно в Турцию, в обход блокады сирийской армии [166, с. 84], что превратило Турцию по сути в транзитный центр для переброски боевиков из стран Центральной Азии на Ближний Восток;

– идейно-религиозный фактор, люди, убежденные, что совершают джихад ради довольства Аллаха, возрождения Халифата и ради блага всех мусульман. Основными факторами превращения таких граждан в радикальных исламистов стали различные агитационные видео и публикации с интернет-сайтов;

– религиозные исламистские группы и джамааты, деятельность которых способствовала превращение мирных до того граждан в радикалов, чему также способствовало влияние друзей и знакомых из их ближайшего окружения, уже состоявших в различных религиозных исламистских группах и джамаатах;

– слабое религиозное образование.

Выше изложенные факторы показывают что, мотивы, причины и обстоятельства выезда граждан РК в Сирию были разные, однако оказавшись на чужой войне, многия поняли, что война в Сирии – эта большая политическая игра, куда были влечены Россия, США, Турция, Саудовская Аравия и многочисленные экстремисткие группировки.

Проанализировав деятельность 19-ти различных экстремистских групп, действовавших на территории РК, казахстанский экстремизм можно условно разделить на три группы:

– Диверсионные группы (иерархическая структура, действующая по определенному плану и работающая по заданию «аль-Каиды»);

– Джамааты (небольшие группы молодых людей, постоянно общающие и собирающиеся в определенном месте – в мечетях, университетах, сухбетах и т.д.);

– Банды (группы людей, которые идеи джихада использовали в своей криминальной деятельности – разбои и нападения) [166, с. 95].

Именно участники данных групп и составили основной костяк казахстанских боевиков на Ближнем Востоке, приняв непосредственное

участие в боевых действиях на стороне различных радикальных исламистких организации.

В целом, стоит отметить, что идея джихада против власти не имела четких институциональных и идеологических основ. Однако непрекращающиеся боевые действия в Сирии оказали большое влияние на радикализацию людей других стран, вовлекая тысячи людей в террористическую деятельность. О массовом выезде группами и семьями на «священный джихад» казахстанских граждан стало известно в октябре 2013 году, когда на Youtube, появилась видеосъемки под названием «150 казахстанцев», «Казахский джамаат». С этого момента на просторах Youtube начинают появляться регулярные видео с казахстанскими боевиками, а также видео с обучением военной подготовки казахстанских детей. По мнению Е. Карина это стало возможным по двум причинам: первая – это влияние внешних факторов на радикализацию, вторая – концентрация на внутренние причинно- следственных связях этого явления. События на Ближнем Востоке послужили триггером дальнейших геополитических сдвигов во всем мире [166, с. 52].

После разгрома ИГИЛ и других исламских террористических группировок в Сирии и Ираке, КНБ Республики Казахстан в августе 2018 года начал готовить и прорабатывать операцию по возврату казахстанских граждан из зон боевых действий. Однако, в октябре того же года первая операция по возврату наших граждан закончилась неудачно, в связи с обострившейся обстановкой в Сирии. Первая эвакуация граждан Казахстана произошла в январе 2019 года, в результате чего на Родину вернулись десятки женщин и детей. Всего было проведено пять фаз поэтапной операции. В итоге на родину вернулись 613 казахстанских граждан:

– 1-я фаза «Жусан-1» (6 января 2019 г.) – 47 (6 мужчин, 11 женщин, 30 детей);

– 2-я фаза «Жусан-2» (7-9 мая 2019 г.) – 231 (156 детей);

– 3-я фаза «Жусан-3» (28-31 мая 2019 г.) – 246 (171 детей);

– 4-я фаза «Жусан-4» (июль 2019 г.) – 40 человек;

– 5-я фаза «Жусан-5» (4 февраля 2021 г.) – 12 (4 мужчин, 1 женщина, 7 детей);

Всего 613 чел (33 – мужчины, 160 – женщины, 420 детей (из них 32 - сироты).

Беспрецедентная по маштабу и сложности операция «Жусан» стала успешной работой наших спецслужб, военнослужащих, дипломатов и т.д, а уникальным примером проявление заботы государством о своих гражданах, не бросивших их на произвол судьбы. Кроме того, перед осуществлением гуманитарной операции передовая группа казахстанских военнослужащих и дипломатов непосредственно провела ряд встреч с курдскими вооруженными отрядами, договорившись о передачи захваченных в плен казахстанских боевиков, а также находящихся в лагерях для беженцев членов их семей. [166, с 132].

Власти Казахстана проделали большую работу по возвращению своих граждан. Очень скурпулезно, планируя все до мелочей, концентрируясь не только на организационно-логических вопросов, власти продумали и постреабилитационные мероприятия вернувших граждан.

Разъясняя основные акценты проводимых действий международному сообществу, руководством Казахстана подчеркивалось, что операция несет исключительно гуманитарный характер. Большой посыл власти был адресован не только вернувшимся людям, но и ко всему населению страны с целью оградить их от общественного осуждения.

Паралельно с операцией «Жусан» спецслужбы отрабатывали меры по вызволению наших граждан из Ирака под кодовым названием – операция «Русафа», в которой также была детально продумана и разработана эвакуация людей. Согласно иракскому правовому законодательству боевикам и их женам за причастность к террористической деятельности положена смертная казнь. Поэтому после долгих переговоров длившихся несколько месяцев, из тюрьмы Багдада, к сожалению, удалось вызволить только 14 несовершеннолетних детей. Таким образом, благодаря руководству РК в лице Первого Президента Казахстана – Нурсултана Назарбаева, Президента Казахстана Касым-Жомарта Токаева, а также МИД РК, КНБ РК и другим государственным органам удалось эвакуировать из зоны вооруженного конфликта 627 казахстанских граждан.

С учетом отмеченных выше факторов проявления религиозного экстремизма и терроризма в Казахстане, государство пересмотрело методы, подходы и механизмы в противодействии даннным угрозам. Руководство страны взяло курс на распространение в республике светских моделей поведения и образа жизни с учетом ориентации новой казахской национальной элиты на европейские правовые, политические и культурные нормы.

Вплеск экстремистской активности встретил достаточно жесткую реакцию со стороны государства и его органов. Важно отметить, что подоплекой террористических актов, совершенных в 2011 г. в Таразе, Мангыстау и Актобе, а также беспорядков в Жанаозене был не столько религиозный радикализм, сколько криминальный беспредел. Однако для более эффективного регулирования религиозной жизни казахстанского общества был принят Закон Республики Казахстан от 11 октября 2011 года № 483-IV «О религиозной деятельности и религиозных объединениях» [192].

Для предотвращения проявлений экстремизма казахстанские органы власти начали осуществлять мониторинг исламских объединений, приступили к упорядочению деятельности религиозных, прежде всего миссионерских организаций [193]. Была усилена работа по профилактике и пресечению распространения радикальных исламских идей в стране через религиозные организации и объединения. Были закрыты некоторые религиозные объединения, пропагандировавшие идеи религиозного радикализма и представлявшие опасность для общественно-политической стабильности страны, отрегулирован порядок въезда, выезда и пребывания иностранных граждан в республике. Было создано Агенство РК по делам религий.

С 2014 года Комитет по делам религий осуществляет ряд соответствующих функций, по взаимодействию с экспертами, теологами, представителями духовенства, особенно по вопросам профилактики религиозного экстремизма. Усилилась работа правоохранительных органов по пересечению преступной деятельности террористического и экстремисткого характера лиц, придерживающихся радикальных взглядов. В свою очередь, это повлияло на увеличение осужденных за данные преступления.

Кроме того, в утвержденной 15 марта 2018 года Указом Президента РК Государственной программе по противодействию религиозному экстремизму и терроризму в РК на 2018-2022 годы большое внимание уделялось мерам профилактического характера. Настоящим Законом определяются правовые и организационные основы противодействия экстремизму в целях национальной безопасности Республики Казахстан [193].

Власти Казахстана пересмотрели методы и механизмы в противодействии этим угрозам. Казахстан хочет исключить возможность проявления экстремизма и терроризма как на своей территории, так и исходящих от нее угроз для стран-соседей. Борьба с терроризмом стала одной из приоритетных задач политики национальной безопасности РК.

Законодательная база борьбы с терроризмом в Казахстане

В Казахстане на государственном уровне принят ряд нормативно-правовых актов, призванные предотвратить акты терроризма и террористическую деятельность в принципе. Учитывая, что терроризм является международной проблемой и усилия отдельных государств недостаточны, Казахстан присоединился к международным соглашениям по противодействию терроризму. В частности, по закону от 10 января 2011 года [194] в Казахстане был ратифицирована «Конвенция Шанхайской организации сотрудничества против терроризма». Согласной указанной конвенции, каждая присоединившая к ней страна обязалась периодически проводить оценку законодательных актов с точки зрения того, насколько они эффективны в борьбе с терроризмом. Кроме того для повышения эффективности борьбы с терроризмом государства договорились проводить совместные учения по пресечению актов терроризма. Ряд обозначенных в конвенции мер призваны защитить лиц, оказывающих содействие государственным органам в борьбе против терроризма, а также повысить уровень защиты объектов и другие мероприятия.

«Конвенция Шанхайской организации сотрудничества против терроризма» стала логическим продолжением «Шанхайской конвенции о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом» [195], утверждённой в Казахстане специальным законом еще в 2002 году. Данный документ предусматривает меры по сотрудничеству Казахстана, Китая, Кыргызстана, Узбекистана, Таджикистана и России. Международное сотрудничество по борьбе с терроризмом предусматривает обязательства стран по обмену информацией о террористах и террористических организациях, помощи друг другу в проведении различных оперативно-розыскных мероприятий, совместной

борьбе с террористами действующих на территории одной из стран, которые подписали конвенцию.

Закон РК «О противодействии терроризму» [197] был принят в 1999 году. В законе была обозначена правовая база борьбы с терроризмом, к которой были отнесены организация и (или участие организации) незаконного вооруженного формирования, совершение и пособничество (в том числе и в средствах массовой информации или сети Интернет) в совершении актов терроризма (взрывы, захват заложников, угон самолета и др.), распространение материалов, служащих целям террористов и др. В дальнейшем в 2000 году в Казахстане был издан указ главы государства «О мерах по предупреждению и пресечению проявлений терроризма и экстремизма» [198]. В нем для противодействия терроризму предусматривались меры по регулированию визового режима, контролю за военной техникой и боеприпасами и др. Одним из мер по борьбе с терроризмом было обозначено подписание соответствующих международных конвенций. Как видно из изложенного выше, последняя группа мер была реализована в рамках Шанхайской организации сотрудничества.

Меры по противодействию терроризму принимались также и на уровне правительства Казахстана. Так, специальным постановлением в 2010 году был утвержден комплекс мероприятий по профилактике терроризма [199]. В частности, профилактика терроризма предусматривает несколько групп мер, в том числе: 1) правовые (совершенствование законодательства, борьба с коррупцией, ответственность за финансирование терроризма и др.); 2) социальные и экономические – борьба с безработицей, повышение уровня жизни населения и его социальная защита и др.; 3) организационные – проведение мероприятий по подготовке защиты гражданского населения в случае совершения террористических актов, информирование граждан о существующих и возможных террористических угрозах и др.; 4) воспитательные – проведение политики по воспитанию граждан, а также учащихся и студентов в духе религиозного и национального многообразия и др.; 5) пропагандистские – разъяснение гражданам угроз, исходящих от террористов, организация обратной связи между государством и обществом для предотвращения террористических актов и других проявлений терроризма и т.д.

Таким образом, в независимом Казахстане была создана законодательная база по борьбе с проявлениями терроризма как на национальном (государственном), так и международном уровнях. Указанные меры, на наш взгляд, создают достаточную нормативно-правовую базу для эффективной борьбы с терроризмом.

Важно также учитывать, что пресечение деятельности религиозно-экстремистских и террористических организаций требует глобального и регионального межгосударственного сотрудничества как в военно-технической сфере, так и на политическом уровне. На данный момент Казахстан полномасштабно и эффективно сотрудничает с ООН, НАТО, ЕС, Шанхайской организацией сотрудничества (ШОС), Организацией договора о коллективной

безопасности (ОДКБ). Казахстан направляет усилия на выполнение требования Резолюции Совета Безопасности ООН и представляет в ООН ежегодный Национальный доклад о проделанной работе.

Несмотря на то, что исламизация населения Казахстана имеет тенденцию активного роста, тем не менее, практически ни у кого не возникает сомнений в том, что Казахстан продолжит светский путь развития. Это связано с историческими и культурными особенностями народа Казахстана (речь идет о мусульманских этносах), где отношение к религии ограничивается в основном соблюдением тех или иных внешних обрядовых форм, тогда как процент реально практикующих мусульман в Казахстане низкий и не дотягивает до такого уровня, при котором можно было бы говорить о перспективах создания исламского государства.

Поэтому власти Казахстана, учитывая религиозно-политическую ситуацию проводит меры по предотвращению влияния эсктремистской идеологии. Руководство Казахстана работает над программами социально-экономических и политических реформ, что стабилизирует религиозно- политическую жизнь страны, меры противодействия решили проблемы экстремизма и терроризма. Кроме того, власти Казахстана поддерживая ценности традиционной исламской религии, в то же время проявляют религиозную толерантность к другим религиям. И самое главное – не допускают деятельность нетрадиционных религиозных организаций в виде сект.

Как нам представляется, в продолжение к мерам законодательного характера достаточно эффективными будут также следущие меры:

–работа с учереждениями и организациями социального развития и поддержка их потенциала по предотвращению и противодействию экстремизм;

– создание новых сетей ассоциаций и организаций гражданского общества и поддержка существующих субъектов в области предотвращения экстремизма;

– разработка механизмов для мониторинга и обнаружения уязвимых ситуаций, которые могут перерасти в экстремизм;

– разработка инструментов оценки, которые определяют уровень уязвимости, который может способствовать вербовке;

– поддержка социальной и экономической интеграции социально уязвимых групп;

– распространение культуры и ценности демократии: обучение и наращивание потенциала молодежных лидеров и реализация молодежных проектов по борьбе с насидием и продвижению ценностей толерантности и диалога;

– мероприятия с религиозными группами по развитию и интеграции религиозного дискурса в демократическую культуру;

В целом, меры руководства Казахстана по противодействию исламскому радикализму и экстремизму эффективны и религиозно-политическая ситуация находится под контролем власти. Ведется напряженная работа над программами социально-экономических и политических реформ, и в достаточно сложных внутренних и внешнеполитических условиях руководство

Казахстана принимает в целом действенные меры по противодействию угрозам терроризма и религиозного экстремизма. Уровень угрозы уже снизился, религиозно-политическая обстановка в стране улучшилась, на сегоднешней день уровень радикализации в Казахстане не большой. Однако еще есть над чем работать, стоит учитывать позиции простого народа, который настроен мирно выражать свои желания. В целом, поддержка со стороны государства в направлении социальной справедливости, разумная религиозная и молодежная политика способна противостоять этим угрозам.

Участие Казахстана в усилиях по урегулированию внутрисирийского конфликта

Республика Казахстана придерживается многовекторной сблансированной и конструктивной внешней политике со всеми мировыми державами и региональными странами. Внешняя политика Казахстана в отношении стран БВСА основана на развитие многопланового сотрудничества в политических, экономических и культурных областях. Общность исторического и культурного наследия способствуют развитию гуманитарного сотрудничества в области культуры, образования и науки.

Когда начались события «Арабской весны» Казахстан приветствовал демократические перемены в БВСА, ограничился дипломатическими заявлениями, призывающими власть пойти на встречу требованиям и желанию народа. Приход к власти политического ислама (Египт, Тунис, Ливия и Йемен) привел росту религиозных течений. Учитывая то, что «Братья мусульмане» входили в список террористических организаций, существовала потенциальная угроза негативных последствий взаимодействия арабских революционных движений для национальной безопасности Казахстана. Служба безопасности Казахстана отслеживала рост исламского движения в Казахстане и в соседних странах Центральной Азии. Следует отметить, что «Исламское движение Узбекистана» стремилось создать исламское государство в Ферганской долине, всегда была угроза стабильности региона. Кризис на БВСА мог привести к серьезным последствиям, которые безусловно отразились бы по всей Центральной Азии, распространением ближневосточных радикальных группировок.

Самое главное, события «Арабской весны» подтолкнули Казахстан к активной роли урегулировании международных конфликтов. Астанинская платформа внесла большой вклад в инициативах по мирному разрешению в процесс урегулировния сирийского кризиса. Несомненно, что сирийская война привела к поляризации сирийского общества, ожесточению и осложнению межконфессиональному противостоянию и имела затяжной характер с весьма негативными последствиями для экономики своей страны [200, с. 151]. По данным ООН, с начала 2011 года в Сирии погибло более 250 тысяч человек, количество беженцев достигла 6,7 миллионов, в гуманитарной помощи нуждаются 1,5-2 миллиона людей [201]. Эти цифры показывают маштабность и сложность послевоенного положения в Сирии. Казахстан приложил

максимальное усилие по решению вопросов, связанных с региональной и глобальной безопасностью.

Российский президент Владимир Владимирович Путин и президент Турции Реджеп Тайип Эрдоган проявили инициативы и попросили провести в Астане мирные переговоры конфликтующих сторон, к которому положительно отнесся Казахстан. Казахстан поддержал эту инициативу, одобрил международное усилия, направленные на мирное урегулирование сирийского конфликта. Правительством РК был разработан и утвержден межведомственный план мероприятий по подготовке и проведению межсирийских переговоров создана максимально благоприятные условия для участников встречи [200, с. 138].

Международные встречи по Сирии в Астане является эффективной платформой для прямого диалога между Правительством и оппозицией, как того требует резолюция СБ ООН № 2254 [200, с. 150]. Готового политического решения сирийского кризиса не было, но в ходе переговоров, все стороны выслушали и учли конституционные и правовые нормативы и пришли положительному результату. Все стороны конфлита были убеждены в том, что военного решения сирийского конфликта не существует и что его можно решить только посредством политического процесса[200, с. 235].

Как отметил Н. Олжанов, казахстанская сторона придерживалась принципиальной позиции предоставления лишь площадки для переговоров, так как вовлечение казахстанской стороны в переговоры могло быть оценено остальными конфликтующими и заинтересованными сторонами в качестве перехода Казахстана в одного из участников встречи и сторонника определенного блока [200, с. 139]. Как отметил, Е. Пастухов, для Казахстана миротворческая миссия не является самоцелью и предоставление посреднических услуг, – это не только желание сделать что-то для урегулирования конфликта, прежде всего, речь идет о демонстрации своей позиции по тому или иному вопросу [202]. Именно этот фактор приобрел чрезвычайно важное значение для Астанинской платформе.

Эти переговоры дали мощный импульс в решение и урегулирование сирийского конфликта. Н. Назарбаев искренне надеелся на результативность переговоров и воцарения долгожданного мира в Сирии. Как заявил Н. Назарбаев: «Любая война заканчивается миром, переговорами, такова история», также «Проблемы Сирии сегодня волнует не только Ближний Восток, но и все мировое сообщество» [203]. Взаимовыгодное сотрудничество, миролюбие и прагматизм во внешней политики Астаны позволила Казахстан зарекомендовать себя как надежного партнера и авторитетного регионального игрока [200, с. 133]. Знаковым событием стало единогласное принятие Советом Безопасности ООН резолюции «О поддержке режима прекращения огня в Сирии» от 31 декабря 2016 г. В этом документе встреча в Астане была отмечена как важная часть политического процесса под эгидой ООН.

Много препятствий и трудностей, а именно разногласия сторон мешали принять положительное, мирное решение. По итогам множестенных встреч и

переговоров все стороны конфликта пришли общему знаменателю, были достигнуты реальные успехи, определеные результаты и конкретные договоренности, которые уже активно реализовались на международных площадках. Власти Казахстана обладают четким стратегическим внешнеполитическим видением по отношению наиболее острых проблем, огромное внимание уделили основной проблеме в разрешении острых международных конфликтов и проблеме терроризма и экстремизма. Кроме того по инициативе Елбасы была отправлена гуманитарная помощь народу Сирии.

Итак, Казахстан предоставил Астанинскую площадку для проведения переговоров о прекращении боевых действий между противоборствующими сторонами в Сирии. С января по октябрь 2017 года в Астане состоялось восемь международных встреч по сирийскому урегулированию [204]. В мае 2018 года в Астане прошел 9-й, а 29 ноября – 11-й раунд межсирийских переговоров. Вклад Астаны в урегулирование конфликта посредством дипломатического диалога признан ООН и многими мировыми лидерами. Астанинский процесс дополняет Женевский, и оба призваны обеспечить мирное и стабильное разрешение сирийского конфликта [205].

Следует отметить, что за все годы независимости Казахстан последовательно продвигал и продвигает свои миролюбивые принципы внешней политики – многовекторность, сбалансированность, мир и согласие. Рост авторитета и доверия к Казахстану как активному поборника сирийского процесса неоспорим. Международное признание Казахстана за его миротворческую позицию – результат продуманных и взвешенных действий казахстанского руководства, которые на заре независимости смогли внести весомый вклад в разрешение международных споров, что дало ей возможности и преимущества для проведения своего активного внешнеполитического курса. Это стало важным условием воплощения в жизнь ряда внешнеполитических проектов Казахстана, направленных в том числе и на «перезагрузку» международных отношений, ибо только совместными усилиями можно остановить расползание экстремизма и терроризма по планете.

3.3 «Трагический январь» 2022 г. в Казахстане и «Арабская весна»: сравнительный анализ

Когда 1 января 2022 года начались мирные протесты в Мангыстау, а затем распространились по всем крупнейшим городам страны, Казахстан стал немного близок к революциям БВСА. События «Трагического января» были удивительно похожи на революции «Арабской весны» на Ближнем Востоке. Так как факторы, стоящие за событиями «Трагического января» были очень близки к причинам вспышки арабских революций 2010 гг., то можно предположить, что было бы в Казахстане, если ситуация продолжилась по сценарию «Арабской весны». Самое главное, не перекинется ли народный гнев на другие страны ЦА, большинство из которых страдает от множества проблем, в первую очередь социальных и экономических, коррупции и так далее? Может ли это перерасти в «центральноазиатскую весну»?

Примеров цветных революций множество, и «Арабская весна», пожалуй, наиболее яркая из них, которая в дальнейшем повлияла на события, имевшие политический резонанс и оказавшие влияние на геополитические процессы за пределами арабского мира. Большинство анализов и исследований указывают на общие черты этих протестов против коррумпированных автократов с многолетней историей, что делает их схожими с бунтами в других странах, включая сравнения с цветными революциями и мобилизациями в Беларуси, Украине или в Кыргызстане. Неудивительно, что январь 2022 года в Казахстане напомнили протесты в странах «Арабской весны», особенно тех, которые были милитаризованы и переросли в кровавые конфликты, в том числе по йеменскому, ливийскому и сирийскую сценарию. Однако, эти сравнения упрощают реальность того, что произошло в Казахстане.

Январские беспорядки в Казахстане напоминают первые дни тунисской революции, вспыхнувшей в конце 2010 года, став в начале 2011 года первой искрой широкой волны революций «Арабской весны», навсегда изменивших регион БВСА. В Казахстане повышение цен на газ, также, как и самоподжег молодого торговца овощей в тунисском городке Сиди-Бузид, послужило лишь спусковым крючком для массовых демонстраций, ведь «гора» социальных проблем копилась годами и на Ближнем Востоке, и в Казахстане. Первоначальные протесты в Казахстане, как и в Тунисе, так и в Египте были мирными и были объединены социальными и экономическими проблемами, вызванными затянувшимся экономическим кризисом, от которого пострадали наиболее бедные слои население по всей стране. Протесты были направлены против высокой стоимости жизни, растущего уровня бедности в стране (хотя Казахстан считается одной из богатейших стран Центральной Азии), высокого уровня безработицы и коррупции. В начале, казахстанцы, как и арабы поднимали лозунги справедливости, свободы и демократии, прежде чем все это превратилось в кровавый хаос и насилие, с проникновением влиятельных региональных и международных внешних сил с целью милитаризировать эти восстания.

Для многих, революции в БВСА и в Казахстане покажутся спонтанными, но к сожалению, протесты и в Казахстане и в арабских странах происходили периодически в течение многих лет. В Египте, Тунисе, Ираке и других арабских странах еще задолго до «Арабской весны» в разные годы люди выходили на площади и требовали выполнения своих чаяний. Предыдущие казахстанские протесты, конечно же, не были такими жесткими, как в январе 2022 года, но в этом отношении в январских событиях изначально не было ничего необычного. В Казахстане всегда были протесты против режима Назарбаева или отдельных политических решений. Так, в декабре 2011 года нефтяники Жанаозена вышли на улицы с акцией протеста требуя повышения заработной платы, выплаты за работу в опасных условиях и улучшения условий труда. Десятая годовщина так называемого «Жанозенского восстания» в декабре 2021 года показала, что в Западном Казахстане готовы к новым протестам.

Продолжающаяся девальвация казахстанского тенге, вялость экономики, высокой уровень безработицы среди молодежи и другие социально-экономические проблемы стали поводом для многочисленных протестов. Поэтому когда начались мирные протесты в Жанаозене, в этом не было ничего удивительного. Однако, то, что произошло потом и привело к «кровавому январю» 2022 года стало «шоком» для всего Казахстана.

Уроки «Трагического января» можно проанализировать по трем факторам: социальном, политическом (уровне структуры власти в Казахстане) и геополитическом факторе:

Социальный фактор

Социальный фактор – это те причины, из-за которых и произошли главные события: протесты и бунты (сложно назвать их революциями). Волна инфляции захлестнувшая Казахстан осенью 2021 года, рост цен в купе с пандемией COVID-19, привело к ухудшение социальных показателей, что вызвало спонтанные протесты в стране. К протестам в Жанаозене привел рост цен на сжиженный газ. Как известно, в Казахстане большинство владельцев переоборудованных автомобилей используют сжиженный газ. Поэтому сообщение о повышении цены на газ до 120 тенге населением нефтегазового Мангыстау, региона, богатого природными ресурсами, было встречено крайне негативно. В результате люди по всему Казахстану выразили солидарность с протестами в Жанаозене. Демонстрации распространились по стране и быстро приобрели политическую повестку дня – против плохих условий жизни, безработицы, широко распространенной коррупции. Демонстранты вышли на улицы сначала в Актау, затем в столичном Нур-Султане, Караганде, Семее, Шымкенте, в других областных центрах, а также в крупнейшем городе страны с двухмиллионным населением – Алматы. Требования городских протестов в основном были сосредоточены на политических изменениях и усилении социальной поддержки.

Несмотря на то, что этим протестам не хватало политической оформленности и направленности, протестующих объединяло острое ощущение того, что статус-кво больше не применим и нужны требования реальных политических изменений, чтобы положить конец повсеместной коррупции и сократить экономическое неравенство. Все требования объединились на короткое время с 4 января 2022 г. до вспышки насилия и беспорядков в Алматы, днем позже.

Власти быстро отреагировали на протесты и снизили цены на газ в размере 50 тенге, ввели чрезвычайное положение и комендантский час в Алматы и Мангыстау (а позже и по всей стране), но этого было недостаточно, чтобы сдержать беспорядки. Мы стали свидетелями беспрецендентной в новейшей истории Казахстана штурма акимата и захвата президентской резиденции в Алматы, отключения интернета по всей стране, и самое страшное, буйства бандитизма на улицах южной столицы сопровождаемой актами мародерства и выведением из строя государственных учреждений и объектов. Погрузившийся

в тотальный хаос Алматы был практически захвачен в том числе, международный аэропорт, бандидствующей толпой. Картины горящего Алматинского акимата, штурма президентской резиденции, сгоревших автомобилей, актов мародерства, взрывов светошумовых гранат привлекли к событиям в Казахстане внимание всего мирового сообщества в первую неделю января 2022 года.

В связи с этим, в контексте данного параграфа важным представляется проанализировать и сравнить, события «Трагического января» в Казахстане и сценарии «Арабской весны», к примеру, Египта, или Туниса. В самом начале январских событий стоял вопрос, будет ли казахстанский режим уделять первоочередное внимание сохранению единства национального государства или власть будет применять военную силы для подавления протестов. От их решений зависело в том числе, может ли это привести к демонтажу государства, потенциально ввергнув страну в нисходящую спираль и бесконечный политический хаос в сфере безопасности.

По сравнению с аналогичными моделями революций на БВСА (2010-2011 гг.) ответ на этот важный вопрос о беспорядках в Казахстане определяют три основных фактора. Первый фактор связан с реакцией режима на растущие протесты и настойчивостью, а также с тем, в какой степени режим использовал насилие для сдерживания всеобщего социального хаоса, охватившего страну. Второй фактор – поведение протестующих в отношении их миролюбивой дисциплины и их коллективной готовности пойти на компромисс или отказаться от уступок, которые режим предлагает им для подавления гнева. Третий и самый решающий фактор – это взаимодействие вооруженных сил, будь то военных или полицейских, с демонстрантами и степень их принятия или неприятия законности протестов и требований демонстрантов.

Между успехами и неудачами стран «Арабской весны» в переживании состоявшихся революций и их последствий главным определяющим фактором было положение национальной армии, то есть степень силы и популярности военного истеблишмента среди протестующих, политическая и экономическая независимость вооруженных сил от тиранического режима, против которого были установлены протесты, и выбранная ими стратегия. Военный истеблишмент позже использовал ее для сдерживания народных протестов после увольнений коррумпированных чиновников.

Например, кооперативная и предвзятая позиция армии в случаях с Египтом и Тунисом была в пользу демонстрантов против правящей власти и была главной причиной успеха двух революций по сравнению, например, с предвзятостью армии против власти и применения ею жестоких репрессий против демонстрантов в Сирии или Йемене, что привело к череде «камней преткновения» в области безопасности, начиная с гражданских войн и даже распространения террористических организаций.

Военное сотрудничество в упомянутых выше случаях «Арабской весны» не обязательно означает, что армия полностью верила в цели и легитимность революций. Однако даже «пассивное» сотрудничество военных с

протестующими, когда они предпочли не убивать протестующих и не подавлять их силой в соответствии с приказами власти, позволило народным движениям продолжать мобилизовывать сторонников, тем самым усиливая протесты и подрывая легитимность авторитарного режима. Отношения, сложившиеся между египетской армией и революционной молодежью в течение восемнадцати дней протестов на площади Тахрир в Египте в 2011 г., стали решающим фактором ускорения и облегчения процесса свержения авторитарного режима и сохранения единства государства после его падения.

В Казахстане сценарий январских событий был более сложный. Так как народные протесты в начале имели мирный характер, военные и полицейские оцепившие площади, и улицы были без оружия. Силовики ограничивались спецсредствами не летального действия и до последнего не применяли боевое оружие, но это было воспринято как слабость [206]. Полиция пыталась сдерживать все еще мирные протесты, арестовав несколько сотен человек. Однако, когда 4 января 2022 г. по всей стране протестовали несколько тысяч человек, органы безопасности уже применили светошумовые гранаты, слезоточивый газ и резиновые пули для разгона демонстраций. Как и во время «Арабской весны», насилие со стороны военных не привело к подавлению демонстраций, а скорее увеличило количество протестующих и региональный охват протестов.

Политический фактор

На фоне беспрецедентных по своим масштабам событиям в Казахстане, борьба между политическими элитами страны, приобрела своего рода характер дворцового переворота как в арабских странах, исход которого во многом был предрешен вводом сил ОДКБ. Этот политический эпизод января 2022 г. раскрывает хрупкость авторитарных государств и показывает, что сами структуры государственной безопасности способствуют поддержанию авторитаризма.

С региональной точки зрения эти события, безусловно, заставят задуматься президентов Узбекистана, Туркменистана и Таджикистана, таких же авторитарных государств региона, но с более бедным населением. В соседнем Кыргызстане с 2005 года уже произошло три революции. В более бедной стране, где власть менее централизована, политическую нестабильность объясняют конкуренцией между элитами и недовольства народа. Однако народных восстаний редко бывает достаточно для смены режима, часто именно фрагментация элит определяет исход политического конфликта.

В целом, в Казахстане все сложилось так как в арабских странах, где сверхбогатая элита концентрирует большую часть доходов, получаемых от природных богатств страны, а простой народ жил ниже среднего уровня. На самом деле проблема заключается в экономических ограничениях, существующих как в Казахстане, так и в арабских странах. Народы Казахстана, Египта, Туниса и других арабских стран управлялись авторитарной системой, основанной на коррупции и кумовстве. Экс-президент Казахстана Нурсултан

Назарбаев, ушедший в отставку в 2019 году, обеспечил многим людям возможность накопить огромное состояние.

Казахстан, которая экспортирует нефть, газ и уран, также содержит большие запасы редкоземельных элементов, меди, угля и других нерудных месторождений. Эта двухуровневая структура перестала быть жизнеспособной после того, как рост цен на газ вызвал целый ряд недовольств. К митингам против внезапного роста цен на топливо добавилась критика плутократии и экономической модели.

На протяжении 30 лет независимости руководство Казахстана делало упор на важность политической стабильности в ущерб иерархическому правлению, но связала ее с обеспечением экономического роста благодаря огромным энергетическим ресурсам и минеральным богатствам страны. Но распределение этих ресурсов было неравномерным: режим завладел большей частью богатства и поделился им с узким кругом элиты. Этот узкий круг завладел наиболее прибыльными хозяйственными предприятиями и воспользовался государственной поддержкой для расширения своей сети филиалов. Напротив, простые люди жили на низкие зарплаты, подавляющее большинство семей живет в среднем на сумму, эквивалентную 100-150 тыс тенге в месяц и зависели от займов в банках, контролируемых теми же людьми. Многие граждане занимались оказанием нелицензионных услуг такси в качестве второго источника дохода, поэтому низкие цены на газ и бензин были для них необходимы. Большинство казахстанцев осведомленных о богатстве, генерируемом доходами от нефти, газа и полезных ископаемых, больше не могли мириться с экономическим неравенством и несправедливостью, порожденными коррупцией. Излишняя самоуверенность властей привела к тому, что они игнорировали тревожные признаки народного недовольства.

Кроме того, есть схожесть в продолжительном нахождения у власти лидеров государств. Первый Президент Казахстана Н.А. Назарбаев правил Республикой Казахстаном почти 30 лет с момента распада СССР до ухода с поста президента в 2019 году, также как и Хосни Мубарак в Египте, 30 лет находившийся у власти, или Муаммар Каддафи – 42 года во главе государства. Долгое время у власти находились и другие главы государств БВСА. Они все создали политико-экономическую систему, в которой их семья и приближенные монополизировали крупнейшие экономические сферы страны.

Пока трудно сказать, что и кто стоит за событиями «Трагического января», однако решительные действия президента Республики Казахстан Касыма-Жомарта Токаева позволили ему взять в свои руки полный контроль над государством и сохранить стабильность и безопасность страны. Пока же, сместив большую часть проназарбаевской бюрократии, уменьшив влияние Н.А. Назарбаева и покончив с двоевластием в Казахстане Президент К.К. Токаев выступил с идей широкомасштабных политических реформ в стране. Время покажет, какие уроки «Трагического января» сумеет извлечь Новый Казахстан.

Геополитический фактор

В условиях геополитической турбулентности и формирования новой геополитической реальности, в полне возможно, что в казахстанском обществе существуют организованные группы боевиков, способные к активному вооруженному сопротивлению с официальной властью. Вполне вероятно, что некоторые граждане страны, кто вступил в прямую конфронтацию с силами безопасности, были членами таких групп, или же их действия были спонтанными и самоорганизованными. Здесь прослеживается аналогия с египетской революцией 25 января 2011 года в Каире, где оборона была организована как стихийно толпой, так и с участием примкнувших к восстанию радикальных групп. Как отметил Генеральный прокурор Казахстана Берик Асылов: «Январьские события имели три волны: мирный митинг, экстремисты и радикалы, криминальные банды.... Насильственный захват власти – конечная цель акций» [207].

Казахстанским военным и полицейским в Алматы противостояли сильно подготовленные боевые группировки. Благодаря вмешательству Организации Договора о Коллективной Безопасности (ОДКБ) по приглашению Президента РК К.К. Токаева удалось положить конец массовым беспорядкам. Задачей контингента «коллективных миротворческих сил» (из которых 2500 составляли российские десантники), стала «защита государственных и военных объектов» и «помощь казахстанской полиции в стабилизации ситуации и восстановлении законности» [208]. Пока нет официальных данных от представителей власти, что же послужило причиной беспорядков, но по нашему мнению, цифра в 20 000 террористов, о которых было официально заявлено, слишком завышена и вызывает сомнения. Возможно Президенту К.К. Токаеву пришлось говорить о 20 000 террористов, чтобы политически оправдать вмешательство войск ОДКБ, поскольку альянс организации предусматривает только внешние угрозы. В целом, нельзя объяснять причины беспорядков только по одному объяснению событий. Факторов было много и время покажет.

Отношения Казахстана с Россией, страной, которая больше всех «выиграла» от январьских событий в Казахстане, определяются, с одной стороны, внутренними, а с другой – геополитическими соображениями. В научно-экспертном сообществе Казахстана уже прозвучали опасения, что страна становится политически зависимой от России, и многие считают большой ошибкой сам факт введения российских войск в Казахстан, так как могли справиться собственными силами. Мы предполагаем, что для Президента РК не было другой альтернативы, так как «брошенный» Алматы давал повод серьезно задуматься в лояльности казахстанских силовых структур законно избранному Президенту. При этом, и Президент К.К. Токаев, и Первый Президент РК – Н.А. Назарбаев всегда стремились сохранить независимость от России и продолжают придерживаться этой стратегии.

С одной стороны, целью России в помощи Казахстану было сохранение и увеличение свого влияния на весь регион Центральной Азии, показать государствам региона, что Россия – единственная страна, которая может их

защитить в случае той или иной угрозы безопасности. Российское вмешательство в события в Казахстане, заметно укрепило влияние России в регионе. С другой стороны, участие Росиии в лице ОДКБ в ликвидации беспорядков в Казахстане демонстрирует способность и готовность Москвы применять силу для поддержания ее интересов в регионе и для поддержки дружественных ей политических режимов Центральной Азии.

До сих пор неясно, кто основной/ные бенефициар/ы событий января 2022 г. в Казахстане. Правительством Казахстана начато расследование, но власти еще не дали никаких официальных данных и выводов. По данным правительства, в связи с беспорядками погибли 227 человек, в том числе 19 сотрудников казахстанских силовых структур, более 4500 человек получили ранения, из них 3393 военные и полицейские, более 10 тысяч человек арестованы [209]. Многие люди до сих пор считаются пропавшими без вести. В отношение 19 иностранцев были заведены уголовные дела по статье «Кража», среди них: 11 человек из Узбекистана, четверо – из России, двое – из Кыргызстана, и по одному человеку из Китая и Таджикистана. Кроме того, по официальным данным в беспорядках участвовали 12 ОПГ, наиболее активными были группы «Дикого Армана», члены радикальной ячейки «Йакын инкар», «Казахстанские», «Айшуак-Жантугел». Всего арестованы 23 члена ОПГ, в том числе 4 «преступных авторитета» [210].

Может быть, ошибочно называть протесты в Казахстане «революцией», и сравнивать с революциями «Арабской весны», но быстрое развитие беспорядков в богатом ресурсами и с социально-экономическими проблемами и политически ослабленном государстве, невольно дают повод провести параллели между «Трагическим январем» и «Арабской весной». Конечно, события в Казахстане нельзя сравнивать с сирийскими и йеменскими гражданскими войнами. Нельзя сравнивать деструктивную роль и уровни ваххабизма, такфиризма и радикализма в Ираке, Сирии, Йемене или межэтнический и межплеменной спор в Ливии с казахстанской действительностью. Однако, стоит признать, что есть общие схожести. Кризисы, подобные события в Казахстане и в странах БВСА обнажает все недостатки государства и общества. Каждый существующий конфликт был доведен до крайности: социально-экономические проблемы, соперничество между правящими элитами, геополитическая борьба за влияние и власть, этническая и религиозная напряженность.

«Трагический январь» останется в коллективной памяти Казахстана на долгое время. Казахстанцы возлагает большие надежды на Президента К.К. Токаева, объявившего об амбициозной программе экономических и политических реформ, борьбы с коррупцией и признавшего необходимость противодействия неравному распределению богатства в стране. Заявленный им концепт «слышащего государства», которое «быстро и эффективно реагирует на все конструктивные запросы граждан» [211] и учитывает интересы граждан при принятии политических решений, придают силы и уверенности гражданам Казахстана.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведенное исследование показало, что несмотря на различия формы правления (республиканскую и монархическую) в арабских странах, системы власти в них имеют ряд сходных черт. Вместе с тем имеется и ряд существенных различий, обусловленных различными причинами исторического, этнорелигиозного и геополитического характера, что преопределило и различия в судьбах политических режимов в арабских странах. Так, если в одних странах (Кувейт, Саудовская Аравия, Оман и др.) существовавшая политическая система оказалась в целом невосприимчивой к массовым беспорядкам, народным выступлениям благодаря эффективной экономической, политической и социальной политике, то в других (Иордания, Бахрейн, Ирак, Марокко и др.), время от времени ее сотрясают крупные протесты. По-разному сложились и судьбы правителей политических режимов ряда арабских стран. Так, ливийский лидер Муаммар Каддафи был убит восставшим народом, отстраненный от власти глава Египта Хосни Мубарак пережил тюремное заключение, то президент Туниса Бен Али оказался в эмиграции в Саудовской Аравии.

Протестные движения «Арабской весны» быстро нашли отклик во всем регионе и привели к свержению правящих на тот момент режимов в Тунисе, Египте, Ливии и Йемене. Регион был охвачен социальным, политическим и экономическим кризисом, а также гражданскими войнами, межэтнические конфликтами, вынужденными миграциями, разрушением инфраструктуры и исторических памятников и др. Имели место две волны «Арабской весны»: первая – в 2010–2013 гг. годами, а вторая – 2018–2020 гг. Руководства Туниса, Египта, Ливии неоднократно поменялись, в Йемене власть перешла к Абду Раббо Мансури Хади, затем в 2014 году сторонники движения «Ансар Аллах» (хуситы) взяли под контроль столицу Сану, и страна оказалась охвачена гражданской войной, которая вследствие постоянного вмешательства региональных и мировых игроков продолжается и в настоящее время. Тунис, возможно, это единственная страна, которая сделала реальные шаги на пути к демократии. В Сирии разразилась гражданская война, наблюдается рост насилия и экстремизма, конфликты усилились и обострились между различными конфессиями, в которые вмешались, руквоодствуясь своими политическими и экономическими интересами, США, Иран, Турция, Россия и соседние монархии. В итоге революции постепенно отклонились от своей цели и превратились в нисходящую спираль экономического упадка, разрушения, насилия и гражданских войн.

В большинстве арабских стран и в целом в странах третьего мира существуют общие для всех экономические, социальные и политические факторы, которые создают условия для революций. Разница заключается только в процентом соотношении влияния каждого из этих факторов на ту или другую страну, поэтому по субъективным и объективным причинам лишь с формальными различиями все страны БВСА без исключения стали

«претендентами» на протесты. Очевидно, что все революции имеют общие черты, но поскольку каждый регион и страна имеют свои особенности, существуют и отличия. Большинство стран Ближнего Востока страдают от экономической отсталости, в основном зависят от импорта нефти или туризма, также в большинстве из них у власти находятся авторитарные режимы с характерными для них отсутствием политического плюрализма, свободы слова, наличием фальсификации выборов, безудержной коррупции и беспринципности президентов и их семей, провал экономической политики, высокий уровень безработицы и т.д. – все это подорвало легитимность режимов, увеличило разрыв построив высокую стену между властью и обществом.

Посредством эпистемологического подхода в данном диссертационном исследовании проанализирован характер, содержание и ход арабских волнений. Корни и причины этих революций в арабских странах – это комплекс различных факторов, которые привели к социальному, экономическому, политическому взрыву по всему Ближнему Востоку. При этом протесты начинались спонтанно с мирных демонстраций, небольших собраний после пятничной молитвы, и постепенно превращались в многомиллионные марши, которым арабские режимы не смогли противостоять. И в конце концов, шествия трансформировались в революции, получившие название «Арабской весны». По сути в ходе революций не выдвигалось идеологических требований, смены режима, а требования социальной справедливости, носили в значительной степени инклюзивный характер. В такой ситуации религия стала использоваться различными политическими ситами в своих собственных интересах.

В целом же арабские революции привели к дестабилизации структур авторитарного государства в арабском мире, что способствовало падению ряда политических режимов. Необходимо особо отметить, что социальные сети сыграли важную роль, поскольку они способствовали мобилизации и передаче информации и фото, видео материалов внутри и за пределами арабского мира. Так, информация о народных волнениях, массовых беспорядках быстро распространялись по миру благодаря таким социальным сетям, как Twitter, Facebook, а также каналам YouTube. При этом социальные сети и смартфоны сами по себе не являлись явными катализаторами народных выступлений, но тем не менее они дали протестующим возможность объединиться и сплотиться для организации демонстраций.

В ходе проведения диссертационного исследования были выявлены основные детерминанты этих революций – внешний или внутренний факторы, сыгравшие главную роль в регионе БВСА. Что касается внутреннего фактора, то речь идет о резком ухудшении ситуации в арабском обществе на экономическом и социальном уровнях, что подтверждает гипотезу о самостоятельной роли арабского народного движения. Помимо низких социально-экономических показателей, к внутренним факторам относятся авторитарные режимы, радикальные партии, включая течения политического

ислама. Ход революций показал, что крупнейшие международные державы не заинтересованы в демократизации арабских обществ, а движимы своими политическими, экономическими и геостратегическими интересами. При этом необходимо отметить, что демократия не актуальна в арабском мире, поскольку она не имеет никаких религиозных, культурных, социальных и политических основ. В настоящее время в арабском мире доминирует борьба не за демократию, а скорее за идентичность, конфессиональность, принадлежность какому-либо племени и др.

В представленной диссертационной работе события «Арабской весны» изучаются с точки зрения концептуальных мнений отечественных и зарубежных ученых. В ходе исследования анализируются позиции казахстанских, западных, арабских и российских ученых-востоковедов, а также известных политологов, философов, экономистов и т.д. Такой подход позволил исследовать «Арабскую весну» многоаспектно, то есть проанализировать социальные протесты в арабском мире через призму взаимосвязанных между собой процессов: экономических и социальных проблем, геополитики стран, плюс сложной этноконфессиональной ситуации в большинстве арабских стран БВСА.

В рамках данного диссертационного исследования позиции (интепретации) исследователей по оценке идейно-смыслового содержания «Арабской весны» разделены нами на следующие группы:

1) *оптимистическая критическая интерпретация* – характеризуется положительным восприятием революций «Арабской весны» как потенциала для улучшения жизни населения. Однако в рамках данного подхода сохраняется критический подход к существующим проблемам постреволюционных арабских стран;

2) *пессимистическая консервативная интерпретация* – отражает скептическое отношение к революциям, акцентируя внимание на возможных негативных последствиях и рисках, связанных с ними;

3) *конспирологическая интерпретация* – исследует и раскрывает альтернативные теории, которые предполагают наличие скрытых мотивов и манипуляций со стороны внешней силы (иностранных государств), что ставит под сомнение общепринятые теории о причинах «Арабской весны»;

4) *эндогенная социальная интерпретация* – делает акцент на внутренние социальные факторы, повлиявшие на народные протесты, а также на необходимость эмпирического подхода к исследованию всех социальных факторов;

5) *историческая интерпретация* – рассматривает развитие революций в контексте исторических событий и политических перемен, подчеркивая взаимосвязь между событиями и историческим дискурсом.

Каждая из указанных интепретаций предполагает изучение причин и следствий революций «Арабской весны». Так, оптимистическая критическая интерпретация видит в «Арабской весне» долгожданную возможность для арабских стран избавиться от авторитарных режимов и построить

демократическое общество. При этом была надежда, что эти революции приведут к укреплению прав человека, расширению политических свобод и повышению уровня жизни населения. В частности, речь идет о следующих идеях:

– *демократизация и свобода.* Ученые-востоковеды, политики и либеральные интеллектуалы, а также западные лидеры приветствовали «Арабскую весну» как триумф демократии и свободы. Они выражали надежду на то, что эти события приведут к созданию более стабильного и процветающего Ближнего Востока;

– *развитие гражданского общества.* Активизация гражданского общества, продемонстрированная в ходе протестов, рассматривалась как важный шаг на пути к модернизации арабских государств. Ученые и политики отмечали, что эти события способствовали росту политической сознательности граждан и их готовности отстаивать свои права;

– *региональная интеграция.* Некоторые эксперты полагали, что «Арабская весна» может стать катализатором региональной интеграции и сотрудничества. Они надеялись, что новые демократические правительства будут более открыты для диалога и сотрудничества со своими соседями;

– *влияние на глобальную политику.* Оптимисты верили, что «Арабская весна» может оказать существенное влияние на глобальную политику, способствуя укреплению демократических ценностей и расширению демократического мира.

Однако результаты «Арабской весны» оказались неоднозначными. В некоторых странах произошли смены режимов и были проведены демократические выборы, в то время как в других начались гражданские войны и установились авторитарные режимы.

Вторая интерпретация характеризуется пессимистическим подходом, поскольку исследователи акцентируют внимание на том, что после революций «Арабской весны» страны оказались в состояние упадка, не продемонстрировав значительного прогресса и сохранив прежний уровень развития. Речь идет о следующих моментах:

– *экономические и социальные трудности.* Изначально поставленные цели не были достигнуты, а экономические, социальные, политические и культурные проблемы остались нерешенными. Наблюдается упадок национальных ценностей, отсутствие правосудия, справедливости и т.д.;

– *радикализм и экстремизм.* Существует постоянная угроза прихода исламистов к власти и трансформации страны в антизападное исламское государство в союзе с террористическими организациями. Реализация такого сценария может привести к дестабилизации региона и поставить под угрозу мир и безопасность всему миру, прежде всего, нанесет ущерб западным интересам;

– *войны и конфликты.* Вместо стабильности и демократии во многих странах разгорелись гражданские войны, установилась политическая нестабильность.Ученые этой группы рассматривают арабские события в

негативном свете, что во многом обусловлено событиями в Ливии, Йемене и Сирии;

– *внешнее вмешательство.* Ученые склонны полагать, что внешние силы (в частности, арабские режимы, поддерживаемые Западом) управляют событиями из-за кулис. Согласно их мнению, внешние силы находятся в сговоре с протестантами. Аутсайдеры и их сторонники стремятся продвигать собственные цели за счет арабского народа, пытаясь восстановить западный контроль или гегемонию в регионе.

Третья группа состоит из ученых, которые называют «Арабскую весну» еще одним западным заговором с целью переформатирование арабской политики в интересах Запада. При этом сторонники такой интерпретации событий «Арабской весны» есть как в странах Запада, так и других регионах мира:

– США. Основная мысль заключается в том, что «Арабская весна» могла быть частью более широкой стратегии, направленной на изменение геополитической ситуации в пользу США под лозунгом во имя свободы и демократии. Изначально США поддерживала протестующих, видя в них стремление к демократии. В некоторых случаях США оказывались на стороне оппозиции, в других – пытались сохранить стабильность в регионе;

– Европейский Союз. Европейский союз также поддерживал демократические изменения в регионе, но его действия были более скоординированными и осторожными, чем у США. Его политика была неоднозначной, они поддерживали демократические изменения и в то же время преследовали геополитические цели, такие как контроль над энергетическими ресурсами и ослабление влияние соперников;

– Россия. Многие ученые убеждены, что Россия занимала неоднозначную позицию, с одной стороны, она осуждала вмешательство западных стран во внутренние дела арабских государств, с другой – использовала хаос в регионе для укрепления своих позиций. Так, Россия поддерживала некоторые режимы (например, в Сирии);

– Иран и другие державы. По мнению некоторых, ученых Иран активно поддерживал шиитские движения в регионе, что усиливало религиозные противоречия. Страны Персидского залива опасались распространения волнений на свои территории и оказывали финансовую поддержку авторитарным режимам. Израиль наблюдал за событиями в регионе с тревогой, опасаясь исламистских сил.

В целом вмешательство внешних сил часто приводило к усилению хаоса и гражданских войн. Внешние игроки оказывали финансовую помощь как правительствам, так и оппозиционным движениям. Некоторые страны поставляли оружие оппозиционным силам, что способствовало эскалации конфликтов, оказывали дипломатическое давление на правительство и оппозиционные силы, пытаясь повлиять на ход событий.

Четвертая группа ученых видит детерминатами арабских революций эндогенные (внутренние) факторы, а именно:

– *социально-экономические проблемы* – высокий уровень безработицы, особенно среди молодежи; отсутствие перспектив для улучшения условий жизни, инфляция, коррупция, ограниченный доступ к качественным услугам (образование, здравохранение), неравенство в распределении богатств;

– *политический застой* – подавление оппозиции, отсутствие демократических институтов и культ личности лидеров;

– *религиозный фактор* – ислам как объединяющая сила, играл важную роль в протестах. Однако различия религиозных течений в исламе усугубляют политическую ситуацию в странах Арабского Востока;

– *роль молодежи*. Образованная молодежь, имеющая доступ к интернету и социальным сетям, стала движущей силой протестов, требующая большей свободы, демократии и участия в политической жизни.

В целом, «Арабская весна» – это комплексное явление, вызванное совокупностью факторов, как внешних, так и внутренних (эндогенные) причин.

Пятая группа ученых смотрит на долгосрочные перспективы арабского мира. Многие ученые и историки рассматривают события Арабской весны не как случайное стечение обстоятельств, а как результат глубоких исторических процессов. Основные аргументы сторонников исторической интепретации:

– *цикличность истории*. История демонстрирует, что периоды стабильности часто сменяются периодами турбулентности. Революции и восстания являются частью этого цикла;

– *несостоятельность авторитарных режимов*. Авторитарные режимы, как правило, не способны обеспечить долгосрочную стабильность и развитие государств. Часто сталкиваются с проблемами коррупции, экономического кризиса, неэффективности и отчуждения населения;

– *влияние глобализации*. Глобализация усиливает взаимосвязь между государствами и обществами. Социальные сети предоставляют людям возможность организовываться и координировать свои действия, что значительно усиливает эффект от протестных движений. Информация распространяется быстрее, что значительно делает более сложным подавление протестов. Арабская весна отличилась большой ролью социальных медиа и более выраженными религиозным компонентом. При этом, сторонники этой точки зрения подчеркивают, что конкретные причины и последствия в каждой стране могут отличаться, каждая революция имеет свои особенности, связанные с историческим контекстом, культурой и политическими системами конкретной страны. Мнения о том, что арабская весна является исторической данностью, имеет под собой серьёзные основания. Однако, это не означает, что подобные события неизбежны или что их последствия всегда одинаковыми, каждая революция - это уникальный процесс, который зависит от множества факторов. Протестные движения часто возникают в ответ на системные проблемы, такие как неравенство, коррупция и отсутствие политических свобод, а внешнее вмешательство может как ускорить, так и дестабилизировать процессы перемен.

Мнения ученых и политиков по поводу причин и последствий «Арабской весны» продолжают дискутироваться. Но большинство исследователей сходятся во мнении, что внутренние факторы играли решающую роль в разжигании протестов. Мнения ученых эндогенного характера сосредоточены на социальных отношениях и культурных проблемах, что позволяет исследователям углубляться в события ниже уровня «высокой политики», чтобы создать более полное представление о ситуации. При анализе мнений ученых через призму гражданских прав и прав человека наиболее заметной было восприятие событий как стремление к свободе, достоинству и лучшей жизни. Пока неизвестно будут ли мнение ученых направлены в том же направлении в будущем, но абсолютно ясно, что академические дисциплины, сфокусированные на ориенталистику, историю и политику продолжают испытывать кризис в отношениях с арабским регионом, особенно в таких областях как международные отношения и политические исследования. Таким образом, в трудах западных ученых, научных работах казахстанских, арабских и российских исследователей получили отражение ряд важных проблем БВСА.

«Арабская весна» оказала существенное влияние на проблему национальной безопасности казахстанского общества. Революции и последовавшие затем гражданские войны на Ближнем Востоке, а также обозначенные выше факторы стали одной из причин того, что в рядах различных радикальных вооруженных групп Сирии и Ирака поехали воевать несколько сотен молодых людей из Казахстана. Важно отметить, что если до недавнего времени салафитская пропаганда и рекрутирование мусульман в ряды радикалов все же, носили единичный характер, то гражданская война в Сирии привела к тому, что в Казахстане проявилась общая центральноазиатская тенденция к массовому выезду радикально настроенных мусульман на Ближний Восток. Однако после распада и окончательного исчезновения радикальных групп с информационного пространства проблема выезда казахстанцев в горячие точки, в частности, в Сирию и Ирак, снова отошли на задний план и сама проблема борьбы с терроризмом потеряла былую остроту.

Решение проблем экстремизма в Центральной Азии, в том числе и в Казахстане предлагается достичь решение четырех задач:

1) выявить влияние на Центрально-Азиатский регион революций «Арабской весны», которая проявляет себя в первую очередь в виде религиозно-мотивированного терроризма;

2) показать обусловленность глобальности проблемы религиозного экстремизма, его профилактики в молодежной среде и механизмов защиты Республики Казахстан от проникновения на ее территорию радикально-экстремистских идей;

3) разработать направления на формирование и совершенствование законодательных, нормативных, организационных и иных механизмов органов власти Республики Казахстан по противодействия идеологии терроризма;

4) изучить роль радикальных исламистских идей и терроризма на события «Трагического января» 2022 года в Алматы.

Учитывая внешние и внутренние факторы, связанные с распространением в Казахстане идей экстремизма, следует отметить следующее:

– если рассматривать политику руководства Казахстана в отношении различного рода деструктивных и экстремистских групп, то в целом она достаточно эффективна. Она позволяет сохранять стабильность политической ситуации в стране;

– опираясь на данные социологических исследований, можно сказать, что благодаря эффективным антиэкстремистским мероприятиям, осуществляемым правоохранительными органами, угроза радикализации молодёжи Казахстана оценивается как небольшая;

– на наш взгляд, в рамках борьбы с терроризмом усилия отдельно взятых стран крайне недостаточны, поскольку терроризм имеет в своей основе комплекс причин социально-политического, религиозного и др. характера, не ограничивающихся, к тому же, границами одного государства. Поэтому в данном вопросе необходимы усилия как на национальном, так и на региональном и международном (в рамках миротворческих операций ООН) уровнях.

По нашему мнению, религиозно-экстремистские акты 2011–2017 гг. носили все-таки больше стихийный, а не качественный характер и поэтому были не способны закрепиться в обществе в виде конкретной идеологии. Кроме того, у представителей казахстанских религиозно-экстремистских джамаатов не было и нет единой координирующей организации. Деятельность тех или иных соответствующих лиц и объединений носит характер разрозненных действий несвязанных между собой. Следует также отметить, что на данный момент практически отсутствует, или она слабо выражена, долгосрочная стратегия реагирования на возникающие политические эксцессы. Речь идёт о том, что в борьбе с радикальными течениями органы государственной власти не всегда могут провести четкую грань между социально-экономическими протестами населения и действиями деструктивных элементов (зачастую даже трудно понять, творятся ли акты джихада или обычные криминальные преступления).

Огромную роль в возвращение наших граждан сыграла внешняя политика Казахстана, направленная на выстраивание сбалансированных отношений с ключевыми акторами международной политики. Сотрудничая в рамках своей многовекторной политики как западными, так и с ближневосточными странами, Казахстан благодаря своей активной роли в международной дипломатии, всегда выдвигал и выдвигает инициативы в решениях глобальных проблем международной политики. То что, операция «Жусан» прошла успешно, стало возможным, в том числе и тому, что Казахстан неоднократно выступал площадкой для проведения многосторонних переговоров по урегулированию ситуации в Сирии.

Одним из важных уроков «Арабской весны» является возможность выделить воздействие целый комплекс факторов на систему национальной

безопасности как внутреннего, так и внешнего характера. Войны и революции на БВСА и «Кровавый январь» 2022 года в Казахстане показали, что целостность государственной системы любой страны может пострадать под действием негативных сочетаний социально-экономических или политических факторов, поэтому государству нужно уметь эффективно и своевременно решать эти проблемы. Три фактора «Трагического января» – социальный, политический и геополитический, говорит о том, что на социальном уровне выражено разочарование казахстанского общества от ухудшения его социального положения, роста социального неравенства и коррумпированной системы власти. В данном случае политика казахстанских властей в решении социально-экономической сферы направлена на структурную систему противодействия этих проблем. Только таким образом, можно будет обезопасить Казахстан от сценариев «Арабской весны» и ее последствий.

Анализ ситуации на Ближнем Востоке находится в двух интерпретационных подходах: культурно-ориеталистического и структурного. Несмотря на некоторые изменения в изучении Ближнего Востока, эти подходы не смогли избавиться от предвзятости, сосредоточенной на западных взглядах. Это мешает им увидеть важные изменения, которые происходят в арабских странах. Первый подход пытается сравнить события в арабском мире с революциями в Восточной Европе и Латинской Америке, предполагая, что арабские страны тоже неизбежно перейдут к демократии. Второй подход, наоборот, скептически относится к возможности изменений, опасаясь, что арабские страны останутся под тиранией или столкнутся с радикальными исламскими режимами, как в Афганистане. Оба подхода не могут точно объяснить революции в арабском мире, потому что они оторваны от реальной жизни людей и не учитывают внутренние изменения в обществе. Кроме того, они не предлагают лучшие альтернативы существующим моделям, которые основываются на идентичности и самосознании людей, а также на понимании возможностей и угроз, с которыми они сталкиваются.

Изучение данной темы поставило более общую проблему. Речь идет о необходимости в будущем изучить проблемы кризиса власти и правящих режимов не только в странах Арабского Востока, но и в других регионах мира в историческом аспекте (например, в Чили, Индонезии, на Кубе во второй половине XX в., социалистических странах Восточной Европы конца 80-х гг. XX в. и др.), что позволило бы выявить общемировые тенденции в данном аспекте, но и особенности, характерные для каждой страны.

Отдельно нужно сказать об участие Казахстана в глобальном процессе по урегулированию сирийского процесса. Казахстан считает важным участие в глобальных саммитах по сирийскому процессу, всегда поддерживает международные переговоры, внося в них весомый практический вклад. Казахстан и впредь готов оказывать всестороннее содействие в разрешении и урегулирование конфликтов исключительно мирным путем, борясь за мир без войн и конфликтов, сохраняя, при этом свой курс на миротворчество.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1 Mohsin Khan. The economic consequences of the Arab Spring. Atlantic Council Rafik Hariri Center for the Middle East. Pp.1-2chrome-extension: // efaidnbmnnnibpcajpcglclefindmkaj/https://www.files.ethz.ch/isn/177370/The_Economic_Consequences_of_the_Arab_Spring.pdf 28.11.2017.

2 Bessma Momani. The Arab Spring Can Bring a Demographic Dividend: That is Good for Business and Investors // Global Policy Essay. – 2013. – P. 20–33.

3 Paul Rivlin. The GCC Economies Between the Arab Spring and Low Oil Prices. //MIDEAST SECURITY AND POLICY STUDIES. – 2013. – P. 71–74.

4 Elias Papaioannou, Gregorios Siourounis. Economic and Social Factors Driving the Third Wave of Democratization. London Business School Economics Working Paper No. DP 4. – 2004. – 79 p.

5 Shadmehr, Mehdi. «Mobilization, Repression and Revolution: Grievances and Opportunities in Contentious Politics» // Journal of Politics. – 2014. – P. 24–28.

6 Жижек С. «Почему боятся арабского революционного духа?» // Интеллектуалы и арабская революция / Под ред. Д. Потёмкин. – М.: Свободное Марксистское Издательство (С. М. И.), 2011. – С.12–33.

7 Peter Hallward. The Will of the People and the Struggle for Mass Sovereignty: A Preliminary Outline // Crisis and critique. – 2013 – № 9 (2). – P.10–55

8 Nicolas Tenez, «Printemps arabes, hiver intellectual» dans le journal Lorien-lugour «Plaidoyer pour les intellectuels», dans Jean-Paul Sartre, Situations philosophiques // Paris, L'Orient-Le Jour. – 2014. – P. 5–34.

9 K.L. Sinan Elgin, Nathan J. Brown, Marina Ottaway and Paul Salem. The Emerging System in the Middle East // Arab Crisis. – 2013 – № 6 (4). – P. 102–125.

10 Inken Bartels. The International Organization for Migration in North Africa. Making International Migration Management. // Interventions Series, Routledge. 2022. – 260 p.

11 Bachir Hamdouch and Jackline Wahba. Return migration and entrepreneurship in Morocco. Working Paper 666. The Economic Research Forum (ERF)21 Al-Sad Al-Aaly Street. – Dokki, Giza-Egypt, 2012. – P. 20–28.

12 Michael Hardt and Antonio Negri. Arabs are democracy's new pioneers. Guardian/ 25 February 2011. URL: https://www.theguardian.com. 28.11.2017.

13 Wai Mun Hong. Youth Unemployment in the Southern Mediterranean: Demographic Pressure, Human Development and Policies Youth, Revolt, Recognition - The Young Generation During And After The «Arab Spring». March – 2015. – P. 86–107.

14 Philip N. Howard & Muzammil M. Hussain Digital Media and the Arab Spring. The Internet and Political Islam. – New York, NY: Oxford University Press, 2010. – P. 1–11.

15 Eric Chaney. Democratic Change in the Arab World, Past and Present. The Brookings Institution. // Brookings Papers on Economic Activity, Spring. – 2012. – P. 363–400.

16 Larry Diamond. Democracy is Not Assured by Arab Uprisings. Insights by Stanford Business. March 18, 2011. URL: https://www.gsb.stanford.edu/insights/larry-diamond-democracy-not-assured-arab-uprisings. 25.08.2017.

17 Asef Bayat. Revolution without Revolutionaries: Making Sense of the Arab Spring /Stanford Studies in Middle Eastern and Islamic Societies and Cultures. – 2017. – P. 312–321.

18 Alain Badiou. «Révolution» ou «Soulèvement» dans les pays arabes? Paris: Lignes, 2011. URL: https://www.radiofrance.fr. 20.12.2018.

19 Henry Kissinger. Representing America's Role in the Arab Spring. International Herald Tribune. URL: https://www.nytimes.com. 28.11.2017.

20 Raymond Hinnebusch. Sectarianism and Civil Wa in Syria. Hinnebusch, R. & Valbjørn, M. (eds.). – London and, New York: Routledge Taylor & Francis Group. 2013. – P. 65–68.

21 Hillary Rodham Clinton. Hard Choices: A Memoir Hardcover // Print length – Simon & Schuster.– 2014. – 656 p.

22 Edgar Morin Nuages sur le printemps arabe Le Monde (25/04/2011). URL: https://www.lemonde.fr/en. 25.08.2017.

23 Olivier Roy. Holy Ignorance: When Religion and Culture Part Ways (Columbia/Hurst) Hardcover. Columbia University Press. – 288 p.

24 Dr John Chipman. The future of democracy in Africa and the Arab Spring. Oppenheimer Lecture (02.02.2012). URL: https://www.iiss.org/events. 18.05.2017.

25 Con Coughlin. Defence and Foreign Affairs Editor URL: https://www.telegraph.co.uk. 18.05.2017.

26 John R. Bradley in After the Arab Spring: How Islamists Hijacked the Middle East's Revolutions. St. Martin's Press. – 2012. – 256p.

27 Kai Hafiz. Arabischer Frühling und deutsches Islambild: Bildwandel durch ein Medienereignis? (German Edition). Frank & Timme. – German, 2013. – 154 p.

28 Mathieu Goudier. Arab Spring. (2013.03.02). URL: http://www.bundestag.de. 08.06.2017.

29 Immanuel Wallerstein. The Wind of Change – in the Arab World and Beyond. URL: https://znetwork.org. 08.06.2017.

30 Marcel Pott. Der Kampf um die arabische Seele: Der steinige Weg zur islamischen Demokratie. – German: Kiepenheuer&Witsch, 2012. – 165 p.

31 Paul Gosselin. Pourquoi le printemps arabe ne saura réussir? par Seloua Luste Boulbina. – Paris, Flammarion, 2013. – 189 p.

32 Ota Schafer. Der Arabische Frühling und die Beschlagnahmung der Demokratie. 10.08.2013, URL: http://www.dw.de. 18.02.2017.

33 Eldad Beck. Nominal Spring. URL: http://www.juedische-allgemeine.de. 08.06.2017.

34 Günther Orth. Gunter Orth. Das Schicksal der arabischen Völker ist noch nicht entschieden. URL: http://ar.qantara.de/content. 18.02.2017.

35 Sophie Zomborani. Spring Danger. Bielefeld, Deutschland (02.02.2014) URL: https://www.bpb.de/shop/zeitschriften. 26.05.2018.

36 Shlomo Avineri. Arabic spring – what happened to the ultimate revolutionary society? URL: https://www.welt.de/english-news. 08.06.2017.

37 Klaus Gallas, Yasser Aydin und Muriel Assiburg, Jochen Bettner. Der Arabische Frühling und seine Folgen. – Leipzig: Mitteldeutscher Verlag, 2014. URL: https://dgap.org/de/forschung. 08.06.2017.

38 Mihail Groys. Der Arabische Frühling und Israel: Ungenutzte Potenziale für einen neuen Frieden im Nahen Osten? – Munich: Grin, 2014. – 158 p.

39 Jonathan Cook. Israel and the Clash of Civilisations: Iraq, Iran and the Plan to Remake the Middle East. Pluto Press. London.2008. – 192 p.

40 Volker Perthes. Der Aufstand: Die arabische RevolutioMünchenn und ihre Folgen. Volker Perthes, München: Pantheon Verlag, 2011 URL: http://ar.qantara.de/content. 18.06.2017.

41 Katerina Dalacoura. The 2011 Arab Uprisings in the Middle East: Political Changes and Geopolitical Consequences // International Affairs (Royal Institute of International Affairs). Published By: Oxford University Press. – 2012. – Vol. 88. No. 1 (January 2012). – P. 63–79

42 I.Wallerstein. The Second Arab Revolt: Winners and Losers. URL: https://iwallerstein.com. 26.05.2018.

43 محمد المختار الشنقيطي كتاب الأزمة الدستورية في الحضارة الإسلامية من الفتنة الكبرى إلى الربيع العربي-الفتنة الكبرى علي معاوية فتنة عثمان دستور أمة الإسلام ثورات العرب ٢٠١٧ - ٣٢٤ص

44 بواخرين توفيق "اليوم أخبار" URL: https://akhbarelyom.com. 20.05.2017.

45 ستيف كراوشو حركات ثورية: قصص شعوب غيرت مصيرها: من بولندا إلى البرازيل إلى ساحل العاج إلى إيران فالربيع العربي / ...ستيفكراوشو، جون جاكسون؛[مقدمة بقلم الرئيس التشيكي السابق فاتسلاف هافيل؛ ترجمة هالة سنو[بيروت: شركة المطبوعات، 2012 مج. 226 ص.: غلاف مص.؛ 24

46 مهدي مبروك في حوار مع صحيفة العربي الجديد URL: https://www.alaraby.co.uk/ 16.05.2020.

47 "رفيق عبد السلامة في حوار مع مجلة "العربي الجديد URL: https://www.alaraby.co.uk/ 18.05.2020.

48 خمسة أعوام على الربيع العربي: إنجازاته وإخفاقاته ومستقبله URL: https://studies.aljazeera.net/ 26.03.2018.

49 برهان غليون أستاذ علم الاجتماع السياسي ومدير مركز دراسات الشرق المعاصر في جامعة السوربون URL: https://archive-forum.aljazeera.net/ 26.05.2018.

50 جورج صبرة: من أولويات النظام الحالي في سوريا وضع دستور جديد يعكس تطلعات السوريين URL: https://www.france24.com. 26.03.2025.

51 سيف عبد الفتاح المسألة التراثية وتصنيف العلوم... جهود واجتهادات URL: https://www.saifabdelfattah.net. 27.03.2020.

52 بنية الثورات العربية: الفلسفة والتغيير / د .عزيز الحدادي/ فاس: ما بعد الحداثة، 2012 مج. 160 ص. غلاف مص.؛ 22 سم

53 رضوان زيادة. السلطة و الاستخبارات في سورية بيروت: الشبكة العربية للابحاث والنشر/ الطبعة الأولى : 2013 م 345 ص

54 البرعصي: قرارات الحكومة الليبية تطبخ خارجها URL: https://www.aljazeera.net/news/2014/2/25. 20.05.2017.

55 السياسي الليبي مالك الحراسة يتحدث عن ليبيا بعد مقتل القذافي URL: https://ar.libyaobserver.ly/ 20.05.2017

إيمان حسني. الشباب والحركات الاجتماعية والسياسية: دراسة في الاعالام والرأي العام ترصد 56
إرهاصات ثورة 25 من يناير 2011 م / إيمان محمد حسني عبد الله القاهرة: دار العالم العربي، 2011 مج.
(365ص.): غلاف مص.؛ 24 سم
مجلة الدراسات الفلسطينية مؤسسة الدراسات الفلسطينية، الثورات العربية والقيم الجديدة 2011 57
- ص.93 -88
حسن خضر. إسرائيل كلمة جائعة (الكرمل الجديد ربيع –صيف 2012) 383 ص. 58
أحمد بن عثمان التويجري. إرفعوا الملام عن شيخ الإسلام _ مقالة /ثورات العرب ٢٠١٧ - 59
٣٢٤ص
الموقف الاستراتيجي لأمريكا وإسرائيل تجاه التحول السياسي في المنطقة العربية /يصدرها مركز 60
دراسات الوحدة العربية، ع. 399، 2012 الثورة والانتقال الديمقراطي في الوطن الطبعة الأولى : 2017 م
365 ص
إبراهيم علوش. التحولات الشعبية والثورات في العالم العربي: مؤشرات واقعية وآفاق مستقبلية/ 61
(الكرمل الجديد ربيع –صيف 2012) ص 312
وجهة نظر: مجلة تعنى بقضايا السياسة والفكر / المدير المسؤول: عبد اللطيف حسني، 62
التسلط...الثورة ... وما بعد الثورة / الطبعة الأولى : 2017 م 275 ص
السياسة الدولية تصدر عن مركز الدراسات السياسية والاستراتيجية بالأهرام، : 2018 م 248 ص 63
زكريا سليمان بيومى. العرب بين النفوذ الإيراني والمخطط الأمريكي والصهيوني. دار العلم 64
والإيمان للنشر والتوزيع/2009 م 207 ص
الاستراتيجية الإيرانية في الخليج العربي/ مجموعة التفكير الاستراتيجي. ٢٠١٦ - ٣٦٤ص 65
المجلة المغربية للعلوم السياسية والاجتماعية مركز الأبحاث والدراسات في العلوم الاجتماعية، عدد 66
خاص، 2012 . 15 ص
د نبيل علي الشرجبي. أستاذ الأزمات الدولية الدكتور نبيل الشرجبي في حوار خاص: الامارات 67
تطبق النمط الامريكي في العراق باليمن URL: https://almawqeapost.net/ 26.05.2018.
د. حسن نافعة. تحديات المراحل الانتقالية في بلدان الربيع العربي. 2013 68
https://www.aljazeera.net/ 05.05.2018.
أديب نعمة. الفقر واللامساواة URL: https://www.annd.org. 21.05.2023. 69
70 Мутузов В. США пожертвовали Израилем ради «Арабской весны». URL: https://eadaily.com/ru. 05.03.2020.
71 Фитуни Л.Л. «Арабская весна»: трансформация политических парадигм в контексте международных отношений // Мировая экономика и международные отношения. – 2012. – № 1. – С. 3–14.
72 Малышева Д. «Арабская весна» глазами российских ученых. URL: https://globalaffairs.ru/articles. 05.05.2018.
73 Сивков К. США официально признали своё катастрофическое военно-политическое поражение. URL: https://zvezdaweekly.ru/news. 05.03.2020.
74 Наумкин В. Снизу вверх и обратно. «Арабская весна» и глобальная международная система // Россия в глобальной политике. – 2011. – Т. 9. – № 4. – С. 20–33.
75 Успенский Ю. И. Арабские хроники: суровый путь в Дамаск. – М.: Институт экономических стратегий. – 2013. – 560 с.
76 Звягельская И.Д. Восприятие в России событий в арабском мире (на примере ситуации вокруг Сирии) // Ближневосточный курс России: исторические этапы, Ближний Восток, Арабское пробуждение и Россия: что дальше? / Сборник статей: отв. ред-ры: В.В. Наумкин, В.В. Попов, В.А.

Кузнецов / ИВ РАН; Фак-т мировой политики и ИСАА МГУ им. М.В. Ломоносова. – М.: ИВ РАН, 2012. – С. 530–540

77 Примаков Е.М. Ближневосточный курс России: исторические этапы. // Ближневосточный курс России: исторические этапы, Ближний Восток, Арабское пробуждение и Россия: что дальше? Сборник статей: отв. ред-ры: В.В. Наумкин, В.В. Попов, В.А. Кузнецов / ИВ РАН; Фак-т мировой политики и ИСАА МГУ им. М.В. Ломоносова. – М.: ИВ РАН, 2012. – С. 21–32

78 Малышева Д.Б. Арабская весна как политический кризис. URL: https://lib.sale. 05.04.2017.

79 Долгов Б.В. Социальный протест в арабском мире. http: yaran-suvar.ucoz.ru.15.03.2017.

80 Степанова Е.А. Вооруженный конфликт в Сирии и политика России. статьи, исследования, разработки. URL: http://www.estepanova.net/03StepanovaSyria. pdf. – С. 7–25.

81 Ближний Восток, Арабское пробуждение и Россия: что дальше? Сборник статей: отв. редакторы: В.В. Наумкин, В.В. Попов, В.А. Кузнецов / ИВ РАН; Факультет мировой политики и ИСАА МГУ им. М.В. Ломоносова. – М.: ИВ РАН, 2012. – 593 с.

82 Филатов С. «Арабская весна» от рассвета до заката. – М.: Наука, 2021. – 622 с.

83 Сатановский Я.Е. Восток погружается в трясину демократии. Актуальные комментарии URL: https://actualcomment.ru. 05.04.2017.

84 Колесников П.М. Еще раз о феномене «Арабской весны» и эскалации напряженности на Ближнем Востоке. URL: file:///D:/Users/User/Downloads/Колесников PDF. 22.12.2022.

85 Рыжов И.В., Бородина М.Ю. «Арабская весна» как квинтэссенция межарабских противоречий // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. – 2012. – № 6 (1). – С. 252–256.

86 Шумилин А.И. Политика США на Ближнем Востоке в контексте «Арабской весны» // Международные отношения. Москва. – 201 – 336 с.

87 Поцераб П.Б. «Арабская весна» или «исламистская осень»? // Институт Ближнего Востока. // URL: http://www.iimes.ru/?p=15284 05.05.2018.

88 Лаумуллин М.Т. «Арабская весна 2011 года: социально-политические изменения на арабском Востоке и их международные последствия». – Алматы: КИСИ, 2011. – 227 с.

89 Жумалы Р. Арабский пасьянс. – Астана: КИСИ при Президенте РК, 2016. – 508 с.

90 Мусинов, А. А. Ближний и Средний Восток в системе международных отношений: монография / Казахский нац. ун-т им. Аль-Фараби. – Алматы: Қазақ университеті, 2020. – 236 с.

91 Джалилов З.Г. Ислам и общество в современном Казахстане. – Алматы: Дайк-Пресс, 2006. – 199 с.

92 Карин Е. Между ИГИЛ и Аль-Каидой: центральноазиатские боевики в Сирийской войне. – Астана, 2017. – 312 с.

93 Сатпаев Д., Жумалы Р., Жусупова А., Сатпаев Д., Умбеталиева Т., Чеботарев А., Абишева М., Алияров Е. Коктейль Молотова. Анатомия казахстанской молодежи. – Алматы, 2014. – 365 с.

94 Кулекеев Ж. Январские события: борьба за Акорду. – Алматы, Классика, 2022. – 357 с.

95 Пастухов Е. Маленький гигант, большая геополитика. //Журнал «Центр Азии». – 2019. – № 4 (86). – С. 39–52.

96 Нурша А. Каспийское море в зеркале «сирийского кризиса» // Центральная Азия и Кавказ. – 2016. – С. 40–51.

97 Абдулин Б. Бесконечная сирийская драма // Журнал «Центр Азии». – 2015 – № 5 (87). – С. 21–35.

98 Бисенбаев А.К. Революция и контрреволюция в России и Центральной Азии XXI век // LAP LAMBERT Academic Publishing. Алматы.– 2022. – 196 с.

99 Акимбеков С. Сирийский тупик // Журнал «Центр Азии». –2017. – № 2 (108.) URL: https://www.asiakz.com. 15.07.2019.

100 Chronologie des Arabischen Frühlings. Foreign Policy. Abgerufen am 30. – S.165-172. URL: https://foreignpolicy.com. 05.05.2018.

101 Informations-Portal zur politischen Bildung. Unruhen in der arabischen Welt. URL: https://www.politische-bildung.de. 28.08.2019.

102 Gröndahl, Mia .Tahrir square, the heart of the Egyptian revolution Paris; Cairo: The American University in Cairo Press, 2011. URL: https://aucpress.com. 15.07.2019.

103 Barbara Cadiz, Joseph Wright and Erica Franz. Authoritarian Decline and Power Transitions: A New Look. – Sainte-Foy: Presses de l'Université Laval, 2011. – Vol. 1. – 282 p.

104 Aaron David Miller. Why is Obama Paralyzed in the Middle East? // Foreign Policy Magazine. URL: https://foreignpolicy.com. 15.08.2019.

105 Обама исключил развертывание в Сирии наземных войск США. URL: https://www.bbc.com. 28.08.2019.

106 Гришакова Л.В. Российские исследователи о международной обстановке вокруг Сирии (на основе публикаций 2011–2013 гг.) // Вестник ОГУ. – 2014, июль. – №7 (168). – С. 142–148.

107 Hussein Agha and Robert Mali. Das ist keine Revolution. URL: https://internationalepolitik.de. 15.08.2019.

108 Islamisten übernehmen die demokratische Macht. URL: http://www politische-bildung.de. 15.08.2019.

109 Michael Brenning. Thema der öffentlichen Anhörung: Die Entwicklung des Politischen Islam in der MENA-Region. – Berlin, den 20.03.2013 URL: https://www.dfki.de/web. 28.08.2019.

110 Georg Kronauer, Wolfgang Schneider, Bernhard Schmid und Olaf Diller Der Tyrann des Westens – Der Arabische Frühling, Israel und westliche Interessen» Frank & Timme. – German, 2014. – 264 p.

111 Welter Dagmar, Jana Reich und Eva Fuchs. Filter Dagmar, Arabischer Frühling? Alte und neue Geschlechterpolitiken in einer Region im Umbruch Freiburg: Centaurus Verlag & Media 2013. – German, 2014. – 187 p.

112 Edward Said. The West has for centuries viewed this region as a source of income in achieving its hegemonic goals. URL: https://parstoday.ir/ru/radio. 15.08.2019.

113 داود تلحمي. الأبعاد الخارجية للثورات والانتفاضات الشعبية العربية/ فاس: ما بعد الحداثة، 2018 مج. 260 ص.

114 محمد السيد سعيد، أزمة النظام العربي، السياسة الدولية، العدد (100) ، السنة (26) نيسان / أبريل

115 عصام عبد الشافي، الثورة المكبوثة عوائق التغيير الشامل في السعودية وسوريا"، السياسة الدولية، العدد (184)، المجلد 46، أبريل 2011.

116 الأستاذ الدكتور جمال سند السويدي. إيران والخليج: البحث عن الاستقرار 2013 م 64 5 ص

117 عيسى دويش البعد العربي في السياسة الخارجية، "الفكر السياسي "، العدد (176)، 07/سبتمبر2012

118 Юджина Рогана. Арабы. История. XVI–XXI вв. // Альпина Паблишер. – M., 2020. – 1064 с.

119 مركز الجزيرة للدراسات حزب الله في زمن الثورات العربية. URL: http://www.aljazeera.net/ 19.08.2019.

120 فيصل دراج، الثورات العربية وصور المثقف"، المسقبل العربي (العدد 393)، السنة (34) نوفمبر/11/2011

121 محمد السعيد إدريس، إتجاهات معاكسة : مواقف الفاعلين الإقليميين غير العرب تجاه الثورات العربية"، السياسة الدولية (العدد 188) أبريل 2012

122 مصطفى علوي، كيف يتعامل مع الثورات العربية"، "السياسة الدولية، العدد 184، المجلد 46، أبريل .2011. 260 ص

123 Donald MacIntyre. How the Arab Spring Caught the West Red-Handed? Independent. URL: https://www.independent.co.uk. 19.09.2020.

124 عيسى دويش البعد العربي في السياسة الخارجية، "الفكر السياسي "، العدد (176)، 2018 مج. 260 ص

125 Амирбекова С.К. Социально-политические конфликты в странах Ближнего Востока как существенный фактор мировой политики. Общественные науки в современном мире: политология, социология, философия, история // XIV международная научно-практическая конференция (октябрь 2018 г.) – M., 2018. – (10). – С. 26–48.

126 غسان سلامة، عن تونس"، المستقبل العربي، العدد (384) السنة (33) ، فبراير /02/2011

127 سليم عرنوس، العلاقة المتبادلة بين السلطتين التنفيذية والتشريعية في النظام السياسي السوري"، الشريعية والقانون، كلية القانون، جامعة الإمارات العربية المتحدة، العدد (50) أفريل 2012

128 Musleh Khader al-Jubouri. The Roots of Tyranny and the Arab Spring. //Academics for Publishing and Distribution. – Амман, 2014. – 345 p.

129 إبراهيم عبد الكريم، خيري عمر وآخرون، ثورة 25 يناير المصرية، مركز دراسات الشرق الأوسط، الأردن نيسان/ أبريل 2011 URL: www.mesc.com.jo/.../studies_la_20.htm 15.08.2019.

130 Eastern tyranny or tyranny in the East? Dar Al-Mada for Culture and Publishing. – Baghdad, 2016. – 238 p.

131 علي حسين باكير، تداعيات حزب الله من الثورة السورية، على الرابط: تم التصفح في 16/04/2014 على

132 ماجد كيالي. الصدع الكبير...محنة السياسة والأيدلوجيا والسلطة في اختبارات الربيع العربي.2022 م 312 ص

133 Амирбекова С.К., Байдаров Е.У. События «Арабской весны» в освещении исследователей ближневосточных стран» // Казахстанское востоковедение. – 2025. – № 2. – С. 283–293.

134 نعامة بو سلمان. والدولة العربي الربيع ثورة / ص 2 74 م 2018

135 بونام سلمان. العربية الثورات فلسفة/ ص 3 68 م 2019

136 عنب بلدي، مواقف الأسد والمعارضة السورية تخلق تحديات أمام جنيف - 2، عنب بلدي (العدد 93 الأحد كانون الأول (ديسمبر)، 2013

137 Амирбекова С.К. «Араб көктемі» көтерілістерінің себеп-салдарыны қатысты араб және қазақ ғалымдарының ой-пікірлері // «Орталық Азия – Араб әлемі тарих пен мәдениетінің өзара ықпалдастығы» атты халықаралық ғылыми конференция материалдары (12–13 маусым, 2017). – 2017. – Б. 38–43.

138 Альбадави Исса. Анализ международных проблем периода «Арабской весны» 2011–2012 гг. в публикациях журналов РАН. URL: https://relga.ru. 05.03.2020.

139 Ваким Дж., Кузнецов Л.Л. Геополитическое измерение сирийского конфликта// Вестник РУДН, серия «Международные отношения». – 2016. –Том 16. № 3. – С. 461–472.

140 Барышев А.П. Идеология и мировая политика. – М., 2015. – 325 с.

141 Успенский Ю.И. Дни арабов. Пора казней египетских. – СПб.: Алетейя, 2017. – 280 с.

142 Амирбекова С.К., Байдаров Е.У. Ресейлік және отандық ғалым-шығыстанушылардың «Араб көктемінің» себеп-салдарының насихатталу аясы. // Әл-Фараби атындағы ҚазҰУ Хабаршысы. «Шығыстану» сериясы. – 2017. – №1(80). –Б.56-62.

143 Долгов Б.В. Феномен «Арабской весны» и его последствия: 2011–2020-е годы: Причины, развитие, перспективы – Тунис, Египет, Ливия, Сирия, Алжир. 2018. – 208 с.

144 Чеботарев А.Е., Телебаев Г.Т., Аюпова З.К., Булуктаев Ю.О., Иватова Л.М., Ибраева Г.Ж., Кадыржанов Р.К. Национальная безопасность РК: политика, экономика, информация. – Алматы: Атамекен, 2017. – 410 с.

145 Карин Е. Солдаты Халифата. Мифы и реальность. – Алматы, 2014. – 173 с.

146 Карин Е. Операция «Жусан». Бренд. Print House Gerona. Алматы. – 2020. – 265 с.

147 Сатпаев Д. Если не заняться молодежью, возможна арабская весна. URL: https://kapital.kz/gosudarstvo. 07.03.2018.

148 Дети напалма. URL: https://exclusive.kz/expertiza. 07.03.2018.

149 Сатпаев Д. «Социальные аутсайдеры, а не террористы». URL: https://misk.org.kz. 07.03.2018.

150 Ахматова З. Книга недели. «Коктейль Молотова»: О чем сказали Сэлинджер и Сатпаев? URL: https://vlast.kz/politika. 07.03.2018.

151 Сатпаев Д. Молодежь Казахстана: что ждет? URL: https://misk.org.kz. 07.03.2018.

152 Пастухов Е.А. Ближний Восток: Судный день // Журнал «Центр Азии». – № 5 (93). URL: https://www.asiakz.com. 20.02.2020.

153 Пастухов Е.А. Эхо сирийской войны // Журнал «Центр Азии». – № 3 (109). URL: https://www.asiakz.com. 20.02.2020.

154 Пастухов Е.А. Переходный Йемен // Журнал «Центр Азии». – № 1 (95). URL: https://www.asiakz.com. 20.02.2020.

155 Baidarov E.U. Amirbekova S.K. Religious aspects of the Syrian crisis on social media // Central Asia and the Caucasus (Sweden). – 2020. – Vol. 21, Is. 1. – P. 114–124.

156 Акимбеков С. Великие переселения народа // Журнал «Центр Азии». – № 5 (99). URL: https://www.asiakz.com. 20.02.2020.

157 Акимбеков С. Сирийский тупик // Центр Азии. – № 1 (101). https://www.asiakz.com. 20.02.2020.

158 Акимбеков С. Почему проиграл Б Асад // Журнал «Центр Азии». – № 1 (83). URL: https://www.asiakz.com. 20.02.2020.

159 معوض على تحليل أولي لدور التركي في ظل الثورات العربية، السياسة الدولية (العدد 185)، 2011

160 Васильев М. «Управляемый» хаос как технология неоколониального передела мира. URL: http://www.philos.lv. 10.06.2020.

161 Zhalilov Z.G., Batyrkhan B.Sh., Amirbekova S.K. Kazakhstan and the islamic world: trade and economic interests and initiatives //Журнал Адам әлемі. – 2024. – № 1 (99). – P. 91–107

162 Marc Lynch. Obama’s Arab Spring? // Law Journal, 700(63).70(18). In the Year (2011). URL: https://foreignpolicy.com. 05.05.2018.

163 «Долгий XIX век» в истории Беларуси и Восточной Европы: исследования по Новой и Новейшей истории: сб. науч. тр. /редкол.: И. А. Марзалюк (пред.) [и др.]. – Минск : РИВШ, 2017. – Вып. 1. – 210 с.

164 Баранов Х. К. Арабско-русский словарь. – М., 2006. – Т. I. – 283 с.

165 Hillary Clinton: Middle East facing 'perfect storm' / 5 February 2011 https://www.bbc.com. 28.08.2019.

166 المجلة المغربية للعلوم السياسية والاجتماعية مركز الأبحاث والدراسات في العلوم الاجتماعية، عدد خاص، 2012 . 15 ص

167 Гейдарова А. Тунис. URL: https://russiancouncil.ru. 08.08.2019.

168 Амирбекова С.К., Байдаров Е.У. МАР-дағы «араб көктемі» төңкерісінің себеп-салдарының сипаттамасы мен саяси исламның рөлі туралы ой пікірлері // «Исламтану және араб филологиясы мәселелері» атты дәстүрлі тақырып аясында Халықаралық ғылыми-тәжірибелік конференция жинағы. – Алматы, 2017. – Б. 145–156.

169 Clarke, Killian. Revolutionary Violence and Counterrevolution. American Political Science Review (academic journal). URL: https://www.cambridge.org. 28.08.2023.

170 صالح بن منير : الثورات العربية والتواصل الاجتماعي شبكات. 2017 م 275 ص.

171 عصام نعمان، حقوق الإنسان و حقوق الشعوب المستقبل العربي، العدد (266)، السنة (23) نيسان/ أبريل، 2001.

172 Амирбекова С.К., Байдаров Е.У. «Араб көктемі» төңкерістерінен кейінгі Таяу Шығыс пен Солтүстік Африка елдерінің әлеуметтік, экономикалық, саяси ахуалы // Әл-Фараби атындағы ҚазҰУ Хабаршысы, «Шығыстану» сериясы. – Алматы, 2017. – № 4 (83). – Б.11–20.

173 Амирбекова С.К., Байдаров Е.У. Жузбаева У.Д. Роль женщины в событиях «Арабской весны» // Қазақ тарихы. – 2020. – № 2 (179). – С. 35–38.

174 عكاشة سعيد، إسرائيل في مواجهة الوضع الجديد في المنطقة الشرق الأوسط"، السياسة الدولية، (العدد (185)، 2011.

175 Амирбекова С.К., Байдаров Е.У. Экономика арабских стран до и после «Арабской весны» // Казахстанское востоковедение. – Алматы, 2024. – № 4. Т. 12. – С. 150–169.

176 Амирбекова С.К., Байдаров Е.У. «Араб көктемі» төңкерістерінен кейінгі Тунис халқының әлеуметтік, экономикалық, саяси ахуалы // Әл-Фараби атындағы ҚазҰУ Хабаршысы. «Шығыстану» сериясы. – Алматы, 2017. – № 3 (80). – Б. 22–27.

177 Barack Obama says Libya was 'worst mistake' of his presidency. URL: https://www.theguardian.com. 28.08.2019.

178 Карин Е., Зенн Дж. Между ИГИЛ и Аль-Каидой: центральноазиатские боевики в Сирийской войне. Print House Gerona. – Астана, 2019. – 356 с.

179 Syria opposition says armed Kurds ‘hostile’. URL: https://www.aljazeera.com/ 05.05.2018.

180 Constitution of the Islamic Republic of Iran 1979. URL:https://www.wipo.int/ 05.05.2018.

181 فراس أبو هلال، "إيران" و الثورات العربية الموقف والتداعيات"، مركز الدوحة مركز العربي للأبحاث ودراسات السياسية، تموز / يولويو : 2018 م 315 ص

182 Вызовы безопасности в Центральной Азии. – М.: ИМЭМО РАН, 2013. – 150 с.

183 Казанцев А. Центральная Азия: светская государственность перед вызовом радикального ислама // Валдайские записки. –2016, январь. – № 2 (42). – С. 56–78.

184 Актаулова Б., Сапанова С. О политизации ислама в Центральной Азии: сущность, причины, последствия // KazNU Bulletin. Oriental series. – 2012. – № 1 (58). – С. 3–8.

185 Шибутов М., Абрамов В. Терроризм в Казахстане – 2011 – 2012 годы (доклад) // Информационное агентство REGNUM. – 2012. – 27 ноябрь. – 50 с.

186 Чеботарёв А.Е. Экстремизм в Казахстане: современное состояние и вопросы противодействия: сборник научных трудов. – Алматы, 2016. – 608 с.

187 Кирсанов А.И., Давыдов Д.В., Завальский А.В., Скрибцова Н.А. Экстремизм в молодежной среде и его профилактика в образовательной организации (по результатам экспертного опроса) // Электронный журнал «Психологическая наука и образование psyedu.ru». – 2014. – № 1. – С. 89–95.

188 Доклад. Геополитические последствия Арабской весны для Казахстана. URL: https://regnum.ru/news/1721084.html.17.11.2017.

189 Amirbekova S.K. Kazakhstan in the Arab Spring context // Central Asia and the Caucasus (Sweden). – 2019. – Vol. 20, Is. 1. – P. 76–87

190 Аналитический отчет. Итоги Национальной переписи населения Республики Казахстан 2009 года / Под ред. Смаилова А.А. – Астана, 2011 – 65 с.

191 Серенко С. Бумеранг радикализма в Казахстане. URL: / http://www.ng.ru. 10.06.2020.

192 Закон Республики Казахстан от 11 октября 2011 года № 483-IV «О религиозной деятельности и религиозных объединениях» (с изменениями и дополнениями по состоянию на 11.12.2016 г.) URL: https://adilet.zan.kz/ 24.07.2018.

193. Государственная программа по противодействию религиозному экстремизму и терроризму на 2018–2022 годы: Указ Президента Республики Казахстан. URL: https://adilet.zan.kz. 07.03.2018.

194 О ратификации Конвенции Шанхайской организации сотрудничества против терроризма: Закон Республики Казахстан от 10 января 2011 января № 381-IV // URL: https://adilet.zan.kz/rus 15.03.2023.

195 О ратификации Шанхайской конвенции о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом: Закон Республики Казахстан от 18 апреля 2002 года № 316 // URL: https://adilet.zan.kz/rus 15.03.2023.

196 О подписании Международной конвенции о борьбе с актами ядерного терроризма: Указ Президента Республики Казахстан от 15 сентября 2005 года № 1646 // URL: https://adilet.zan.kz/rus 15.03.2023.

197 О противодействии терроризму: Закон Республики Казахстан от 13 июля 1999 года № 416 // URL: https://adilet.zan.kz/rus

198 О мерах по предупреждению и пресечению проявлений терроризма и экстремизма: Указ Президента Республики Казахстан от 10 февраля 2000 года № 332 // URL: https://adilet.zan.kz/rus 15.03.2023.

199 Об утверждении Правил организации деятельности в сфере противодействия терроризму в Республике Казахстан: Постановление Правительства Республики Казахстан от 22 декабря 2010 года № 1404 // URL: https://adilet.zan.kz/rus 15.03.2023.

200 Онжанов Н. Миротворец - Сирийский узел. – Астана: Деловой Мир Астана, 2017. – 256 с.

201 МОМ: 6,7 миллиона человек остаются беженцами внутри Сирии. URL: https://hawarnews.com. 10.06.2020.

202 Пастухов Е. Астаниская площадка по Сирии. URL: https://kzkazan.ru/ru/astaninskij-process. 15.06.2020.

203 Астаниский процесс. URL: https://kzkazan.ru/ru/astaninskij-process. 28.12.2021.

204 Астанинская площадка завершилась. URL: https://kzkazan.ru.15.06.2020.

205 Диханбаева Д. Астанинский процесс и его роль в политико-дипломатическом урегулировании сирийского конфликта. URL: https://isca.kz/ru. 15.06.2020.

206 Ген.прокурор РК Б. Асылов. Силовики ограничивались спецсредствами не летального действия и до последнего не применяли боевое оружие, но это было воспринято как слабость. URL: https://inbusiness.kz. 15.03.2022.

207 Кто стоит за январскими событиями? URL: https://kazpravda.kz. 15.02.2022.

208 Контингенты коллективных миротворческих сил ОДКБ направлены в Республику Казахстан. URL: https://odkb-csto.org.15.02.2022.

209 В Алматы на митинге в память о погибших в январе призвали объявить импичмент Токаеву. URL: https://rus.azattyq.org. 15.02.2022.

210 Выводы по «Трагическому январю». URL: https://kzkazan.ru. 11.03.2022.

211 Послание Главы государства Касым-Жомарта Токаева народу Казахстана «Справедливое государство. Единая нация. Благополучное общество». URL: https://www.akorda.kz. 15.03.2023.